

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

VOL. 6 , №4
TOM 6 , №4

2024

16+

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka.

Based on the order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 20, 2022 No. 314-r, the journal is included in the List of the Higher Attestation Commission for 5 scientific specialties and relevant branches of science:

- 5.6.2. General history (historical sciences);
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences);
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences);
- 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (Chinese and Turkish) (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientologists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

- Coordination and popularization of oriental studies.
- Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.
- Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.
- Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.
- Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

- Координация и популяризация востоковедческих исследований;
- Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;
- Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;
- Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;
- Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379. Free price.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI), Higher Attestation Commission (HAC)

Release date: 00.00.2024. Offset paper. Digital printing. Format A4. The total circulation is 500 copies. Order No. /2024. Printed from finished layout at the «Fen» Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Layout and prepress: Dionis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: Dmitry Martynov, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: Ramil Valeev, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: Alfiya Alikberova, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: Rustem Mukhametzyanov, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary:

Dmitry Balakin, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: Elmira Khabibullina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasyri, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emiliya Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379. Цена свободная.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Дата выхода выпуска в свет: 00.00.2024. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат А4. Общий тираж 500 экз. Заказ № /2024. Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «Фэн» Академии наук РТ

Верстка и допечатная обработка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилевич, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственные секретари:

Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганава, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджу, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Джин Енг, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланья Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

SECTIONS

FROM THE EDITORIAL BOARD

6

Yu.G. Blagoder, I.V. Gerasimov, V.G. Datsyshen, D.E. Martynov, O.N. Polyanskaya **Research cycle "Kazan Center of Russian Oriental Studies: Destinies and Legacy (XIX–beginning XX century)."**

8

PHILOLOGICAL SCIENCES

Ibragimova D.R., Glushkova S.Y., Yilmaz E.R. **Specificity of expressing verbal aggression in the Chinese language (based on a Chinese TV show 爱情保卫战)**

18

Kiryukhina L. V. **Interpretation of the Category 介字 jiezi in the Grammar Theory of Ma Jianzhong**

27

Han Yun, Mirzieva L.R., Shaikhtudinova E.N. **"The Book of Changes" and the Chinese Language: Some Features of the Chinese Language Through the Lens of Traditional Thinking**

41

Storozhuk A.G. **Genre and stylistic specificity of Pu Sun-lin's short story — "The Queen of Purple".**

54

HISTORICAL SCIENCES & INTERNATIONAL RELATIONS

Grishin Ya.Ya., Balakin D.A. **Visit of Sun Ziwen, Chairman of the Executive Yuan, Minister of Foreign Affairs of China, to Moscow in the summer of 1945: from the pages of documents**

62

Zalesskaya O.V., Cai Ying **Export transportations of timber in the Far East to China by vessels of Amur Shipping Company in the late XX – early XXI centuries**

78

Kulakov Z.V., Khismatullin B.R. **The development of agriculture in the Song Empire**

88

Lychagin A.I., Bodrova O.I., Merkulova D.G. **PRC's peacekeeping activities (using the Ukrainian crisis and the Arab-Israeli conflict as examples)**

96

Makeeva S.B. **Far Eastern cross-border region in the system of "twin city" interaction with China (1990-2020)**

105

Semenov A.V. **The Origin and Development of the External Affairs Service in Ancient China (Western Zhou Period from 1027 BC to 771 BC).**

118

PHILOSOPHY AND CULTURE

Donchenko A.I. **The formation of Chen Shizeng's artistic theory during the Beijing period**

143

Yakovleva V.V. **The concept of "ritual" in the Chinese philosophical and mythological value system**

153

Information for authors

Information for authors

170

Article formatting sample

175

РАЗДЕЛЫ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

6

Ю.Г. Благодер, И.В. Герасимов, В.Г. Дацышен, Д.Е. Мартынов, О.Н. Полянская Цикл исследований «Казанский центр российского востоковедения: судьбы и наследие (XIX–нач. XX в.)»

8

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ибрагимова Д.Р., Глушкова С.Ю., Йылмаз Э.Р. Специфика выражения речевой агрессии в китайском языке (на материале китайского телешоу 爱情保卫战)

18

Кирюхина Л. В. Трактовка категории 介字 цзецзы в грамматической теории Ма Цзяньчжуна

27

Хань Юн, Мирзиева Л.Р., Шайхутдинова Е.Н. «Книга перемен» и китайский язык: некоторые особенности китайского языка через призму традиционного мышления

41

Сторожук А.Г. Жанровая и стилистическая специфика новеллы Пу Сун-лина — «Царица Пурпура»

54

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ & МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Гришин Я.Я., Балакин Д.А. Визит председателя Исполнительного Юаня, министра иностранных дел Китая Сун Цзывэня в Москву летом 1945 г.: по страницам документов

62

Залеская О.В., Цай Ин Экспортные перевозки леса на Дальнем Востоке в Китай судами Амурского пароходства в конце XX – начале XXI вв.

78

Кулаков З.В., Хисматуллин Б.Р. Развитие сельского хозяйства в империи Сун

88

Лычагин А.И., Бодрова О.И., Меркулова Д.Г. Миротворческая деятельность КНР (на примере украинского кризиса и арабо-израильского конфликта).

96

Макеева С.Б. Дальневосточное трансграничье в системе «побратимского» взаимодействия с КНР (1990-2020 гг.)

105

Семенов А.В. Зарождение и развитие службы внешних сношений в древнем Китае (период Западного Чжоу с 1027 г. до н.э. по 771 г. до н.э.)

118

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

Донченко А.И. Формирование художественной теории Чэнь Шицзэна в пекинский период

143

Яковлева В.В. Понятие «ритуал» в китайской философско-мифологической системе ценностей

153

Информация для авторов

Информация для авторов

170

Образец оформления статьи

175

Четвертый номер журнала «Современные востоковедческие исследования» выходит в юбилейный год. В октябре 2024 года мы отмечаем две памятные даты, которые тесно связаны с историей нашей страны. Это 75-летие создания Китайской Народной Республики и 75-летие установления дипломатических отношений между СССР и КНР.

Рождение Китайской Народной Республики происходило при поддержке нашей страны. Мы на уровне государственной и народной дипломатии приветствовали появление нового Китая. На торжественной церемонии провозглашения КНР 1 октября 1949 г. присутствовали как официальный представитель Советского Союза генеральный консул в Пекине С.Л. Тихвинский, так и руководители и члены делегации советской общественности, приехавшие с дружественным визитом в новый Китай.

Практическая помощь молодому государству проявилась уже на второй день после его образования, когда СССР откликнулся на призыв председателя Центрального народного правительства Народной Республики Китая Мао Цзэдуна о готовности «установить дипломатические отношения с любым иностранным правительством, которое готово соблюдать принципы равенства, взаимной выгоды и взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета».

Советский Союз стал первым иностранным государством, признавшим Китайскую Народную Республику. 2 октября 1949 г. министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай по дипломатическим каналам получил официаль-

ное письмо от правительства СССР об установлении дипломатических отношений и обмене послами.

Посол Советского Союза Н.В. Рощин стал первым иностранным дипломатическим представителем, вручившим верительные грамоты председателю Центрального народного правительства КНР Мао Цзэдуну. Посольство СССР стало первым дипломатическим представительством, которое подняло свой государственный флаг и начало официальную деятельность на территории нового Китая.

Установление дипломатических отношений получило мощную поддержку со стороны советской общественности. Деятели науки и культуры, прибывшие в составе делегации во главе с известными писателями А. Фадеевым и К. Симоновым, были свидетелями торжественных событий в новом Китае и участниками создания 5 октября 1949 г. Общества китайско-советской дружбы. Цели Общества были определены как развитие и упрочение дружественных связей, укрепление сотрудничества в культурной, экономической и других областях, совместная борьба за прочный мир во всем мире. Общество китайско-советской дружбы стало первой общественной организацией Китая с представителями иностранного государства. Именно советские люди оказались первыми иностранцами, которые установили с КНР отношения на уровне общественных организаций.

Первенство в государственном и общественном признании Китайской Народной Республики свидетельствовало о стремлении

нашей страны к развитию двухсторонних отношений взаимного уважения, тесного сотрудничества и добрососедства. Приоритет нашей страны в установлении дипломатических отношений заложил традиции дружбы между государствами и народами. Несмотря на тяжелые испытания, которые пережили наши страны, крепкий фундамент дружбы, сложившийся при рождении нового Китая, сыграл роль стабилизирующего фактора и в ходе нормализации двухсторонних отношений и в процессе установления отношений Китая с новой Россией, преемницей СССР.

В настоящее время отношения между нашим странами достигли беспрецедентно высокого уровня — всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху. Двухсторонние отношения между РФ и КНР характеризуются долгосрочным добрососедством и дружбой, всесторонним стратегическим взаимодействием и тесным взаимовыгодным сотрудничеством.

О важности 75-летия установления дипломатических отношений между нашими странами свидетельствует тот факт, что руководители РФ и КНР — президент России В.В. Путин и председатель Китая Си Цзиньпин по этому случаю обменялись поздравительными телеграммами.

17 октября 2024 г. в Доме приемов МИД России состоялась презентация сборника «Послы вспоминают... Незабываемые годы российско-китайских отношений», приуроченная этой памятной дате. На презентации присутствовали министр иностранных дел России

С.В. Лавров, посол КНР в РФ Чжан Ханьхуэй и ветераны дипломатической службы России и Китая.

18-21 сентября 2024 года в Санкт-Петербурге прошла международная конференция «Дорогой борьбы и свершений: к 75-летию КНР и установления дипломатических отношений между Россией и Китаем».

Международная научно-практическая конференция «Россия — Китай: история и культура», которая состоится в Институте международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, также будет широко освещать тему 75-летия установления дипломатических отношений между нашими странами.

Юбилейный номер журнала «Современные востоковедческие исследования» широкой палитрой статей по китайской тематике и глубиной научной проработки проблем российско-китайских отношений внесет достойный вклад в дело укрепления дружественных связей между Россией и Китаем.

Семенов А.В.

*кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой восточных языков
Дипломатической академии МИД России*

Цикл исследований
«Казанский центр российского востоковедения:
судьбы и наследие (XIX–нач. XX в.)»

Введение

Изменения мирового масштаба во всех сферах жизни человечества, происходящие в первые десятилетия XXI в., разочарование в западном проекте глобализации на фоне резкого возвышения и ускорения развития обществ Азии, Африки и Латинской Америки, с новой силой ставят в центр мировой повестки востоковедческие дисциплины. «Поворот на Восток» российской внешней и внутренней политики, как становится ясно в наши дни, во многих отношениях вынужденно начался ещё в 2000-е гг. Это не могло не сказаться на развитии российского академического и университетского востоковедения. Совершенно неслучайно многочисленные публикации, в которых осмысливается роль востоковедных исследований в современных геополитических, общественно-политических и социокультурных условиях, содержат слово «возрождение».

Мировое востоковедение имеет длительную историю и неоднозначное происхождение. Философско-методологические основы западной и российской науки о Востоке закладывались в несхожей социально-политической и культурной обстановке. На Западе ориенталистика возникла в связи с колониальным проникновением европейских государств на Во-

сток, территориальными захватами, установлением колониальных систем управления, необходимостью продвижения собственных товаров на рынки неевропейских стран. Западная ориенталистика в первую очередь была направлена на изучение экономической и политической географии восточных регионов, традиционных политических институтов, местных систем управления, аграрных отношений, религий, языков. Причина появления российского востоковедения, зародившегося при Петре I и ставшего частью внутренней и внешней государственной политики России, состояла в необходимости политического, экономического и культурного взаимодействия с восточными народами, входившими в Российскую империю и жившими на прилегающих к ней территориях. Поэтому основное внимание на первоначальном этапе уделялось географии, этнографии, языку, культуре этих народов.

Отечественное востоковедение отличается от прочих ветвей социально-гуманитарного знания пониманием и признанием собственного развития каждого изучаемого народа. Оно обращено к изначально консервативным ментальным и культурным структурам, что позволило заложить фундамент для позитивного и объективного осмысления оппозиции «свой

— чужой», рассматриваемой как сосуществование равноправных субъектов.

Колоссальный объём трудов востоковедов прошлых веков не устарел, он активно цитируется и постоянно используется современниками для осмысления исторического пути и культурного наследия восточных народов. Отечественное востоковедение представляет собой уникальную «капсулу времени», сохраняющую «срезы» и «слепки» минувшей реальности, оно наглядно доказывает, что культура Востока обладает ценностью мирового уровня, а её носители — это люди из плоти и крови, которые осваивали свою предметную и нематериальную реальность, творили её на основе начал, унаследованных от предков, что восточные народы не являются продуктами «ориентального сознания» или «социального конструирования», как преподносит их западная идеологизированная наука о Востоке.

Главными центрами российского академического и университетского востоковедения являются Санкт-Петербург, Москва, Казань. Казани принадлежит ведущая роль в становлении востоковедного научного знания и образовательного процесса. В настоящее время казанский и петербургский центры демонстрируют преимущество по всем базовым направлениям: тюркологии, арабистике, исламоведению, иранистике, китаеведению, монголистике, корееведению, вьетнамистике.

Для мирового и российского востоковедения характерна высокая степень персонифика-

ции: создание огромных проектов и целых научных направлений осуществляется прежде всего энтузиастами. Достаточно вспомнить о. Иакинфа (Бичурина, 1777–1853) с его 14-ю многотомными монографиями и сотней статей, в которых он последовательно, на основе личного опыта 13-летнего пребывания в Китае дал научное обозрение истории и современности территорий Цинской империи (включая Тибет, Монголию, Джунгарию и отчасти Корею), перевел важнейшие исторические труды, законодательные кодексы, конфуцианские каноны и даже базовый труд неоконфуцианского философа Чжоу Дуньи, далёкого предка премьер-министра КНР Чжоу Эньлая (поразительная интуиция гениального учёного!). И сегодня казанские востоковеды продолжают изучение великого прошлого, основываясь на надёжной источниковой базе, используя современные теоретические и эмпирические методы исследования, соотнося полученные данные с фактами других фундаментальных наук, стоя на прочной методологической основе реального соотношения собственного научного нарратива и достижений современности.

Крупнейшим казанским исследователем российского академического востоковедения является профессор Казанского федерального университета¹ Р.М. Валеев, в центре научного внимания которого весьма рано оказался великий монголовед О.М. Ковалевский (1800–1878). Фигура такого масштаба не может быть изучена только на основе (весьма изобильных) источниковых фондов одного научного центра,

¹Здесь и далее используются последние по времени наименования без учёта предшествующих реорганизаций.

Рис.1. Валеев Р.М.

Fig.1. Valeev R.M.

Рис.2. Кульганек И.В.

Fig.2. Kulganek I.V.

поэтому разработка большого цикла исследований «Казанский центр российского востоковедения: судьбы и наследие (XIX – нач. XX в.)» осуществлялась в теснейшем сотрудничестве и кооперации с Институтом восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург) — доктором филологических наук монголоведом И.В. Кульганек и Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (г. Абакан) — профессором, доктором исторических наук В.Н. Тугужековой.

В период 2004–2023 гг. в рамках данного проекта были опубликованы 11 монографий, 3 учебных пособия, 2 юбилейных очерка, и 1 мо-

нография на монгольском языке, не считая многочисленных статей и публикаций первоисточников. Кратко охарактеризуем эти научные достижения.

I

Индивидуальные монографические исследования и учебно-методические пособия, выполненные Р.М. Валеевым, в том числе обобщающая монография 2019 г. «Ориенталистика в Казанском университете (1807 – 20-е гг. XX в.)» [13]². В данных монографиях на обширной источниковой базе представлены и проанализированы генеральные направления деятельности казанской профессуры, образовавшей

² См. также: Мартынов Д.Е. Рецензия: Валеев Р.М. Ориенталистика в Казанском университете (1807–1920-е гг. XX в.) // Современные востоковедческие исследования. 2020. Т. 2, № 4. С. 99–108.

Рис.2. Тугужекова В.Н.

Fig.3. Tuguzhekova V.N.

Восточный разряд, в частности: подготовка и издание учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий, словарей; комплектация фондов восточных рукописей и книг; сбор, изучение и публикация письменных памятников и источников; переводы восточных авторов; осуществление научных путешествий на мусульманский Восток; публикация оригинальных филологических, исторических, культурологических, естественно-географических, археологических и этнографических исследований. В Казанском университете первой половины – середины XIX века в кратчайшие сроки силами собственных специалистов были заложены и успешно развивались целые направления: монголоведение, калмыковедение, китае-

ведение, маньчжуроведение и санскритология. Они представлены именами О.М. Ковалевского, А.В. Попова, архимандрита Даниила (Сивилова), И.П. Войцеховского, В.П. Васильева, П.Я. Петрова, Ф.Ф. Боллензена. В учебной и научной деятельности на первый план вышли изучение и преподавание языков, сбор материалов по географии и страноведению, описание и текстологическое исследование рукописей и печатных сочинений, контакты с живыми носителями языков, путешествия в регионы Центральной Азии, составление грамматик, словарей и хрестоматий. Р.М. Валеев убедительно показал, что менее всего воссоздан социокультурный и мировоззренческий контекст жизни и деятельности востоковедов, практически не

представлен анализ традиций и новаций в востоковедческих центра России, слабо исследована история ориентальной мысли.

II

В рамках проекта увидели свет типологически единые, но отличающиеся освещением различных историографических, источниковедческих, историко-научных и культурологических проблем коллективные монографии и архивно-источниковедческие работы. Таковы: «Монголовед О.М. Ковалевский: Биография и наследие (1801–1878)» [3]; «Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии» [7]; «Биография и научное наследие востоковеда О.М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов)» [14]; «Академик-востоковед В.П. Васильев: Казань — Пекин — Санкт-Петербург (очерки и материалы)» [15].

В этих публикациях, сопровождаемых объемными комментариями и исследовательскими введениями, убедительно показано, что российское востоковедение возникло, прежде всего, из практики и государственных интересов и общественных потребностей. Знания и наука о Востоке являлись органической частью отечественных гуманитарных исследований. Как и на Западе, формирование востоковедения в России осуществлялось в условиях научной революции, что сказалось и на судьбах российского востоковедения, и на выработке методов познания азиатских государств и народов. Во второй половине XIX – начале XX вв. в ориенталистике активизировалось развитие филологической и исторической мысли, новых

методов и методик исследования. Научное и общественное значение российского востоковедения, его уровень определялись накоплением объективных знаний о народах и странах Востока, интересом государства и общества.

В XIX – начале XX вв. развитие получает научное классическое востоковедение, связанное с восточными языками, литературой и историческими памятниками, древней, средневековой историей и культурой народов зарубежного Востока, азиатских территорий и народов Российской империи. В основе российского востоковедения лежали внешнеполитические, торгово-экономические и научно-культурные связи со странами Востока, масштабные задачи социокультурного освоения Востока России, европейское ориентальное образование, наука и, в особенности, самобытные национальные школы и культуры восточных народов России. Постепенно формула «восточная словесность и древность» заменялась другой задачей — стократ сложнейшей: «преподавание студентам и обобщение “всех знаний относительно Востока, добываемые наукой, а не одни только языки его”».

Участниками проекта выделены три школы в истории российского востоковедения XIX–XX вв., обладавшие определенным историко-научным и географическим положением — петербургская, московская, казанская. Каждой из них были свойственны собственные традиции и направление инноваций. Природа востоковедческого знания и науки о Востоке XIX–XX вв. характеризуется возрастающей специализацией отдельных филологических и исторических дисциплин и усилением процесса дифференциации. Заметно возрастание взаимозависимости

различных отраслей и дисциплин востоковедения. Получили развитие специальные вспомогательные дисциплины — нумизматика, источниковедение, палеография, эпиграфика, археология, сфрагистика, геральдика. Востоковедческое образование и наука о Востоке приобрели системный, комплексный и интегрированный характер. Отечественная наука о Востоке существенно влияла на социокультурные процессы в обществе: ослабевал «варварский образ» Азии, утверждались научные знания об истории и культуре восточных народов, расширялись и углублялись представления об азиатских странах, усиливались историко-культурные связи народов России с Востоком. Отечественное востоковедение утверждало в российском обществе уважение к чужой культуре и самостоятельную ценность традиционных культур Востока. Основополагающими принципами деятельности отечественных востоковедов было продвижение идей гуманизма, равноправия, равнозначности восточных цивилизаций и культур. Стремление к познанию и признанию культур народов и цивилизаций Востока превращалось в осознанную потребность общества и государства.

Р.М. Валеев и его коллеги-соратники выявили и обосновали два ключевых институциональных принципа российского востоковедения: традиционный регионально-страноведческий и проблемно-тематический. Развитие кадрового и интеллектуального потенциала российского востоковедения, в том числе казанского, включало пять компонентов, среди которых большое место отводилось приглашению ученых из европейских научных центров

и научно-педагогической деятельности представителей восточных народов России и зарубежной Азии.

III

Заметное место в проекте исследования казанского востоковедения занимает публикация особой группы первоисточников – рукописных дневников и путевых журналов, составляющих третью группу публикаций. В 2005 г. осуществилась первая публикация дневников известного российского и польского ученого-монголоведа О.М. Ковалевского (1801–1878), которые он вел во время своего путешествия из России в Китай и обратно в 1830–1831 гг. в составе XI-й и X-й Русских духовных миссий в Пекине [4]. Это ценнейшее свидетельство реальной жизни Монголии и Китая, первоисточник, востребованный этнографами, лингвистами и культурологами, изучающими народы Центральной и Восточной Азии. Публикация осуществлена по рукописям, хранящимся в Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга и в Национальном архиве Республики Татарстан. Дневник переведён на монгольский язык [16].

Сборники «Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А.К. Казем-Бека академику Х.Д. Френу (1831–1846)» [10] и «Эпистолярное наследие Н.Ф. Катанова» [9, 11], подготовлены по инициативе Валеева Р.М. в коллаборации с его учениками и коллегами научных центров Абакана и Санкт-Петербурга. В публикациях представлена переписка А.К. Казем-Бека и Н.Ф. Катанова с известными учеными и просветителями — Г.Н. Потаниным,

А.А. Яриловым, В.В. Радловым, Э.К. Пекарским, В.Р. Розеном, К.Г. Залеманом, С.Ф. Ольденбургом, В.П. Васильевым и другими востоковедами. Особую ценность публикациям придают факсимиле рукописных оригиналов. Благодаря наличию воспроизведенных точных копий подлинные документы будут подвергаться меньшему физическому износу и сохранятся для будущих поколений исследователей.

В 2017 г. по инициативе и под научным руководством проф. Р.М. Валеева издана совместная исследовательская работа ученых Казани и Абакана «Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оною Н.Ф. Катановым» [12]. Книга представляет собой издание одного из интереснейших неопубликованных дневников научного путешествия Н.Ф. Катанова, предпринятого в 1889–1892 гг. по поручению Академии наук и Русского географического общества. Данный дневник сохранился в Государственном архиве Республики Татарстан. В ходе своего путешествия Н.Ф. Катанов исследовал языки, материальную и духовную культуру хакасов, тувинцев, казахов, киргизов, сартов, уйгуров и китайцев, совершив комплексную научную экспедицию в Минусинскую и Саянскую тайгу, Туву, Семиречье, Тарбагатай и Восточный Туркестан.

Отдельно можно выделить богато иллюстрированную работу «С берегов Аскиза до берегов Невы. Научный путь профессора Н.Ф. Катанова (1862–1922)» [17]. Здесь представлены

оригинальные материалы, собранные авторами в российских музеях и архивах, рассказывающие о становлении Катанова как личности и как учёного — от рождения до окончания Императорского Санкт-Петербургского университета. Особенно примечательны пассажи о семье и друзьях будущего ученого в хакасском селе Аскиз, Красноярске и Санкт-Петербурге. В книге дан обзор и систематизация музейных коллекций, собранных Н.Ф. Катановым и сохранившихся в Кунсткамере, они впервые представлены отечественному научному сообществу.

Заключение

Подводя итоги, мы можем обобщить: исследовательское внимание Р.М. Валеева, И.В. Кульганек и В.Н. Тугужековой акцентировано на раскрытии институциональных, исследовательских и гуманитарных аспектов казанского центра ориенталистики, рассматриваемого как феномен во взаимосвязи с другими отечественными и зарубежными центрами ориенталистики. В указанных выше работах на огромном источниковом материале, впервые вводимом в научный оборот, освещены теоретические, социокультурные и историко-научные аспекты формирования и развития практического, академического и университетского российского востоковедения, в особенности — казанского, периода конца XVIII – первой четверти XX вв.

При активной роли проф. Р.М. Валеева исследователи Казани, Санкт-Петербурга и Абакана реализовали ряд грантовых проектов, поддержанных РГНФ, РФФИ и РФФИ, получивших высокую оценку научного сообщества востоковедов России, Монголии, Китая, Германии,

Венгрии, Казахстана, Азербайджана и др. Таковы реализованные в 2015–2022 гг. проекты: «Письма Мирзы А.К. Казем-Бека академику Х.Д. Френу (1831–1846 гг.)», «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О.М. Ковалевский и В.П. Васильев», «Эпистолярное наследие российских востоковедов на рубеже веков: Переписка А.Е. Крымского, В.Р. Розена, Ф.Е. Корша, В.А. Жуковского, С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, Н.А. Медникова, П.К. Коковцова, В.Ф. Минорского (1890–1930-е гг.)», «Центры востоковедения в России и вклад немецких ученых-ориенталистов: Казань — Санкт-Петербург (XVIII – XIX вв.)».

В течение 2023–2024 гг. проф. Р.М. Валеев совместно с коллегами успешно реализует региональный грантовый проект РНФ «Наследие Н.Ф. Катанова: Архивные и музейные центры, фонды и материалы». Он является приглашенным зарубежным профессором Школы иностранных языков Нанкинского университета науки и техники (NJUST), пров. Цзянсу, КНР.

Можно с полной ответственностью заявить, что представленный цикл гуманитарных исследований способствуют развитию исторической науки и в целом — социокультурному и духовному прогрессу Республики Татарстан и всей Российской Федерации.

Редакция журнала «Современные востоковедческие исследования» присоединяется к авторскому коллективу и поддерживает выдвижение цикла гуманитарных исследований «Казанский центр российского востоковедения: судьбы и наследие (XIX–нач. XX в.)» на соискание Государственной премии Республики Татарстан 2024 г. в области науки и техники.

Основные труды в рамках проекта «Казанский центр российского востоковедения: судьбы и наследие (XIX–нач. XX в.)»

1. Валеев Р. М. Очерки истории казанского университетского востоковедения (1769 – 1920-е гг.). [Учеб. пособие]: для студентов вузов, обучающихся по специальности «Востоковедение, африканистика». – Казань, 2003. – 142 с.
2. Валеев Р. М. Илья Николаевич Березин. 1818–1896 / Р. М. Валеев, М.-Н. А. Темирбеков. – Казань: Изд-во КГУ, 2003. – 19 с. – (Выдающиеся ученые Казанского университета).
3. Монголовед О. М. Ковалевский: Биография и наследие (1801–1878) / Р. М. Валеев, Т. В. Ермакова, И. В. Кульганек и др.; отв. ред. И. В. Кульганек. – Казань: Алма-лит, 2004. – 288 с.
4. Россия — Монголия — Китай: Дневники монголоведа О. М. Ковалевского 1830–1831 гг. / Подготовка к изданию, предисловие, глоссарий, комментариев, указатели Р. М. Валеев, И. В. Кульганек. – Казань: Таглитат, 2005. – 172 с.
5. Валеев Р. М. Александр Касимович Казем-Бек. 1802–1870 / Р. М. Валеев, М. – Н. А. Темирбеков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 30 с. – (Выдающиеся ученые Казанского университета).
6. Валеев Р. М. Санскритология и буддология в Казанском университете (Очерк истории

- казанского университетского востоковедения в XIX в.). – Казань: Казанский государственный университет, 2007. – 51 с.
7. Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии / Науч. и отв. ред.: Валеев Р. М., Тугужекова В. Н. – Казань — Абакан, 2008–2009. – 354 с.
 8. Валеев Р. М., Мартынов Д. Е. Российское университетское востоковедение в архивных документах: центры, события и наследие (XIX – нач. XX вв.). – Казанский государственный университет, 2009. – 115 с.
 9. Эпистолярное наследие Н. Ф. Катанова / Сост. Валеев Р. М., Тугужекова В. Н., Чочнева А. С. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2012. – 72 с.
 10. Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А. К. Казем-Бека академику Х. Д. Френу (1831–1846) // Отв. ред. Р. М. Валеев, перевод с англ. Т. И. Зяппарова, М. В. Поникаровской, подготовка к изданию, предисловие, комментарии Р. М. Валеева, Т. И. Зяппарова, Т. В. Костиной, О. А. Кириковой; вступ. статьи Н.Н. Дьякова, И. Ф. Поповой, И. В. Тункиной. – Казань: Артефакт, 2015. – 214 с.
 11. Эпистолярное наследие Н. Ф. Катанова (К 155-летию со дня рождения) / Сост. Р. М. Валеев, В. Н. Тугужекова, А. С. Чочиева, В. В. Ермилова, А. М. Рябцева. – 2-е изд., доп. – Абакан: Бригантина, 2016. – 84 с.
 12. Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником одного Н. Ф. Катановым» / отв. и науч. ред.: Р. М. Валеев, В. Н. Тугужекова, Д. Е. Мартынов. Введение Р. М. Валеева, Д. Е. Мартынова, Ю. А. Мартыновой и В. Н. Тугужековой. Подготовка к изданию, составление, комментарии, указатели Д. А. Данькиной, Р. М. Валеева, Р. З. Валеевой, Д. Е. Мартынова, Ю. А. Мартыновой, Ф. Г. Миниханова, М. С. Минеевой, В. Н. Тугужековой. Вступ. статьи А. М. Сибэгатуллина, И. Г. Смолиной, И. Р. Гафурова. – Казань: Артефакт, 2017. – 734 с.
 13. Валеев Р.М. Ориенталистика в Казанском университете (1807 – 20-е гг. XX в.). – Саранск: Lambert Publ., 2019. – 303 с.
 14. Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р. М. Валеев, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Д. Е. Мартынов, О. Н. Полянская; отв. и науч. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. – СПб.; Казань: Петербургское востоковедение, 2020. – 440 с.
 15. Академик-востоковед В. П. Васильев: Казань — Пекин — Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Р. М. Валеев, Х. Валравенс, В. Г. Дацышен, О. П. Еланцева, В. Ю. Жуков, И. В. Кульганек, Лю Лицю, Д. Е. Мартынов, Д. И. Маяцкий, Т.А. Пан, В.Л. Успенский; сост. Т. А. Пан; отв. ред. Р. М. Валеев и И. В. Кульганек. – СПб.; Казань, 2021. – 320 с.

16. *О. М. Ковалевский*. Монгол нутгаар зорчсон тэмдеглэл (1830–1831 он). Анхны хэвлэл. Эмхэтгэж хэвлэл бэлтгэсэн Р. М. Валеев, И.В. Кульганек, В. Ю. Жуков. – Улаан-Баатар: Эрдэм & Гэгээрэл, 2023. – 247 с. [Путешествие по Монголии (1830–1831 гг.). Первое издание. Сост. и подг. к изд Р. М. Валеев, И. В. Кульганек, В. Ю. уков].
17. С берегов Аскиза до берегов Невы. Научный путь профессора Н. Ф. Катанова (1862–1922) / Чебодаева М. П., Валеев Р. М., Данькина Н. А. – СПб.: Издат-полиграф. центр Политехнического университета, 2023. – 104 с.

*Лю Лицю, Ю.Г. Благодер,
И.В. Герасимов, В.Г. Дацышен,
Д.Е. Мартынов, О.Н. Полянская*

Specificity of expressing verbal aggression in the Chinese language

(based on a Chinese TV show 爱情保卫战)

Специфика выражения речевой агрессии в китайском языке

(на материале китайского телешоу 爱情保卫战)

*Ибрагимова Диана Радиковна¹,
Глушкова Светлана Юрьевна²,
Йылмаз Эльвира Рафиловна³*

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

*Автор, ответственный за переписку:
ddibragimova@gmail.com*

¹<https://orcid.org/0000-0001-5272-1764>

²<https://orcid.org/0000-0002-5187-3632>

³<http://orcid.org/0000-0002-5649-6995>

*Diana R. Ibragimova ¹,
Svetlana Yu. Glushkova ²,
Elvira R. Yilmaz ³*

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

*Corresponding author:
ddibragimova@gmail.com*

¹<https://orcid.org/0000-0001-5272-1764>

²<https://orcid.org/0000-0002-5187-3632>

³<http://orcid.org/0000-0002-5649-6995>

УДК 811.581.11 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2024-18-26](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-18-26)

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены особенности проявления и выражения речевой агрессии в китайском языке. Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей проявления агрессии в современном китайском языке на материале эпизодов китайской телевизионной программы для дальнейшего исследования закономерностей данного явления, а также для выявления особенностей его лексических особенностей на современном этапе развития китайского языка. Исследование базировано на таких научных методах, как контекстуальный анализ, лингвостатистический метод, интент-анализ и качественный

ABSTRACT

The article considers the features of manifestation and expression of speech aggression in the Chinese language. The purpose of this study is to identify the features of manifestation of aggression in the modern Chinese language based on episodes of the Chinese television program for further study of the patterns of this phenomenon, as well as to identify the features of its lexical features at the current stage of development of the Chinese language. The study is based on such scientific methods as contextual analysis, linguistic statistical method, intent analysis and qualitative method. The materials for the study were the 2023-2024 releases of the Chinese television project

метод. Материалами для исследования послужили выпуски за 2023-2024 гг. китайского телевизионного проекта «爱情保卫战» («Оборонительная война за любовь»). В начале статьи авторы рассматривают проблематику дефиниции понятия «речевая агрессия» в современной лингвистической науке. Далее принята попытка осуществить анализ выпусков китайской телевизионной программы на употребление языковых средств передачи агрессии в китайском языке и выявление их особенностей. В ходе исследования авторы выделяют пять типов стратегий невежливости, с помощью которых участники телевизионной программы выражают речевую агрессию. Авторы приходят к выводу о том, что средства выражения вербальной агрессии в китайском языке представляют собой разнообразие таких приемов, как употребления в речи оскорбительных выражений, сарказма, приказов или запретов, иронии, риторических вопросов, неискренней вежливости, которые направлены на то, чтобы унижить, оскорбить или задеть чувство достоинства оппонента.

Ключевые слова. Речевая агрессия, выражение речевой агрессии, телевизионный дискурс, китайский язык, вежливость, невежливость, КНР

Для цитирования: Ибрагимова Д.Р., Глушкова С.Ю., Йылмаз Э.Р. Специфика выражения речевой агрессии в китайском языке (на материале китайского телешоу 爱情保卫战). *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (4). С. 18–26 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-18-26>

“爱情保卫战” (“Battle for Love”). At the beginning of the article, the authors consider the problems of defining the concept of “speech aggression” in modern linguistics. Further, an attempt is made to analyze the releases of the Chinese television program for the use of linguistic means of conveying aggression in the Chinese language and identify their features. In the course of the study, the authors identify five types of impoliteness strategies with the help of which the participants of the television program express verbal aggression. The authors come to the conclusion that the means of expressing verbal aggression in the Chinese language are a variety of such techniques as the use of offensive expressions, sarcasm, orders or prohibitions, irony, rhetorical questions, insincere politeness, which are aimed at humiliating, insulting or hurting the dignity of the opponent.

Keywords. Speech aggression, expression of speech aggression, television discourse, Chinese language, politeness, impoliteness, the People's Republic of China

For citation: Ibragimova D.R., Glushkova S.Y., Yilmaz E.R. Specificity of expressing verbal aggression in the Chinese language (based on a Chinese TV show 爱情保卫战). *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№4). P.18-26 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-18-26>

Речевая агрессия, непременно сопряженная с такими понятиями, как вежливость и невежливость, является объектом исследования в различных научных областях. Существует большое количество исследований, которые рассматривают явление речевой агрессии призматически таких наук, как лингвистика, психология, социология, культурология и многие другие. Исследование данного явления с точки зрения различных научных дисциплин формирует различные представления о понимании самого понятия «речевая агрессия» в зависимости от того, какой именно аспект данного понятия представляется объектом анализа. Зачастую речевую агрессию рассматривают в качестве определенной системы действий, которая, в свою очередь, характеризуется необходимостью удовлетворить потребности адресанта (или агрессора), а также предполагает целенаправленность данного действия (Воронцова 2005, 5).

Существует также определения данного понятия с точки зрения выражения определенных эмоций или чувств, которые влияют на поведение человека и способствуют проявлению речевой агрессии (Щербинина 2006, 81). Здесь можно говорить о реакции на определенный внешний раздражитель, поэтому в данном случае речевая агрессия не несет в себе интенцию намеренно причинить вред собеседнику, а является своего рода защитой. При этом стоит отметить, что подобная «защитная» речевая агрессия может восприниматься нейтрально или в некоторых случаях положительно, в то время как открытая, «чистая» агрессия, выраженная в словах к оппоненту, обладает отрицательной коннотацией и воспринимается нега-

тивно. Данную позицию поддерживает доктор филологических наук К.Ф. Седов, который выделяет как инициативную (неинструментальную) агрессию, которая представляет собой атаку на реципиента исключительно ради атаки, так и реактивную (инструментальную), которая может реализоваться в качестве попытки оборониться от наступающей речевой агрессии (Седов 2005, 33).

Однако у самого понятия на данный момент по-прежнему нет единого четкого определения. Это связано с тем, что данное явление может подразумевать под собой различные намерения говорящего, принимать различные формы словесного выражения, возникать в разных обстоятельствах и иметь при этом различную непредсказуемую реакцию у собеседника в ходе коммуникативного акта (Davidson 2017, 514).

Важным понятием для вежливости (礼 как концепция вежливости) в китайской культуре, а также неотъемлемым фактором межличностной коммуникации в китайском обществе является проявление уважения к лицу (面子). Китайская концепция лица уделяет больше внимания коллективному аспекту, нежели личностному.

При этом, очевидно, нельзя сказать, что в китайской речи не встречается невежливость, грубость или речевая агрессия только из-за уважения к лицу. Китайская речевая агрессия характеризуется своей сложностью, тонкостью, многообразием форм и глубокой связью с культурными и социальными нормами, которые стоят у основ негласных правил межличностного общения.

В современной лингвистике существует большое количество классификаций речевой агрессии, которые фокусируются на различных аспектах данного явления. В данной работе в основу взята классификация доктора педагогических наук Ю.В. Щербининой о речевых способах передачи вербальной агрессии (Щербинина 2005, 163). Автор предлагает выделять такие способы, как клевета, сплетня, оскорбление, оскорбительное высказывание, критика, возражение, жалоба, насмешка, требование, угроза, нотация.

Также необходимо отметить концептуальный аппарат невежливости Дж. Калпепера (Culpeper 2011, 204), который был взят за основу анализа речевой агрессии, поскольку речевая агрессия является непосредственным проявлением невежливости. Ученый выделяет пять стратегий невежливости:

Прямая – данная стратегия напрямую дает реципиенту понять о том, что адресант угрожает его лицу. Она воспринимается однозначно и может представлять собой открытые ругательства;

Позитивная — данная стратегия применяется в случае, если агрессор хочет нанести удар позитивному восприятию реципиента обществом. При этом она представляет собой более скрытые приемы, не являющиеся прямой конфронтацией, т.е. это может быть выражение пренебрежения через определенные неочевидные выражения и слова, а также несогласие и провоцирование адресата речевой агрессии на усиление имеющихся разногласий;

Негативная — подразумевает открытую угрозу по отношению к негативному лицу реципиента речевой агрессии, может выражаться через презрение, насмешки, запугивание и т.д.;

Ложная — данная стратегия подразумевает выражение невежливости, которая внешне на первый взгляд может показаться выражением вежливости в соответствии с социальными нормами, однако по определенным вербальным и невербальным признакам можно понять, что это неискренняя вежливость, или сарказм — по интонации, выражению лица, дополнительным данным, следующим после «вежливости» части предложения и т.д.;

Отсутствие вежливости — данная стратегия происходит в ситуациях, где вежливость ожидалась ввиду социальных и культурных правил и норм, однако не получила своей реализации.

Около 20 выпусков китайского телевизионного шоу «爱情保卫战» были исследованы с целью изучения характерных черт проявления речевой агрессии в современном китайском языке. Выбор телевизионного шоу и данной конкретной программы, в частности, в качестве источника обусловлен тем, что подобного рода передачи представляют собой примеры аутентичных и наиболее реалистичных коммуникативных ситуаций между носителями языка, что позволяет принять во внимание как социолингвистические аспекты речи и, соответственно, речевой агрессии, так и выявить культурные, социальные нормы и ценности, проявляющиеся в ходе коммуникации. Для дальнейшей иллюстрации использования

средств речевой агрессии в указанном китайском ТВ-шоу будут приведены лишь некоторые примеры исследованных речевых актов, содержащих в себе наиболее яркие по мнению авторов способы проявления агрессии в речи.

Ниже представлена таблица с соотношением типа стратегии невежливости и количе-

ственного и процентного значения его употребления в изученных выпусках программы. Наиболее часто встречались такие типы стратегии, как позитивная и негативная (45% и 42% соответственно).

Тип стратегии невежливости	Количество	%
Прямая невежливость	1	2,5
Позитивная невежливость	18	45
Негативная невежливость	17	42,5
Ложная невежливость	3	7,5
Отсутствие вежливости	1	2,5

Таблица 1. Соотношение количества использования стратегий невежливости в эпизодах телевизионной программы

Tab.1. Ratio of the number of uses of impoliteness strategies in episodes of a television program

Наиболее редко встречающаяся прямая стратегия невежливости была выражена в следующем коммуникативном акте:

А: 你来这做什么?

В: 我调节我自己的问题, 跟你有关系吗? 你可以说: 那当然了, 也可以闭嘴不说, 你个傻子!

В данном примере говорящий В приказывает говорящему А «замолчать» (闭嘴不说). Стоит отметить, что прямая стратегия невежливости используется в китайском языке достаточно редко. Это связано с тем, что прямое выражение речевой агрессии является грубым проявлением нападения на собеседника и воспринимается как прямое оскорбление личности. В связи с этим к этой стратегии прибегают в крайних случаях.

В этом же примере говорящий В прибегает к оскорблению другого лица, то есть к позитивной невежливости, через обращение «傻子» (кретин, болван). Подобное оскорбительное высказывание по отношению к собеседнику представляет собой прямой и интенсивный акт речевой агрессии. Из других примеров данной подстратегии встречались такие оскорбления оппонента, как «酒鬼» (пропойца, забулдыга, пьяница), «笨蛋» (тупица, болван), «最丧心病狂的混蛋» (подлец, лишившийся рассудка), «轻浮的女人» (легкомысленная женщина), «唠叨的女人» (брюзга).

Другим частым примером позитивной невежливости является проявление незаинтересованности. Данная стратегия позволяет говорящему проявить свою речевую агрессию при помощи выражения безразличия по отношению к словам оппонента, тем самым заставляя его чувствовать себя незамеченным. К примеру, на вопрос собеседника говорящий отвечает «嗯? 随便吧» (А? Без разницы), в то время как по контексту очевидно, что для собеседника это важная тема и ему интересно мнение говорящего.

В пример негативной невежливости приведем такую подстратегию, как угроза: «你觉得你的看法值几个钱? 我随时可以让你从这个节目消失». В данном случае говорящий утверждает собственное доминирование над оппонентом, угрожая тем, что он может «выкинуть его из программы в любой момент» (我随时可以让你从这个节目消失). Необходимо отметить, что данная стратегия всегда является целенаправленной и осознанной с целью причинить социальный вред и ущерб своему собеседнику.

Насмешка, презрение и снисхождение также являются подстратегией негативной вежливости. В ТВ-шоу она встречалась в следующих обращениях: «你简直就是失败的代名词» (ты прямо-таки синоним неудачи), «你的新想法和旧的一样, 都是垃圾» (твои новые мысли, как и старые – все мусор), «让人无法认真对待» (тебя невозможно воспринимать всерьез), «他那自由发挥出来, 那就是黑暗料理» (когда он проявляет свободу в готовке, всегда получают омерзительные яства). Все приведенные примеры выражения речевой агрессии направлены на подрывание негативного лица собеседника через несерьезное восприятие оппонента, а также недооценку или признание его качеств или способностей.

Ложная вежливость выражается через сарказм, что является противоположностью подшучивания над собеседником, например: «你的演讲真鼓舞人心, 我都差点睡着了» (твоя речь действительно вдохновляющая, я почти уснул), «А: 李小姐, 你今天打扮得真特别. В: 谢谢你的认可, 我可是花了很大的努力才看起来这么特别的». В обоих коммуникативных актах встречается благодарность, направленная собеседнику (谢谢你的认可, спасибо за твое признание), или комплимент его словам (你的演讲真鼓舞人心), однако по интонации говорящих или последующим комментариям (我都差点睡着了) становится понятно, что подобные реплики не являются проявлением вежливости, а относятся к выражению невежливости через речевую агрессию.

Отсутствие вежливости встретилось в телевизионной программе единожды — на благодарность собеседника за подарок на день

рождения, который субъект речевой агрессии подарил ему, он ответил «嗯, 知道了» (ага, ладно). В подобной ситуации, согласно нормам китайского общения, ожидается, что говорящий на благодарность ответит словами «不用谢», «不谢», «不客气» и т.д. Игнорирование данной устоявшейся нормы является проявлением речевой агрессии через отсутствие вежливости.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в исследуемой телевизионной программе речевая агрессия наиболее часто выражалась через позитивную и негативную стратегии вежливости. Наиболее часто участники шоу применяли оскорбления своего собеседника, провоцирование разногласия, выражение презрения, насмешки и снисхождения как способы выражения речевой агрессии.

В данной статье авторами была предпринята попытка исследовать способы выражения речевой агрессии в китайском языке на примере телевизионного шоу. Характерные черты употребления данного языкового явления во многом зависят от того, как китайский язык функционирует в процессе коммуникативного акта, а также от установленных и принятых в обществе социальных и культурных норм и правил, которые влияют на особенности выражения вежливости и невежливости у носителей языка. Большое значение для изучения специфики выражения речевой агрессии в современном китайском языке также имеют понятия «вежливость» и «невежливость», которые характерны для китайцев и могут отличаться от определений данных терминов у других народов и культур.

Стоит отметить, что рассмотренные в ходе исследования способы выражения речевой агрессии представляют собой наиболее часто используемые средства, которые были отмечены в выпусках ТВ-шоу «爱情保卫战» за 2023-2024 гг. Сами модели речевой агрессии представляют собой постоянно меняющийся процесс, которому свойственны изменения, развитие, расширение и устаревание тех или иных средств выражения агрессии в речи. В связи с этим дальнейшее изучение данной темы может быть связано как с исследованием отдельных аспектов системы проявления речевой агрессии, так и с конкретными средствами вербальной агрессии, встречающимися в различных материалах, наиболее актуальных для лингвистики на момент исследования.

Список литературы

1. Воронцова Т.А. О некоторых теоретических аспектах понятия «речевая агрессия». Речевая агрессия в современной культуре: сб. науч. тр. Челябинск, 2005. С. 4–7.
2. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М.: КомКнига, 2006. 360 с.
3. Седов К.Ф. Речевая агрессия в повседневной коммуникации. Речевая агрессия в современной культуре: сб. науч. тр. Челябинск, 2005. С. 32–37.
4. Davidson T. Automated hate speech detection and the problem of offensive language. Proceedings of the international AAAI conference on web and social media. 2017. Vol. 11. P. 512–515.

5. Culpeper J. Impoliteness: using language to cause offence. Cambridge: Cambridge University Press. 2011. 292 p.
6. Телевизионное шоу «Оборонительная война за любовь», [видеоматериал]. URL: <https://www.iyf.tv/play/rpLM7fozoyp> (дата обращения: 10.09.2024) (на кит.яз.).

References

1. Vorontsova T.A. On some theoretical aspects of the concept of “speech aggression”. Speech aggression in modern culture: collection of scientific papers. Chelyabinsk, 2005. P. 4–7. (In Russ.)
2. Shcherbinina Y.V. Verbal aggression. Moscow: KomKniga, 2006. 360 p. (In Russ.)
3. Sedov K.F. Speech aggression in everyday communication. Speech aggression in modern culture: collection of scientific papers. Chelyabinsk, 2005. P. 32–37. (In Russ.)
4. Davidson T. Automated hate speech detection and the problem of offensive language. Proceedings of the international AAAI conference on web and social media. 2017. Vol. 11. P. 512–515.
5. Culpeper J. Impoliteness: using language to cause offense. Cambridge: Cambridge University Press. 2011. 292 p.
6. TV show “Battle for Love”, [video material]. URL: <https://www.iyf.tv/play/rpLM7fozoyp> (date of access: 10.09.2024) (In Chinese).

Сведения об авторах

Ибрагимова Диана Радиковна,

Ассистент кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Российская Федерация, г. Казань, ул.
Кремлевская, 18

ddibragimova@gmail.com

Глушкова Светлана Юрьевна,

Канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Российская Федерация, г. Казань, ул.
Кремлевская, 18

svetaelina@gmail.com

Йылмаз Эльвира Рафиловна

Канд. филол. наук, доцент кафедры алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Российская Федерация, г. Казань, ул.
Кремлевская, 18

el-vira-hadieva@yandex.ru

Information about the authors

Diana R. Ibragimova,

Assistant of the Department of Sinology and
Asia-Pacific Studies
Kazan (Volga Region) Federal University,
Russian Federation, Kazan, Kremlevskaya st. 18

ddibragimova@gmail.com

Svetlana Yu. Glushkova,

Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor of the Department of Sinology and
Asia-Pacific Studies
Kazan (Volga Region) Federal University,
Russian Federation, Kazan, Kremlevskaya st. 18

svetaelina@gmail.com

Elvira R. Yilmaz

Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor of the Department of Altaic, Turkic
and Central Asian Studies
Kazan (Volga Region) Federal University,
Russian Federation, Kazan, Kremlevskaya st. 18

el-vira-hadieva@yandex.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.10.2024;

Одобрена после рецензирования: 30.10.2024;

Принята к публикации: 03.11.2024.

Information about the article

The article was submitted 25.10.2024;

Approved after reviewing 30.10.2024;

Accepted for publication 03.11.2024.

Interpretation of the Category 介字 *jiezi*
in the Grammar Theory of Ma Jianzhong

Трактовка категории 介字 *цзецзы*
в грамматической теории Ма Цзяньчжуна

Кирюхина Любовь Владимировна

*Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

lyubabukhtulova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8445-4701>

Lyubov V. Kiryukhina

*Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia*

Corresponding author:

lyubabukhtulova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8445-4701>

УДК 811 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2024-27-40](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-27-40)

АННОТАЦИЯ

Рассматривается описание лексических единиц класса 介字 *цзецзы* 'предлог', представленное автором китайской грамматики «Ма ши вэнь тун» 1898 г., имеющей особую значимость для историографических и эпистемологических исследований в области китайской лингвистической науки. Проводится сопоставление со словарями служебных слов предшествующего выходу данной работы периода («Юй чжу», «Сюй цзы шо», «Чжу цзы бянь люэ», «Цзин чжуань ши цы»), также учитываются взгляды грамматистов недавнего времени. Положения указанной грамматики иллюстрируются примерами, сопровождающимися переводом на русский язык. Используются методы описания, сопоставления, системного анализа, к материалу применяется синхронический подход

ABSTRACT

The description of lexical units of the class 介字 *jiezi* 'preposition' in "Ma shi wen tong" (1898) is considered. This work is of particular significance for historiographical and epistemological research. A comparison with traditional Chinese linguistics' dictionaries of function words (Lu Yiwei's "Yu zhu", Yuan Renlin's "Xu zi shuo", Liu Qi's "Zhu zi bian lue", Wang Yinshi's "Jing zhuan shi ci") is made, the views of grammarians of recent times are also considered. The provisions from Ma Jianzhong's grammar are illustrated with examples. Methods of description, comparison, and system analysis are used; a synchronic approach with diachronic elements is applied to the material. It is shown that prior to 1898 Chinese philologists described the usage of prepositions, but there were no special terms to mark

с элементами диахронического. Показано, что до 1898 г. среди прочей лексики служебного назначения китайскими филологами толковались в том числе и предлоги, однако как отдельный класс они не отмечались, зачастую их обозначали общим термином 辭 *ци*; вариант наименования 介字 *цзецзы* был предложен Ма Цзяньчжуном. В «Ма ши вэнь тун» подробно описывается функционирование знаков 之 *чи*, 於 *юй*, 以 *и*, 與 *юй*, 爲 *вэй*, а также некоторых других менее детально. В целом лексические единицы данной категории представляют собой систему элементов, маркирующих отношения между знаменательными словами, однако некоторые из рассматриваемых Ма Цзяньчжуном среди предлогов единиц в современной грамматической теории принято относить к союзам или вспомогательным словам. Общей классификации предлогов не приводится, при объяснении правил употребления отдельных лексических единиц поясняются их синтаксические позиции, возможность сочетания с некоторыми словами других классов. Также указывается на связь китайских предлогов и глаголов.

Ключевые слова. китайское языкознание, «Ма ши вэнь тун», предлог, часть речи, служебное слово

Для цитирования: Кирюхина Л. В. Трактовка категории 介字 *цзецзы* в грамматической теории Ма Цзяньчжуна. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (4). С. 27-40 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-27-40>

such words; they were often designated by the general term 辭 *ci*; the variant 介字 *jiezi* was proposed by Ma Jianzhong. “Ma shi wen tong” describes in detail prepositional functioning of the signs 之 *zhi*, 於 *yu*, 以 *yi*, 與 *yu*, 爲 *wei*, as well as some others but in less detail. In general, lexical units of this category represent a system of elements that marks the relationship between content words, however, some of the units considered by Ma Jianzhong among prepositions in modern grammatical theory are usually classified as conjunctions or function words. A general classification of prepositions is not given. When explaining the rules for the use of separate lexical units, their syntactic positions and the possibility of combination with some words of other classes are explained. Ma Jianzhong also notes that the use of prepositions is similar to the use of transitive verbs.

Keywords. Chinese linguistics, “Ma shi wen tong”, preposition; part of speech, function word

For citation: Kiryukhina L. V. Interpretation of the Category 介字 *jiezi* in the Grammar Theory of Ma Jianzhong. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№4). P. 27-40 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-27-40>

«Ма ши вэнь тун» (《马氏文通》) Ма Цзяньчжуна (马建忠) 1898 г. является важной вехой в развитии лингвистической мысли Китая, маркирует формирование качественно иного подхода к описанию языка. С выходом в свет именно этого труда принято связывать переход к современному этапу языковедческих исследований. Описание значимости данной работы представлено в многочисленных обзорах истории китайского языкознания (например, (Линь Юйшань 1983; Шао Цзинминь 1993; Хэ Цзюин 2008; Chappell, Peugaube 2014)), немало исследований посвящено и детальному изучению различных аспектов «Ма ши вэнь тун» (см. (Peugaube 1999; Pellin 2008; Бай Чжаолин 2010; Peverelli 2015; Кирюхина 2018; Zádpara 2020) и др.). Изложенное в «Ма ши вэнь тун» описание грамматической системы вэньяня (литературного языка в средневековом Китае, который основан на древнекитайском языке и значительно отличается от разговорного языка того же времени (Яхонтов 2016, 182, 193)) представляет собой попытку автора объединить достижения китайской национальной филологической традиции и западной. В общем плане можно сказать, что до 1898 г. ход языковедческих исследований определяло комментаторство (см. также (Кирюхина 2018, 23)), отдельные касающиеся грамматического строя языка проблемы затрагивались лишь в контексте толкования канонических текстов (отметим, что известны грамматики китайского языка, созданные европейскими миссионерами уже в XVII в. (Chappell, Peugaube 2014), однако китайские филологи, видимо, не были с ними знакомы; примечательно, что

в 1869 г. вышла работа «Mandarin Grammar», в которой грамматические термины снабжены переводом на китайский язык (авторы — «the American T. P. Crawford and the Chinese Zhang Ruzhen» (Uchida 2017, 75)), но широкого распространения среди китайцев, вероятно, она также не получила). Разработанная под значительным влиянием европейской лингвистической традиции грамматическая концепция Ма Цзяньчжуна способствовала кардинальным изменениям в дальнейших филологических исследованиях. Необходимость изучения лингвистических идей, представленных в фундаментальном труде поворотного в истории китайского языкознания отрезка времени, обусловлена важностью историографической работы, которая позволяет отслеживать динамику развития исследовательских направлений, их «этапность», а также многообразии подходов к научной интерпретации грамматических явлений.

В рамках настоящей статьи предлагается обратиться к трактовке Ма Цзяньчжуном категории 介字 *цзецзы* 'предлог', которая представляет интерес и как элемент системы частей речи в целом (этому посвящено, например, диссертационное исследование (Кирюхина 2018)), и как самостоятельная система более низкого порядка. Для того, чтобы определить, изучались ли до выхода «Ма ши вэнь тун» лексические единицы, которые можно обозначить как *предлоги*, а также каковы варианты их наименования как отдельной категории (если они были предметом исследования китайских филологов), изучим, имеются ли среди лексики, толкуемой в словарях служебных слов

языкознания традиционного периода, предлоги, а затем опишем трактовку лексических единиц указанной категории в грамматике Ма Цзяньчжуна. Для решения поставленных задач используются такие методы как описание, сопоставительный и системный анализ. Подход преимущественно синхронический, однако частично материал рассматривается и в диахроническом ракурсе.

Предлоги в словарях служебных слов традиционного китайского языкознания

Материал словарей показывает, что среди служебных слов китайские филологи рассматривали и слова с предложным значением. В словаре «Юй чжу» Лу Ивэя 1324 г. (Лю Яньвэнь 1986) представлены следующие единицы: 於 юй, значение которого поясняется посредством обиходного выражения 向這箇 'в отношении этого', а также в целом синонимичный ему 于 юй; 以 и в значении 'посредством' — обиходных 將去, 把來 'пользуясь'. В «Сюй цзы шо» Юань Жэньлиня 1710 г. (Юань Жэньлинь 1989) есть знаки 於 юй, 于 юй (рассматриваются в одной словарной статье), а также 以 и с восемью значениями, в т. ч. 用 'посредством', 爲 'для', 因 'по причине'. В «Чжу цзы бянь люэ» Лю Ци 1746 г. (Лю Ци 1948): 從 цун в значениях 自 'из', 由 'из-за', 因 'по причине' (обозначено как 因辭 'единица со значением причины'); 爲 вэй в разных значениях, в т. ч. 使 'использовать', показатель пассива 被 бэй, 以 'с помощью'; 於 юй; 以 (呂) и; 用 юн; 自 цзы. В «Цзин чжуань ши цы» Ван Иньчжи 1798 г. (Ван Иньчжи 2016): 與 юй; 呂 и; 由 ю; 用

юн; 於 юй; 于 юй; 爲 вэй; 自 цзы и т. д. Как видим, набор знаков схож.

В задачи филологов традиционного китайского языкознания входило прежде всего создание различных толкований к каноническим произведениям, а также руководств по написанию сочинений. Это наложило отпечаток и на словари служебных слов: их авторы не предпринимали попыток разработать грамматический инструментарий, а пользовались терминологическим аппаратом комментаторской и литературоведческой направленности. Предлоги не стали исключением, при необходимости лексические единицы такого функционирования обозначаются как, например, 辭 цы с некоторым предшествующим определением (так, в «Чжу цзы бянь люэ» 以 и в одном из значений поясняется как 用辭 'единица с орудийным значением' (Лю Ци 1948, 128)), также может быть указание на употребление в (не) знаменательном значении (в «Чжу цзы бянь люэ»: 此以字, 語助, 不爲義也. (Лю Ци 1948: 128) В данном случае знак 以 и является служебным элементом, не передаёт знаменательное значение. (Здесь и далее перевод наш — Л. К.) 諸自字, 並是語助, 不爲義也. (Лю Ци 1948: 189) Знак 自цзы во всех приведённых случаях является служебным элементом, не передаёт знаменательное значение. Подобные пояснения встречаются и в других монографиях).

介字 цзецзы в «Ма ши вэнь тун»

Предлогам посвящена седьмая из десяти глав «Ма ши вэнь тун». Ма Цзяньчжун отмечает, что в западных языках отношения между

знаменательными словами помогают выражать падежи, в китайском же на помощь приходят предлоги, которые выступают «посредниками» (實字之介紹) между знаменательными словами (Ма Цзяньчжун 2010, 248). Автор вводит термин 次 *цы*, понимая его как место, которое существительное/местословие занимает в предложении/фразе относительно другого существительного/местословия. В (Pellin 2008, 541) 次 *цы* на английский язык переведено как 'case', в (Peverelli 2015, 52–54) как 'position'.

При разработке своей грамматической концепции Ма Цзяньчжун по возможности старался применять терминологию традиционной китайской филологии (Кирюхина 2018, 139). Для предлогов подходящего варианта в трудах предшественников не нашлось. Понимая предлоги как слова, которые 介紹 'представляют, вводят' знаменательные слова (см. выше), он вводит соответствующий термин — 介字 *цзецзы* (согласно (Uchida 2017, 62–64), именно Ма Цзяньчжун первым из китайских грамматистов его использовал).

Грамматическая категория падежа маркирует зависимость существительных и местоимений. В «Грамматике Пор-Рояля», с которой, вероятно, был знаком Ма Цзяньчжун, поскольку обучался во Франции, отмечается, что для обозначения связей вещей друг с другом используются падежи и предлоги (Арно, Лансло 1990, 105, 142), предлог в некоторой степени «дополняет работу» системы падежей. Подчёркивая отличие китайского языка от европейских, Ма Цзяньчжун говорит о том, что в китайском языке именно предлоги помогают марки-

ровать отношения между знаменательными словами. Соответственно, те служебные слова, которые выполняют эту функцию, он отнёс к предлогам.

Автор указывает пять наиболее распространённых предлогов: 之 *чжи*, 於 *юй*, 以 *и*, 與 *юй*, 爲 *вэй*.

Употребление 之 *чжи*

У слова может быть несколько 義 *значений*, следовательно, может отличаться частотная отнесённость. В «Ма ши вэнь тун» приводятся примеры функционирования 之 *чжи* как глагола, местоимения и предлога (Кирюхина 2018, 111–112). Первые два случая рассматриваются в соответствующих главах. Выделяется следующие варианты употребления 之 *чжи* как предлога:

1) в атрибутивных сочетаниях между двумя существительными (將軍若能行此，亦漢之伊尹也。(249) *Если генерал поступит таким образом, то станет И Инем [эпохи] Хань.* Здесь и далее цитаты из (Ма Цзяньчжун 2010) приводятся знаками в традиционном начертании, как в первоисточнике, при ссылке на (Ма Цзяньчжун 2010) указываются только номера страниц), между прилагательным и существительным (象靜 *описывающие прилагательные* (собственно прилагательные): 猶求聖哲之上，明察之官，忠信之長，慈惠之師，民於是乎可任使也而不生禍亂。(249) *Ещё [нужно] найти мудрых чиновников, разбирающихся [в делах] служащих, преданных старшин, добрых наставников, и тогда народ будет работать, а не*

устраивать беспорядки; 滋靜 количественные прилагательные (числительные): 於舜之功二十之一也。(249) [Если сравнить] с заслугами Шуня, одна двадцатая часть.), между местословием и существительным (自生民以來, 未始有受命若斯之亟也。(249) С появления рода людского никогда не бывало получения мандата [на царство] настолько быстро.);

2) в субъектно-предикативных сочетаниях отделяет 读 доу 'фразу' (民望之, 若大旱之望云霓也。“大旱之望云霓”, 所以比之讀也。“大旱”起詞也, “望”坐動也, 中間“之”字, 緩辭也。(251) Народ смотрит [на него], словно на облако и радугу во время великой засухи. 大旱之望云霓 'облако и радуга во время великой засухи' отделяется паузой сравнения. 大旱 'великая засуха' — подлежащее, 望 'смотреть' — глагол, между ними знак 之 чжи — единица, обозначающая замедление.);

3) в глагольно-объектных сочетаниях с инверсией (古者言之不出, 恥躬之不逮也。“古者”句之起詞, “不出”其坐動也, “言”則“出”之止詞也。今止詞先置, 而“出”爲“不”字所狀, 故間“之”字以明焉。(254) Древние слов не давали, стыдились, что не выполняют их. 古者 'древние' — подлежащее в предложении, 不出 'не давать' — глагол, 言 'слова' — прямое дополнение к 出 'давать'. В данном случае прямое дополнение занимает предшествующую позицию, а 出 'давать' характеризуется 不 'не', поэтому между ними [ставится] знак 之 чжи, чтобы внести ясность.);

4) в предложно-объектных сочетаниях (至介字後司詞, 間亦先置而參以“之”字者。論 先進: “非夫人之爲慟而誰爲?” “爲”介字也, “夫

人”其司詞也, 猶云“非爲夫人慟, 將爲誰乎?” (255) Что касается управляемого члена предложения с предлогом, [когда управляемый член предложения] выносится вперед, [необходима] постановка знака 之 чжи между [управляемым членом предложения и предлогом]. «Лунь юй», «Сянь цзинь»: «[Если] не о таком человеке горевать, то о ком?» 爲 'о' — предлог, 夫人 'такой человек' — управляемый им член предложения, как сказать 非爲夫人慟, 將爲誰乎? 'Не о таком человеке горевать, так о ком?').

之 чжи в приводимых Ма Цзяньчжуном случаях используется для выражения синтаксических отношений между знаменательными словами разных категорий. Т. е., согласно определению, может быть отнесён к категории 介字 цзецзы. В современных работах по грамматике его принято относить к 结构助词 структурным вспомогательным словам (см., например, (Описательная... 2010, 229)), что, наш взгляд, вполне обоснованно. В грамматической теории Ма Цзяньчжуна есть категория со схожим названием — 助字 вспомогательные слова, однако т. к. к этой категории были отнесены только конечные частицы (Кирюхина, Серебренникова 2019, 231), 之 чжи включить в неё не представляется возможным.

Употребление 於 юй

Рассматривается употребление 於 юй в зависимости от расположения по отношению к сказуемому, а также с учётом типа сказуемого. Обобщённо можно перечислить следующие случаи его функционирования:

1) после сказуемого (выраженного прилагательным: 金重於羽者, 豈謂一鈎金與一輿羽之謂哉! (257) [Когда мы говорим, что] металл тяжелее пуха, разве речь идёт о металлическом крюке и возе пуха?; выраженного глаголом: 故天將降大任於是人也。“降”外動字, “大任”其止詞也, 而“是人”則“降大任”之所歸也, “於”字所以介轉詞也。 (258) Поэтому небо возлагает большую ответственность на такого человека. 降 ‘спускать’ — переходный глагол, 大任 ‘большая ответственность’ — его прямое дополнение, а 是人 ‘такой человек’ — то, к чему относится 降大任 ‘спускать большую ответственность’, знак 於 юй — то, что присоединяет предложное дополнение.);

2) перед сказуемым (於女安乎! “安”內動字也, “於女”者, 附於“安”字而爲其轉詞, 以其爲意之所重, 故先之。 (259) Ты будешь спокоен? 安 ‘быть спокойным’ — непереходный глагол, 於女 ‘в отношении тебя’ зависит от знака 安 ‘быть спокойным’, является его предложным дополнением, на нём делается акцент, поэтому предшествует [знаку 安 ‘быть спокойным’].).

於 юй может употребляться со сказуемым различных типов, с точки зрения позиции: как предшествовать сказуемому, так и следовать за ним.

Употребление 以 и

Ма Цзяньчжун отмечает, что 以 и может управлять существительными или глаголами (265). Управляя существительным, “以”字以言所用者 знак 以 и [может] назвать орудие (故善用兵者, 不以短擊長, 而以長擊短。 (265) Тот,

кто искусно командует войсками, не слабым [войском] нападает на сильное, а сильным нападает на слабое.) или 言所因者 называть основание (斧斤以時入山林, 材木不可勝用也。“以時”者, “因時”也。 (265) Если в установленное время ходит в горы рубить деревья, древесина не иссякнет. 以時 ‘согласно времени’ означает 因時 ‘в соответствии с временем’. 乃欲以一笑之故殺吾美人。 (266) Хочет из-за одной улыбки убить мою наложницу.). Кроме того, нечасто встречаются случаи, когда управляемое 以 и существительное предшествует ему: 禮以行之, 孫以出之, 信以成之, 君子哉! (268) [Благородный муж долг считает основой], через ритуал осуществляет его, через потомков продолжает его, через честность совершенствует его. Только таков и есть благородный муж! В данном предложении существительные 禮 ‘ритуал’, 孫 ‘потомок’, 信 ‘честность’ функционируют как управляемый член предложения, относятся к знаку 以 и, однако стоят перед ним.

Раз 以 и может управлять существительными, значит, может управлять и некоторыми местословиями, например, 吾王不遊, 吾何以休? 吾王不豫, 吾何以助? “以”司“何”字而後置焉。 (267) Наш ван [если бы] не объезжал [свои владения], мы как [смогли бы] отдыхать? Наш ван [если бы] не выезжал, мы как [смогли бы] получить] помощь? 以 и управляет 何 ‘каким образом’, находится в постпозиции.

Управление глаголом: 晉人以垂棘之璧與屈產之乘, 假道於虞以伐虢。第一“以”字司名字, 解用也。“以伐虢”者, “伐”外動字, “虢”其止詞, 皆爲“以”字所司, 今後乎“假”字者, 以言所爲“假道”也, 卽假道之初意也。此“以”字以聯先後動字

之法，見於書者，所在皆是。(266) Цзиньцы при помощи нефрита из Чуйцзи и колесниц из Цюй [хотели] воспользоваться дорогой через Юй, чтобы напасть на Го. Первый знак 以 и управляет существительным, поясняет способ. В 以伐虢 'чтобы напасть на Го' 伐 'покорять' — переходный глагол, 虢 'Го' — управляемый им член предложения, [в обоих случаях лексические единицы] являются управляемым 以 и членом предложения, далее следует за знаком 假 'воспользоваться', чтобы сказать, для чего 假道 'воспользоваться дорогой', истинная цель проезда. В данном случае знак 以 и — способ соединения предшествующего и последующего глаголов, встречается в письменном [языке] повсеместно.

以 и может управлять также прилагательными: 是故治世之音安以樂, 其政和。亂世之音怨以怒, 其政乖。亡國之音哀以思, 其民困。“安”“樂”兩靜字, 參“以”字以聯之, 猶“安而樂”也。(269) Поэтому музыка мирного периода спокойна и радостна, его (т. е. этого периода) политика мягка; музыка смутного периода враждебна и яростна, его политика строптивая; музыка периода упадка грустна и горестна, народ [терпит] лишения. Прилагательные 安 'спокойный' и 樂 'радостный' соединяются знаком 以 и, аналогично 安而樂 'спокойный и радостный'. Ма Цзяньчжун указывает, что здесь возможна замена на 而 эр, который он рассматривает среди 连字 союзов. Исходя из данных критериев разграничения союзов и предлогов, предложенных (Го Жуй 2002, 232–233), в 安以樂 спокойна и радостна, 怨以怒 враждебна и яростна, 哀以思 грустна и горестна знак 以 и функционирует как союз.

Употребление 與 юй

與 юй — предлог, который используется для соединения существительных или местоимений, находящихся в равноправных отношениях (271). Рассмотрим некоторые примеры автора.

夫子之言性與天道, 不可得而聞也。“性”及“天道”兩名平列, 蓋皆爲夫子所可言者也, 故以“與”字聯之。(271) Высказывания Учителя о природе [человека] и о велении неба не услышишь. Существительные 性 'природа' и 天道 'веление неба' [являются] однородными [членами предложения], это то, о чём мог говорить Учитель, поэтому соединяются при помощи знака 與 юй. После предлогов, согласно логике автора, должен быть управляемый член предложения, а перед предлогом, видимо, подлежащее. В данном же предложении и 性 'природа', и 天道 'веление неба' функционируют как дополнение. Здесь мы наблюдаем противоречие. В современных работах 與 юй зачастую относят к союзам (например, (Пятнадцать... 2007, 163; Описательная... 2010, 208)).

Соединяться могут и более двух однородных членов предложения: 子罕言利與命與仁。“利”“命”“仁”三者, 皆夫子所“罕言”, 故聯以“與”字。(271) Учитель редко говорил о выгоде, судьбе, гуманности. 利 'выгода', 命 'судьба', 仁 'гуманность' — это то, о чём Учитель 罕言 'редко говорил', поэтому [они] соединены при помощи знака 與 юй.

Ма Цзяньчжун отмечает, что 與 юй может употребляться с местоимениями 誰 шэй и 何 хэ, которые предшествуют ему: 王誰與爲善? (273)

Государь с кем будет делать добрые дела? При управлении 所 со предлог 與 юй также ставится после него: 非信無所與計事者。 (273) Без [Хань] Синя не с кем планировать дела.

Управляемый член предложения может опускаться: 子曰: ‘可與共學, 未可與適道, 可與適道, 未可與立, 可與立, 未可與權。’ “可與共學”者, 言“可與之共學”也。“之”者, 以指“可與共”學之人, 下同。“可”, 助動也。此等句法, 動字往往解爲受動。 (274) Учитель сказал: «[Если] можешь с [человеком] вместе учиться, не обязательно, что сможешь с [ним] идти по пути; [если] можешь с [ним] идти по пути, не обязательно, что сможешь с [ним прочно] стоять на пути; [если] можешь с [ним прочно] стоять на пути, не обязательно, что сможешь [с ним] принять правильное решение». 可與共學 ‘можешь с вместе учиться’ означает 可與之共學 ‘можешь с ним вместе учиться’. 之 чжи указывает на человека, с которым вместе учатся. Далее — аналогично. 可 ‘мочь’ — вспомогательный глагол. В такого рода предложениях глагол часто понимается как пассивный.

Таким образом, основной характеристикой знака 與 юй является то, что он соединяет однородные члены предложения.

Употребление 爲 вэй

爲 вэй часто управляет существительными: 鄉爲身死而不受, 今爲宮室之美爲之, 鄉爲身死而不受, 今爲妻妾之奉爲之, 鄉爲身死而不受, 今爲所識窮乏者得我而爲之。六“爲”字司詞皆先動字, 而“爲之”之“爲”, 動字也。 (275) Когда-то рискуя умереть не принимал [ничего], те-

перь же для роскоши дворцов делаешь это (т. е. принимаешь дары); когда-то рискуя умереть не принимал [ничего], теперь же для подношения жёнам [и] наложницам делаешь это; когда-то рискуя умереть не принимал [ничего], теперь же для признания познавшими нищету [и] лишения делаешь это. Управляемое шестью знаками 爲 вэй предшествует глаголу, а 爲 вэй в [сочетании] 爲之 ‘делаешь это’ — глагол. В упомянутых шести случаях 爲 вэй указывает на причину (то, что Ма Цзяньчжун называет 解“困”).

Также может управлять местословиями (湯使亳衆往爲之耕。“爲之耕”者, “爲葛耕”也。 (276) Тан отправил людей из Бо, чтобы для него вспахали [землю]. 爲之耕 ‘для него вспахали’ [значит] 爲葛耕 ‘для Гэ вспахали’), при этом может находиться в постпозиции по отношению к вопросительным местословиям (非夫人之爲慟而誰爲? [Если] не о таком человеке горевать, то о ком?). Управляемый член предложения также может опускаться: 無老壯, 皆爲垂涕。 (277) Независимо от того, старые [или] молодые, все по [нему] лили слёзы.

Также Ма Цзяньчжун разбирает употребление некоторых других предлогов, но в более общих чертах. В заключение он указывает: 總之, 介字用法與外動字大較相似。故外動字有用如介字者。反是, 而介字用如動字者, 亦有之。 (279) В общем, употребление предлогов по большому счёту схоже с [употреблением] переходных глаголов. Поэтому некоторые переходные глаголы употребляются как предлоги. И наоборот, существуют также предлоги, которые употребляются как переходные глаголы. Например: 虎圈畜夫, 從旁代尉對上所問禽獸簿

甚悉。“從”，本動字也。曰“從旁”，則以聯“旁”與“代”之實字矣。故“從”字用如介字。(279) *Надзиратель загона [для] тигров со стороны вместо служащего относительно выше заданных вопросов [про] записи [о] птицах [и] зверях [продемонстрировал] чрезвычайную осведомлённость. 從 ‘следовать’ [по] основному [значению] — глагол. Чтобы соединить знаменательные слова 旁 ‘сторона’ и 代 ‘замещать’, говорится 從 旁 ‘со стороны’. Поэтому 從 ‘следовать’ употребляется как предлог. Ма Цзяньчжун подчёркивает связь предлогов с глаголами. Отметим, что уже авторы словарей служебных слов заметили эту особенность и при толковании отдельных лексических единиц пытались показать механизм появления служебного значения у некоторых полных слов (например, у знака 坐 цзо в «Чжу цзы бянь люэ» (Лю Ци 1948, 160)).*

Выводы

На традиционном этапе развития языкознания в Китае филологи рассматривали относимые ныне к предлогам лексические единицы среди прочих служебных слов. Специального термина для них не использовалось, при необходимости их отмечали как 辭 цы — общий термин для обозначения единиц служебного плана (строго говоря, 辭 цы мы называем термином с большой долей условности, поскольку он не обладает такими обязательными для термина свойствами, как дефинированность, содержательная точность, однозначность, устойчивость формы (Гринев-Гриневиц, Сорокина, Молчанова 2022, 722–723)). Предложенный Ма Цзяньчжуном вариант 介字 цзецзы исполь-

зуется и в современных работах с заменой на 介词 цзецы (字 цзы заменено на 词 цы для указания на необязательную односложность современной лексики, в отличие от главным образом односложной лексики взньяня).

Ма Цзяньчжун также отмечает тесную связь предлогов и глаголов, что находит отражение и в более современных работах (см., например, (Горелов 1989, 70–72; Ли Сяоци 2005, 69; Син Фуи 2019, 307)). Количество представленных в «Ма ши вэнь тун» предлогов невелико (для сравнения: в современном китайском языке насчитывается около 130 предлогов (Описательная... 2010, 215)), все они односложны, их классификация не приводится. Лексические единицы данной категории представляют собой систему элементов, маркирующих отношения между знаменательными словами, причём не все из них в современной грамматической теории принято относить к этому классу. При описании особенностей употребления предлогов подробно разъясняются потенциальные синтаксические позиции, возможность использования без управляемого члена предложения, сочетание с лексическими единицами других классов (所 со, местословием 之 чжи, вопросительными местословиями и др.).

Список литературы

1. Линь Юйшань. (林玉山) *История китайской грамматики. (汉语语法学史)* Чанша: Хунань цзяюй чубаньшэ, 1983. (на кит. яз.)
2. Шао Цзинминь. (邵敬敏) *Наброски по истории китайской грамматики. (汉语语法*

- 学史稿) Шанхай цзяюй чубаньшэ, 1993. (на кит. яз.)
3. Хэ Цзюин. (何九盈) *История современного китайского языкознания*. (中国现代语言学史) Пекин: Шанъу иньшугуань, 2008. (на кит. яз.)
4. Chappell H., Peyraube A. *The History of Chinese Grammars in Chinese and Western Scholarly Traditions // Language and History*, 2014, 57 (2), pp. 107–136.
5. Peyraube A. *Sur les sources du Ma shi wen tong // Histoire Épistémologie Langage*, 1999, no. 21 (2), pp. 65–78.
6. Pellin T. *Inventing a Modern Lexicon for Grammar in Chinese: the Experience of Wang Fengzao, Ma Jianzhong and Yan Fu // Language Sciences*, 2008, vol. 30, iss. 5, pp. 529–545.
7. Бай Чжаолинь. (白兆麟) *Общее исследование «Ма ши вэнь тун»*. (《马氏文通》综论) Пекин: Цзючжоу чубаньшэ, 2010. (на кит. яз.)
8. Peverelli P. *The History of Modern Chinese Grammar Studies*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2015.
9. Кирюхина Л. В. *Становление грамматической традиции в китайском языкознании: опыт системного анализа грамматики Ма Цзяньчжуна: дис. ... канд. филол. наук*. Иркутск, 2018.
10. Zádara L. *The First Chinese Grammar between the Domestic Tradition and Western Modernity: Neglected Aspects of*
- Mǎ Jiànzhōng's Prefaces to Mǎshì wéntōng (1898). *Archiv orientální*. 2020, no. 88 (1), pp. 57–93.
11. Яхонтов С. Е. *Письменный и разговорный китайский язык в VII–XIII вв. н. э. // Проблемы китайского и общего языкознания. К 90-летию С. Е. Яхонтова / Отв. ред. Е. Н. Колпачкова*. СПб.: Изд-во «Студия НП-Принт», 2016. С. 182–194.
12. Uchida K. *A Study of Cultural Interaction and Linguistic Contact. Approaching Chinese Linguistics from the Periphery*. Translated by A. Thwaites. Göttingen: V&R Unipress GmbH, 2017.
13. Лю Яньвэнь. (刘燕文) *«Юй чжу» с комментариями*. (语助校注) Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1986. (на кит. яз.)
14. Юань Жэньлинь. (袁仁林) *О пустых словах*. (虚字说) Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1989. (на кит. яз.)
15. Лю Ци. (刘淇) *Краткое руководство для различения вспомогательных слов*. (助字辨略) Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1948. (на кит. яз.)
16. Ван Иньчжи. (王引之) *Толкование лексики канонов и комментариев*. (经传释词) Нанкин: Фэнхуан чубаньшэ, 2016. (на кит. яз.)
17. Ма Цзяньчжун. (马建忠) *Грамматика Ма Цзяньчжуна*. (马氏文通) Пекин: Шанъу иньшугуань, 2010. (на кит. яз.)
18. Арно А., Лансло Кл. *Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / пер. с фр.,*

- коммент. и послесл. Н. Ю. Бокадоровой; общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1990.
19. *Описательная грамматика современного китайского языка* (现代汉语描写语法) / ред. Чжан Бинь (张斌). Пекин: Шанъу иньшугуань, 2010. (на кит. яз.)
 20. Кирюхина Л. В., Серебrenникова Е. Ф. Категория вспомогательных слов в грамматической теории Ма Цзяньчжуна // *III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»*; [отв. ред. Е. Ф. Серебrenникова]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 229–235.
 21. Го Жуй. (郭锐) *Исследование частей речи современного китайского языка*. (现代汉语词类研究) Пекин: Шанъу иньшугуань, 2002. (на кит. яз.)
 22. *Пятнадцать лекций о служебных словах китайского языка* (汉语虚词15讲) / ред. Бай Сяохун, Чжао Вэй (白晓红、赵卫). Пекин: Бэйцзин юйянь дасюэ чубаньшэ, 2007. (на кит. яз.)
 23. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Молчанова М. А. Ещё раз к вопросу об определении термина // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022. Т. 13, № 3. С. 710–729.
 24. Горелов В. И. *Теоретическая грамматика китайского языка*. М.: Просвещение, 1989.
 25. Ли Сяоци. (李晓琪) *Лекции о служебных словах современного китайского языка*. (现代汉语虚词讲义) Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2005. (на кит. яз.)
 26. Син Фуи. *Грамматика китайского языка* / пер. с кит. Е. Н. Колпачковой, А. В. Лебедевой, Н. А. Сомкиной, Е. Ю. Фокиной; науч. ред. пер. Е. Н. Колпачкова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019
- ## References
1. Lin Yushan. (林玉山) *History of Chinese Grammar*. (汉语语法学史) Changsha: Hu nan jiao yu chu ban she, 1983. (In Chin.)
 2. Shao Jingmin. (邵敬敏) *History of Chinese Grammar*. (汉语语法学史稿) Shanghai jiao yu chu ban she, 1993. (In Chin.)
 3. He Jiuying. (何九盈) *History of Modern Chinese Linguistics*. (中国现代语言学史) Beijing: Shang wu yin shu guan, 2008. (In Chin.)
 4. Chappell H., Peyraube A. The History of Chinese Grammars in Chinese and Western Scholarly Traditions // *Language and History*, 2014, 57 (2), pp. 107–136.
 5. Peyraube A. Sur les sources du *Ma shi wen tong* // *Histoire Épistémologie Langage*, 1999, no. 21 (2), pp. 65–78.
 6. Pellin T. Inventing a Modern Lexicon for Grammar in Chinese: the Experience of Wang Fengzao, Ma Jianzhong and Yan Fu // *Language Sciences*, 2008, vol. 30, iss. 5,

- pp. 529–545.
7. Bai Zhaolin. (白兆麟) *General Study of "Ma shi wen tong"*. (《马氏文通》综论) Beijing: Jiu zhou chu ban she, 2010. (In Chin.)
 8. Peverelli P. *The History of Modern Chinese Grammar Studies*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag, 2015.
 9. Kiryukhina L. V. *Formation of Grammatical Tradition in Chinese Linguistics: Experience of system Analysis of Ma Jianzhong's Grammar*. Cand. philol. sci. diss. Irkutsk, 2018. 209 p. (In Russ.)
 10. Zádrapa L. The First Chinese Grammar between the Domestic Tradition and Western Modernity: Neglected Aspects of Mǎ Jiànzhōng's Prefaces to Mǎshì wéntōng (1898). *Archiv orientální*. 2020, no. 88 (1), pp. 57–93.
 11. Yakhontov S. E. Written and spoken Chinese in the 7th–13th centuries AD. *Problems in Chinese and General Linguistics. Sergey Yakhontov anniversary volume in honor of his 90th birthday*. St. Petersburg: Publishing house "Studio NP-Print", 2016. pp. 182–194. (In Russ.)
 12. Uchida K. *A Study of Cultural Interaction and Linguistic Contact. Approaching Chinese Linguistics from the Periphery*. Translated by A. Thwaites. Göttingen: V&R Unipress GmbH, 2017.
 13. Liu Yanwen. (刘燕文) *Notes on "Yuzhu"*. (语助校注) Zhengzhou: Zhong zhou gu ji chu ban she, 1986. (In Chin.)
 14. Yuan Renlin. (袁仁林) *On Function Words*. (虚字说) Beijing: Zhong hua shu ju, 1989. (In Chin.)
 15. Liu Qi. (刘淇) *Function Words' Analysis*. (助字辨略) Shanghai: Zhong hua shu ju, 1948. 353 p. (In Chin.)
 16. Wang Yinzhi. (王引之) *Exegesis of the Vocabulary of Canons and Commentaries*. (经传释词) Nanjing: Feng huang chu ban she, 2016. (In Chin.)
 17. Ma Jianzhong. (马建忠) *Grammar of Ma Jianzhong*. (马氏文通) Beijing: Shang wu yin shu guan, 2010. (In Chin.)
 18. Arnauld, A., Lancelot, Kl. *The Port-Royal General and Rational Grammar*. Moscow, Progress Publ., 1998. (In Russ.)
 19. *Descriptive Grammar of Modern Chinese*. (现代汉语描写语法) Ed. by Zhang Bin. (张斌) Beijing: shang wu yin shu guan, 2010. (In Chin.)
 20. Kiryukhina L. V., Serebrennikova E. F. The Category of Auxiliary Words in Ma Jianzhong's Grammar Theory. *III Gotlib Readings: Oriental studies and regional studies of the Asia-Pacific region in the focus of modernity: materials of the International scientific conf. Irkutsk, September 10–16 2019 / Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "ISU"; [resp. ed. E. F. Serebrennikova]*. Irkutsk: ISU Publishing House, 2019, pp. 229–235. (In Russ.)
 21. Guo Rui. (郭锐) *Study on Parts of Speech in Modern Chinese*. (现代汉语词类研究) Beijing:

- Shang wu yin shu guan, 2002. (In Chin.)
22. 15 Lectures on Chinese Function Words. (汉语虚词15讲) Ed. by Bai Xiaohong, Zhao Wei. (白晓红、赵卫) Beijing: Bei jing yu yan da xue chu ban she, 2007. (In Chin.)
23. Grinev-Griniewicz S. V., Sorokina E. A., Molchanova M. M. Reconsidering the Definition of the Term. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2022, vol. 13, N. 3, pp. 710–729. (In Russ.)
24. Gorelov V. I. *Theoretical Grammar of Chinese*. Moscow, Prosveshcheniye, 1989. (In Russ.).
25. Li Xiaoqi. (李晓琪) *Lectures on Function Words in Modern Chinese*. (现代汉语虚词讲义) Beijing: Bei jing da xue chu ban she, 2005. (In Chin.)
26. Xing Fuyi. *Chinese Grammar*. St. Petersburg, Saint Petersburg University Press, 2019. (In Russ.)

Сведения об авторе

Кирюхина Любовь Владимировна,

канд. филологических наук, доцент кафедр иностранных языков и лингвистики

Иркутский государственный университет

Российская Федерация, 664003, Иркутск, Карла Маркса, 1

lyubabukhtulova@mail.ru

Information about the Author

Lyubov V. Kiryukhina

Candidate of Philology, Associate Professor

Department of Foreign Languages and Linguodidactics

Irkutsk State University

Russia, 664003, Irkutsk, Karl Marx st., Build. 1

lyubabukhtulova@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.10.2024;

Одобрена после рецензирования: 30.10.2024;

Принята к публикации: 03.11.2024.

Information about the article

The article was submitted 25.10.2024;

Approved after reviewing 30.10.2024;

Accepted for publication 03.11.2024.

**"The Book of Changes" and the Chinese Language: Some Features of the
Chinese Language Through the Lens of Traditional Thinking**

**«И цзин» и китайский язык: некоторые особенности китайского языка
через призму традиционного мышления**

Хань Юн,

Мирзиева Лейсан Рифхатовна,

Шайхутдинова Е.Н.

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

ch_leisang@mail.ru

Han Yun,

Leysan R. Mirziyeva,

Evgeniya N. Shaikhutdinova

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author:

ch_leisang@mail.ru

УДК 811.581 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2024-41-53](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-41-53)

АННОТАЦИЯ

Язык и мышление тесно связаны друг с другом. Мышление народа хань сформировалось в процессе развития древней исторической культуры Китая. Изучая традиционные способы мышления в Китае, невозможно не упомянуть книгу «И цзин» (или «Книга Перемен»). Хотя «Книга Перемен» изначально в Китае была книгой о гаданиях, она представляет собой обобщение опыта китайской цивилизации. На протяжении пяти тысяч лет идеи «Книги Перемен» продолжают оказывать ощутимое влияние на философию, общественную и политическую жизнь, религию, медицину, литературу и эстетические искусства китайского народа.

ABSTRACT

Language and thinking are closely related to each other. The thinking of the Han people was formed in the process of developing the ancient historical culture of China. When studying traditional ways of thinking in China, it is impossible not to mention the book "Yijing" (or "Book of Changes"). Although the "Book of Changes" was originally a book about fortune telling in China, it is a generalization of the experience of Chinese civilization. For five thousand years, the ideas of the "Book of Changes" continue to exert a tangible influence on the philosophy, social and political life, religion, medicine, literature and aesthetic arts of the Chinese people.

В данной статье основное внимание уделяется краткому обзору системной структуры и особенностям мышления, которые лежат в основе «Книги перемен» и в дальнейшем повлиявших на принципы, специфику, а также некоторые особенности грамматики и словообразования в китайском языке. Благодаря этому изучающие китайский язык смогут лучше понять и освоить особенности китайского языка.

Ключевые слова. И Цзин, виды мышления, китайский язык, грамматика, словообразование

Для цитирования: Хань Юн, Мирзиева Л.Р., Шайхутдинова Е.Н. «Книга перемен» и китайский язык: некоторые особенности китайского языка через призму традиционного мышления. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (№4). С. 41-53 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-41-53>

I. Метод гадания и структура «Книги Перемен»

В древнем Китае люди считали, что небеса, то есть боги, управляют всем на земле, и поэтому самым лучшим способом общения с божеством было гадание. В то время существовало два распространенных метода гадания:

- 1) «占» (гадание на стеблях тысячелистника)

Этот метод заключался в использовании определенного количества стеблей тысячелистника (которые тогда считались священны-

This article focuses on a brief overview of the systemic structure and features of thinking that underlie the "Book of Changes" and further influenced the principles, specificity, as well as some features of grammar and word formation in the Chinese language. Thanks to this, students of the Chinese language will be able to better understand and master the features of the Chinese language.

Keywords. Yijing, types of thinking, Chinese language, grammar, word formation

For citation: Han Yun, Mirzиеva L.R., Shaikh-tudinova E.N. "The Book of Changes" and the Chinese Language: Some Features of the Chinese Language Through the Lens of Traditional Thinking. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№4). P. 41-53 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-41-53>

ми) для составления различных комбинаций, из которых выводились числа. Затем рисовались символы для инь (--) и ян (—). Четные числа, такие как 2, 4, 6, 8, символизировали и обозначались как « -- » (называемая «прерывистая черта» или «женская черта»). Нечетные числа, такие как 1, 3, 5, 7, 9, символизировали «ян» и обозначались как « — » (называемая «сплошная черта» или «мужская черта»). Затем на основе этих чисел и символов делались выводы о божественной воле.

- 2) «卜» (гадание на костях и панцирях животных)

Данный метод заключался в сжигании черепаших панцирей или костей животных, и по трещинам, образующимся от огня, определяли божественную волю. Люди верили, что черепаший панцирь или кости способны передавать божественные послания.

В период Западной Чжоу люди собрали записи о числовых символах, формах трещин, что в дальнейшем привело к созданию «Чжоу и» или «Чжоуской книги перемен». «Чжоу и» — это книга, основанная на гадании с помощью стеблей тысячелистника. После династии Хань содержание «周易» «Чжоу и» дополнилось и стало составлять две части: «易经» «И цзин» (64 гексаграммы) и «易传» «И чжуань» (комментарии и пояснения). Благодаря «И чжуань», «И цзин» становится не только книгой гаданий, но и философским произведением.

Структура «Чжоу и»

«Чжоу и» содержит 64 гексаграммы, которые символизируют различные природные и человеческие явления. Каждая гексаграмма состоит из двух типов символов: « - - » (прерывистая черта) и « — » (сплошная черта). Конкретная структура каждой гексаграммы образована наложением двух из восьми основных гексаграмм.

Что такое восемь триграмм? Диаграмма инь-янь показывает, что восемь триграмм происходят из тайцзи, два Начала (о небе и земле, об инь и ян, как прообразах всего сущего) и четыре явления: «четыре явления и образа рождают восемь триграмм». Восемь триграмм представляют собой инь-янь систему измене-

ния вещей. Восемь основных триграмм состоят из комбинации трех « - - » прерывистых или «—» сплошных черт, упорядоченных по различным последовательностям, отражающим инь-янь изменения в природе, и образуют восемь различных форм, называемых восемью триграммами, каждая из которых символизирует определенные вещи. Ниже представлены основные понятия, которые обозначают триграммы.

Восемь триграмм и их названия:

- Цянь (乾): олицетворяет небо, символизирует силу и благородство.
- Кунь (坤): олицетворяет землю, символизирует покорность и женственность.
- Чжэнь (震): олицетворяет гром, символизирует движение и связано со старшим сыном в семье.
- Сюн (巽): олицетворяет ветер, символизирует мягкость и связано со старшей дочери.
- Кан (坎): олицетворяет воду, символизирует опасности и связано со средним сыном.
- Ли (离): олицетворяет огонь, символизирует яркость и связано со средней дочерью.
- Гэнь (艮): олицетворяет гору, символизирует неподвижность и связано с младшим сыном.
- Дуй (兑): олицетворяет болото, символизирует радость и незамужнюю девушку.

Рис.1. Восемь триграмм

Fig.1. Eight trigrams

Восемь триграмм подобны восьми бесконечным, невидимым пространствам, в которые помещены все вещи и явления во вселенной. Восемь триграмм также комбинируются и образуют шестьдесят четыре гексаграммы, которые символизируют различные природные явления, социальные события, философию жизни и законы функционирования природы. Предсказание является обобщением и оценкой всей гексаграммы, текст линии предоставляет конкретный анализ и руководство для каждой отдельной черты (символа инь или ян), а текст образа объясняет и интерпретирует образ гексаграммы.

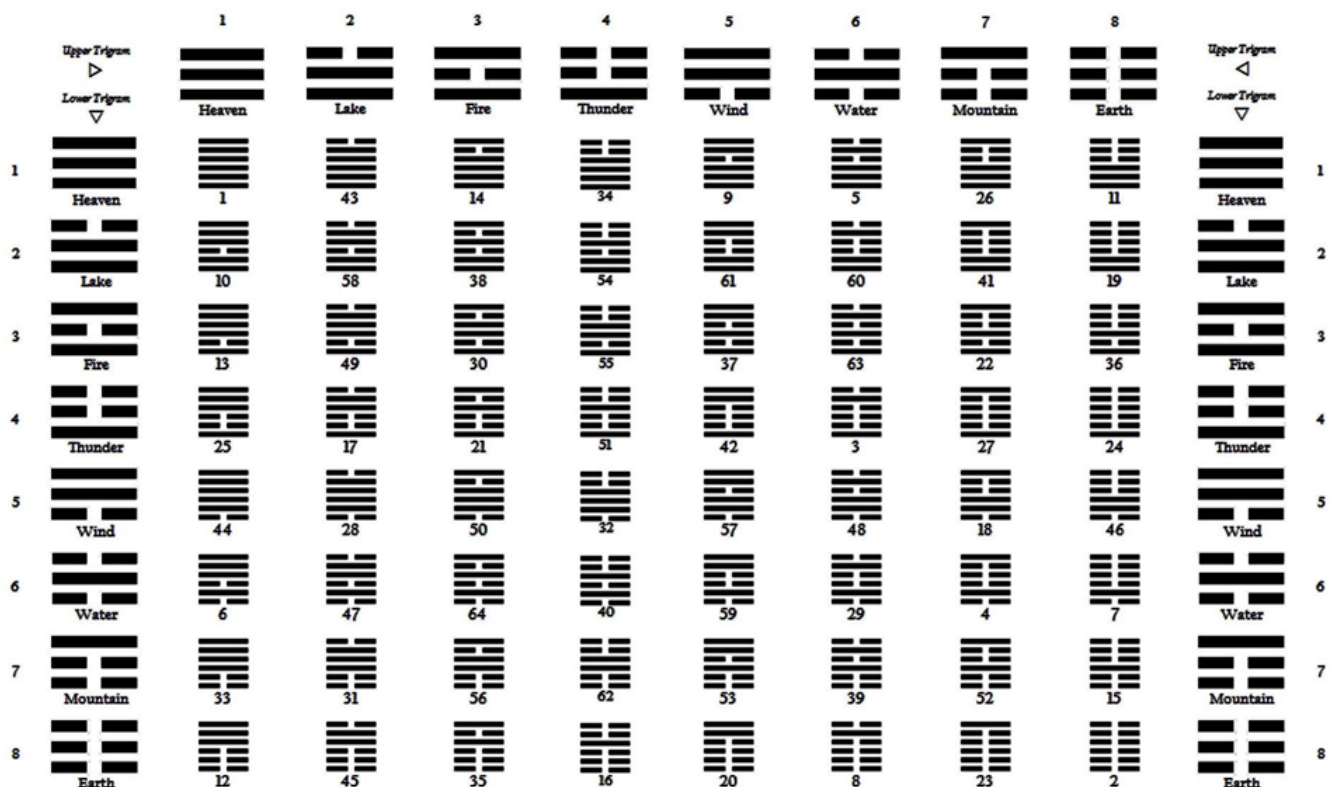

Рис 2. 64 гексаграммы

Fig. 2. 64 hexagrams

II. Образ мышления и его особенности изложенные в «Книге Перемен»

Многие исследователи считают, что китайская классическая система мысли основана на целостном, сравнительном (относящемся к логическому), интуитивном и диалектическом мышлении. Автор книги «Путешествие по изучению ицзинистики» Чжу Бокун так же выделяет следующие виды мышления в «И цзин»: интуитивное, образное, логическое, диалектическое и символическое мышление [Чжу Бокун, 1997 с. 2].

1. Целостное мышление

Поскольку восемь триграмм (八卦) представляют собой идею, согласно которой «один разделяется на два, два — на четыре, четыре — на восемь...», то мышление в 八卦 — это непрерывный процесс деления мира на две части. При этом, дуальность заключается в том, что триграммы также могут «объединяться, чтобы стать одним целым». 《易经》 рассматривает небесное и земное, человека и общество как тесно взаимосвязанную систему. Элементы которой взаимозависимы. Шестидесяти четырем гексаграммам соответствуют различные образы или явления 卦象 (космос, природа, общество, культурные условия), которые отражают изменения и законы изменений через взаимодействие инь и ян. Оно связывает образы, числа и принципы, подчеркивая важность целостности и интуитивности, основываясь на опыте, акцентируя внимание на понимании и обобщении. Этот метод обладает изменчивостью, вместимостью и гибкостью. При этом различия между шестьюдесятью четырьмя гексаграмма-

ми заключаются в порядке расположения инь и ян, отражающих изменения вещей, поэтому упорядоченность также является важной характеристикой целостного мышления.

2. Интуитивное мышление

Интуитивное мышление — это форма мышления, при которой вещи и возможное развитие ситуации воспринимаются и оцениваются при помощи органов чувств. В «И чжуань» говорится, что через наблюдение за образами и явлениями — 卦象, а также осмысление значений, выраженных в комментариях к гадательным чертам — 卦爻辞, можно определить текущее положение вещей. Например, согласно концепции “观象制器” «наблюдение за внешними предметами для создания инструментов», можно пояснить характер интуитивного мышления. В комментариях к «И цзин» говорится, что Фуци использовала веревки для ловли рыбы, вдохновившись образами и явлениями 卦象, и 离卦 30-ой гексаграммой «И цзина» Ли), а Шэнь Нун создал плуг для обработки земли, вдохновившись триграммами (卦)象 и 42-ой гексаграммой «И цзина» (益卦) и так далее. Все это иллюстрирует проявление интуитивного мышления, основанного на наблюдении за образами, не только для предсказания удачи и несчастья, а также для поиска смыслов и даже создания изделий [1].

3. Образное мышление

Образное мышление является углублением интуитивного мышления. Оно схоже с интуитивным мышлением тем, что оба процесса используют образы вещей в качестве медиатора мышления. Однако отличие заключается в том,

что интуитивное мышление обычно опирается на общее впечатление от одного предмета для сопоставления и оценки другого предмета, в то время как образное мышление не ограничивается общим восприятием и даже может создавать новые идеи. Например, когда люди видят, что птицы могут летать благодаря своим крыльям, они воображают человека или лошадь с крыльями, которые тоже могут летать.

Образное мышление «И цзин» использует образы как медиатор, где рациональные, ценностные и эмоциональные факторы взаимосвязаны, объединяясь в истине, добре и красоте. Таким образом, это стало одной из основных характеристик китайского мышления и оказало глубокое влияние на китайскую эстетику, литературную теорию и язык.

4. Сравнительное мышление

Сравнительное мышление — это начальная форма рационального мышления, основанная на классификации. По сравнению с образным мышлением, это более глубокий способ познания, который позволяет извлекать общие черты из конкретных образов и использовать эти общие черты для понимания новых вещей. Это познание уже не ограничивается поверхностным восприятием предметов.

5. Диалектическое мышление

Диалектическое мышление является еще одной яркой характеристикой традиционного китайского мышления, подчеркивающим многоаспектность вещей, их взаимосвязь и развитие, а также гармонию и единство противоре-

чий. Этот способ мышления возник из изучения и понимания противоречивых, но взаимозависимых явлений природы, таких как взаимодействие инь и ян. Например, формирование и определенное сочетание шестидесяти четырех гексаграмм в «И цзин» непосредственно основано на этой паре, которые, изменяясь, образуют различные состояния.

Диалектическое мышление пронизывает философские традиции древнего Китая, стремится к гармонии, согласованности и единству, ценит примирение противоречий, как, например, в философии «срединного пути» конфуцианства. Древнекитайская медицинская теория также имеет прямую связь с диалектическим мышлением инь и ян. Можно сказать, что концепция баланса противоположностей, взаимосвязь пяти элементов лежат в основе традиционной китайской медицины. Диалектический подход позволяет наблюдать за состоянием здоровья человека и обнаруживать причины заболеваний.

Из вышеописанных способов мышления, лежащих в основе «И цзин», можно выделить несколько характеристик: они обладают ассоциативностью, интуитивностью, образностью, целостностью, изменчивостью, способностью к объединению и делению, а также диалектичностью. Эти способы мышления основываются на гексаграммах и позволяют интуитивно или подсознательно воспринимать объекты. Их ценностная ориентация заключается в координации и гармонии между небом, землей и человеком, что является целостным системным подходом к изучению природы и общества.

Эксперты считают, что эти особенности мышления нашли отражение в китайском языке, придавая ему определённые характеристики. Ниже мы более подробно разберем то, как именно в китайском языке воплощены принципы философии «Ицзин».

1) Образность и конкретность

Китайские иероглифы основаны на пиктографических символах, и на этой основе было создано множество иероглифов с помощью различных методов, таких как семантическое сочетание и фонетические компоненты, а лексика китайского языка склонна использовать образные и конкретные методы. Это проявляется в привычке использовать конкретные и образные слова, а также в методах комбинирования значений, что делает язык конкретным и живым. Го Цзиньфу в книге «Китайский язык и китайская культура» отмечает, что «в структуре сложных слов китайского языка и их выразительных особенностях ярко проявляется конкретность» [Го Цзиньфу, 1993 с 56]. Возникает вопрос, какие существуют способы формирования сложных слов в китайском языке, отражающих объективные вещи?

Обобщённый (概括式): используется два элемента (языковых единицы) для передачи сущностных характеристик слова. Например: 电压、水平、高贵、贵重、善良、物理、物理学、民主 (напряжение, уровень, благородный, ценный, добрый, физика, демократия и т.д.).

Описательный (描写式): через конкретные описания передаётся смысл. Например, в цветообозначениях, для более конкретного

и яркого описания, используются следующие обозначения для красного: 火红 огненно-красный, 玫红 розовый, 橘红 оранжевый и т.д.

Метафорический (喻指式): с помощью метафор, замены и персонализации выражается значение слова. Например: 手足 брат и сестра, 骨肉 родные, 笑面虎 двуличный человек и т.д.

Сравнительный (对比式): используется контраст, созданный антонимами, для обобщения и отражения сути слова. Например: 国家、左右、黑白 (государство, лево-право, черно-белое и т.д.)

Описательный (描写式): через конкретные описания выражается объект. Например: чтобы сделать значения цветовых слов более конкретными, яркими и образными, используются множество методов сравнения. Что касается красного, то для обозначения его оттенков в китайском языке имеются следующие обозначения: 枣红、桃红、紫红、血红、砖红 (красно-коричневый, персиковый, пурпурный, кроваво-красный, кирпично-красный).

Все слова раскрывают сущностные характеристики объекта в конкретной форме, чтобы выразить различные виды красоты.

Из вышеуказанных способов образования слов очевидно, что ассоциативное мышление, интуитивный подход и образное мышление оказали существенное влияние на словообразование в китайском языке.

2) Согласованность значений

Го Цзиньфу в книге «Китайский язык и китайская культура — исправленное издание»

отмечает, что по мнению большинства сиологов структура китайского языка обладает характеристикой «сбалансированность значений». Это означает, что в китайском языке «согласованность значений в большей степени зависит от семантической комбинации, что наглядно отражает различные отношения слов» [Го Цзиньфу, 2010 с.106]. Эта характеристика согласованности тесно связана с традиционным целостным мышлением китайцев.

Люй Шусян в «Размышлениях о языке» также считает, что грамматические отношения в китайском языке часто зависят от понимания читателя: особенно в выражении действий и отношений между предметами, почти полностью полагается на «интуитивное понимание», а не на «словесное объяснение» [Люй Шусян, 2003 с.7]. В китайском языке действительно очень немного предлогов, и именно здесь кроется объяснение. Эта особенность китайского языка ярко проявляется уже в древнем китайском.

Рассмотрим следующие примеры, так, в трактате «Шань хай цзин» («Книга гор и морей» «山海经»), в мифе «Гигантский Куафу гонится за солнцем» говорится: “大荒之中，有山名曰成都载天。有人珥两黄蛇，把两黄蛇，名曰夸父。(В огромной пустыне есть гора, называемая Чэнду, которая поддерживает небо. Там обитают две желтые змеи, которых звали Куафу). Или, например, в рассказе «Нюйва чинит небосвод»: “往古之时，四级废，九州裂，天不兼覆，地不周载。” (В древние времена четыре стороны обрушились, девять отсроров раскололись, Небо и Земля остались без опоры) [5].

Конфуций сказал: “三人行必有我师焉” (Среди трёх, идущих по дороге, обязательно найдётся тот, у кого я могу поучиться).

Из приведенных примеров видно, что в предложениях нет предлогов или служебных слов для связи; формирование предложений в основном основано на порядке слов и интуитивной согласованности.

Янь Чжэн в статье «Способы соединения предложений в трактате “Искусство войны” Сунь-цзы» подчеркивает, что в произведении Сунь-цзы связь между элементами предложений и между частями предложений в 92,6% случаев осуществляется через интуитивную согласованность, в то время как соединение с помощью союзов встречается лишь в 7,4% случаев [Янь Чжэн, 1984].

В древней поэзии и литературе также много примеров интуитивной согласованности. Например, в «Осеннем размышлении» поэта Ма Чжюаня (马致远《天净沙-秋思》): “枯藤老树昏鸦，小桥流水人家，古道西风瘦马。夕阳西下，断肠人在天涯。” (Сухие лозы, старые деревья, вечерние воробьи, маленький мост, текущая вода, дом полный людей, старая дорога, западный ветер, тощий конь. Солнце заходит на западе, человек с разбитым сердцем на краю света) [7].

Или в «Ночной остановке в Фэнцзяо» Чжан Цзи (张继《枫桥夜泊》): “叶落乌啼霜满天，江风渔火对愁眠。姑苏城外寒山寺，半夜钟声到客船” (Листья падают, воробьи кричат, мороз наполняет небо, речной ветер и рыбацкий огонь не дают грустить во сне. За пределами города Сучжоу, в холодной горной обители,

полночный звон доходит до лодки путешественника) [8].

Еще одним примером может послужить строчка из поэмы Тао Юаньмина «Употребление вина, часть пятая» (陶渊明 《饮酒其五》): “采菊东篱下悠悠见南山。山气日夕佳，飞鸟相与还。”(Собирая хризантемы под восточным забором, я вижу Южные горы. Воздух гор прекрасен на закате, перелетные птицы возвращаются вместе) [9].

В современном китайском языке интуитивная согласованность также очень распространена, особенно в разговорной речи. Например: «有空来玩儿», «要帮忙，说一声» «Приходи повеселимся, если будет время», «Если нужна помощь, просто скажи». Чжан Чжигун в своей книге «Современный китайский язык» развивает следующую мысль: «В китайском языке много знаменательных, но мало служебных слов (предлоги, союзы, местоимения и т.д.), их несложно перечислить. Часто используемых вспомогательных слов всего лишь несколько сотен». Поэтому такие предложения, построенные по паратакисическим моделям, хотя и имеют меньше соединительных элементов, не мешают пониманию. Пусть они и обладают некоторой нечеткостью, это не влияет на их способность выражать абстрактные явления и смыслы, напротив, они имеют большую обобщающую способность и способность выражения сложных отношений между вещами [Чжан Чжигун, 1982 с. 73].

3) Упорядоченность

В предыдущих разделах мы обсудили об-

разность и смысловую связь в китайском языке. Теперь, когда у нас есть группа слов или предложений, связанных смыслом, как же мы можем обозначить грамматические отношения между словами или предложениями?

Существует два метода: первый и основной — это порядок слов; второй — использование служебных слов. Порядок слов в китайском языке — неизменный, сохраняющийся веками языковой принцип. Независимо от того, древний или современный китайский язык, структура предложений в всегда имеет следующий порядок: подлежащее — сказуемое — дополнение; модификаторы располагаются перед тем, что они модифицируют; дополнения находятся после глагола-сказуемого

Формирование порядка слов в китайском языке связано, с одной стороны, с влиянием китайских иероглифов, поскольку в китайском языке отсутствуют морфологические средства, а с другой стороны, тесно связано с особенностями мышления китайского народа, которое характеризуется высокой упорядоченностью. Этот принцип отражает определенную логичность и языковые привычки. Поскольку порядок слов в китайском языке является общепринятым и его нельзя менять произвольно. Например, в предложении 我爱你 «Я тебя люблю» изменение местами местоимений «я» и «ты» полностью меняет смысл высказывания. Эта строгость относительно порядка сочетаний проявляется не только в структуре предложений и словосочетаний, но и в составе слов.

Обязательность порядка слов проявляется с точки зрения общей структуры. Однако на

локальном уровне в рамках этой обязательности существует определенная выборочность, например, позиции временных обстоятельств и порядок некоторых определений и обстоятельств. Например, “明天我去大学” «Завтра я иду в университет» также можно сказать как “我明天去大学” «Я завтра иду в университет»; “他高兴地和小王一起去看电影了» «Он с радостью пошел в кино с Сяо Ваном» или 他和小王一起高兴地去看电影了» «Он пошел в кино с Сяо Ваном с радостью» — оба варианта корректны.

Проблема порядка слов является важной темой в китайском языке и одним из основных его грамматических признаков. Изучая китайский язык, нам необходимо учитывать строгость порядка слов, а также существующую вариативность внутри этой «обязательности», но в любом случае это должно соответствовать логике и языковым привычкам носителей китайского языка.

4) Целостность и гибкость

Мы можем исследовать целостность китайского языка через характеристики комбинации слов и гибкость речи. Что такое комбинация в китайском языке? Комбинация в китайском языке осуществляется определенным образом, с использованием определенных грамматических средств, для объединения двух или более меньших языковых единиц в большую языковую единицу.

В китайском языке существует пять уровней языковых единиц: морфема, слово, словосочетание, предложение и группы предложений. Рассмотрим их комбинации:

- комбинация слов: морфема + морфема, например: 大学、学生、汉语、语法、出口、食品、城市、中心 (университет, студент, китайский язык, грамматика, экспорт, продукты питания, город, центр).
- комбинация словосочетаний: слово + слово / слово + словосочетание, например: 大学 (词) + 学生 (词) = 大学学生 (词组) университет (слово) + учащийся (слово) = студент, учащийся в университете (словосочетание).
- комбинация предложений: слово + словосочетание + модальная частица, например: 喜欢 (词) 看电影 (词组) + 吗 (语气词) ? "Ты любишь смотреть фильмы?" или 我 (词) + 学习 (词) + 汉语语法 (词组) + 呢 ! (语气词) «Я изучаю грамматику китайского языка!» (с модальной частицей).
- комбинация группы предложений / сложного предложения: простое предложение + простое предложение, например: 他明天要考试, (单句) + 今天要休息一天。(单句) = (句组) «Завтра у него экзамен, и сегодня он должен отдохнуть»

Пять уровней языковых единиц в китайском языке комбинируются от меньшего к большему. Мы можем заметить, что комбинация от морфем к словам, от слов к словосочетаниям, от словосочетаний к предложениям и от предложений к сложным предложениям осуществляется одинаковым способом — через смысловое соединение и порядок слов. Мы можем рассматривать одно предложение или

группу предложений как одно целое. Особенности комбинации в китайском языке довольно просты: это смысловое соединение, порядок слов, согласование на всех уровнях и общая структура, что придает языку целостность:

我吃饭

吃了饭

吃了一碗饭

吃了一碗米饭

吃了一碗好吃的米饭

吃了一碗妈妈做的好吃的米饭

吃了一碗妈妈给他做的好吃的米饭

吃了一碗妈妈专门给他做的好吃的米饭

Целостность и гибкость китайского языка также могут быть продемонстрированы через устойчивость его предложений. Например: 我吃饭 "Я ем" может быть расширено до 我吃了饭 "Я поел" или 吃了一碗米饭

Согласно порядку слов в китайском языке, модификаторы стоят перед тем, что они модифицируют, выполняя роль определения или обстоятельства. Основная структура в данном примере — "есть рис".

Выводы

Таким образом, комбинация языковых единиц в китайском языке осуществляется довольно легко. Это объясняется тем, что китайский язык является неморфологическим языком, где формирование единиц не зависит от морфологических изменений (рода, числа, па-

дежа и т. д.), а базируется на порядке знаменательных и служебных слов как основных средствах для построения. Поскольку отсутствуют морфологические ограничения, предложения и словосочетания в китайском языке могут быть более гибкими и целостными.

Важно, чтобы языковые единицы сочетались по смыслу, были логичны и соответствовали языковым привычкам носителей и грамматическим правилам. Это является одной из отличительных черт комбинирования в китайском языке.

Общество постоянно развивается, и язык также изменяется и развивается вместе с ним, особенно с появлением новых слов, что глубже отражает развитие и изменения в социальной культуре. Поэтому, как преподаватели китайского языка как иностранного, мы понимаем, что для качественного обучения китайскому языку необходимо одновременно знакомиться с китайской культурой на более глубоком уровне и быть в курсе изменений и развития социальной культуры и языка.

Список литературы

1. Чжу Бокун (朱伯崑). Путешествие по изучению ицзинистики (易学漫步). Издательство города Шэньян, 1997 год. (на кит. яз.)
2. Го Цзиньфу (郭锦桴). Китайский язык и традиционная культура Китая (汉语与中国传统文化). Пекин: Издательство коммерческой прессы, 1993. 407 с. (на кит. яз.)
3. Го Цзиньфу (郭锦桴). Китайский язык

и традиционная культура Китая (исправленное издание) (汉语与中国传统文化(修订本)). Пекин: Издательство коммерческой прессы, 2010. 418 с. (на кит. яз.)

4. Люй Шусян (吕叔湘). Размышления о языке (语文常谈). Издательство «Народное образование», 2003. 118 с. (на кит. яз.)
5. «Книга гор и морей» (山海经). https://www.gushiwen.cn/guwen/book_4e6b88d8a0bc.aspx (Дата обращения: 02.09.2024).
6. Янь Чжэн (阎征). Способы соединения предложений в трактате «Искусство войны» Сунь-цзы (<孙子>语句的连接方式). Сычуаньское научно-техническое издательство, 1984. 95с. (на кит. яз.)
7. Ма Чжюань (马致远). Сборник поэм «Три сотни стихов юаньской драмы» (元曲三百首). Издательство «Саньцин», 2021. 356 с. (на кит. яз.)
8. Чжан Цзи (张继). Ночная остановка в Фэнцяо. (枫桥夜泊) <https://hanyu.baidu.com/shici/detail?from=aladdin&pid=8701ccca47554464acc3389f3e3f0a85> (Дата обращения: 02.09.2024). (на кит. яз.)
9. Тао Юаньмин (陶渊明). Употребление вина, часть пятая. (饮酒其五) <https://hanyu.baidu.com/shici/detail?from=aladdin&pid=1989842793084477be9afe8f496d083e> (Дата обращения: 02.09.2024). (на кит. яз.)
10. Чжан Чжигун (张志功). Современный ки-

тайский язык (现代汉语). Издательство «Народное образование», 1982. 309 с. (на кит. яз.)

References

1. Zhu Bokun (朱伯崑). Journey through Yijing Studies(易学漫步). Shenyang chubanshe, 1997. (in Chin.)
2. Go Jinfu (郭锦桴). The Chinese Language and Traditional Culture of China (汉语与中国传统文化). Beijing, Shangwu chubanshe, 1993. 407 p. (in Chin.)
3. Go Jinfu (郭锦桴). The Chinese Language and Traditional Culture of China (Revised Edition) (汉语与中国传统文化(修订本)). Beijing, Shangwu chubanshe, 2010. 418 p. (in Chin.)
4. Lü Shuxiang (吕叔湘). Reflections on Language (语文常谈). Beijing, Renmin jiaoyu chubanshe, 2003. 118 p. (in Chin.)
5. Classic of Mountains and Seas (山海经). https://www.gushiwen.cn/guwen/book_4e6b88d8a0bc.aspx (accessed: 02.09.2024). (in Chin.)
6. Yan Zheng (阎征). Methods of Connecting Sentences in the "The Art of War" by Sun Tzu (孙子语句的连接方式). Sichuan Publishing House of Science and Technology, 1984. 95 p. (in Chin.)
7. Ma Zhiyuan (马致远). Collection of Poems "Three Hundred Yuan Qu" (元曲三百首). Sanqin chubanshe, 2021. 356 p. (in Chin.)

8. Zhang Ji (张继). Night Mooring by Maple Bridge (枫桥夜泊) <https://hanyu.baidu.com/shici/detail?from=aladdin&pid=8701ccca47554464acc3389f3e3f0a85> (accessed: 02.09.2024). (in Chin.)
9. Tao Yuanming (陶渊明). Drinking Wine, 5 (饮酒其五). <https://hanyu.baidu.com/shici/detail?from=aladdin&pid=1989842793084477be9afe8f496d083e> (accessed: 02.09.2024). (in Chin.)
10. Zhang Zhigong. Modern Chinese Language (现代汉语). People's Education Press, 1982. 309 p. (in Chin.)

Сведения об авторах

Хань Юн

Старший преподаватель кафедры алтаистики и китаеведения
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Г. Казань ул. Пушкина 1/55

ch_leisang@mail.ru

Мирзиева Лейсан Рифхатовна

Старший преподаватель кафедры алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Г. Казань ул. Пушкина 1/55

ch_leisang@mail.ru

Шайхутдинова Евгения Николаевна

Преподаватель кафедры алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Г. Казань ул. Пушкина 1/55

xianjing312@mail.ru

Information about the authors

Han Yun

Senior Lecturer

Department of Altaic and Sinological Studies

Kazan (Volga Region) Federal University

ch_leisang@mail.ru

Leysan R. Mirzиеva

Senior Lecturer, Department of Altaic and Sinological Studies

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Pushkin Street 1/55

ch_leisang@mail.ru

Evgeniya N. Shaykhtudinova

Lecturer, Department of Altaic and Sinological Studies

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan, Pushkin Street 1/55

xianjing312@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.10.2024;

Одобрена после рецензирования: 30.10.2024;

Принята к публикации: 03.11.2024.

Information about the article

The article was submitted 25.10.2024;

Approved after reviewing 30.10.2024;

Accepted for publication 03.11.2024.

Genre and stylistic specificity
of Pu Sun-lin's short story — “The Queen of Purple”

Жанровая и стилистическая специфика новеллы

Пу Сун-лина — «Царица Пурпура»

Сторожук Александр Георгиевич,

*Санкт-Петербургский государственный
университет*

Автор, ответственный за переписку:

a.storozhuk@spbu.ru

Alexander G. Storozhuk,

St. Petersburg State University

Corresponding author:

a.storozhuk@spbu.ru

УДК 82-344, 821.581, 81-26 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2024-54-61](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-54-61)

АННОТАЦИЯ

Новелла Пу Сун-лина (蒲松齡, 1640—1715 гг.) «Царица Пурпура» (絳妃) входит в собрание «Станных историй из Кабинета Неудачника» (聊齋志異), однако место её в корпусе этих текстов особое. В ряде случаев, например, в Цинкэтинском своде, это подчёркивалось и композиционно — «Царица Пурпура» завершила собой последний том, становясь своеобразной эстетической кульминацией всего сборника. По форме это произведение разительно отличается от других сочинений, входящих в сборник, представляя собой классический образец фу, прозопоэтического жанра китайской литературы, и написано оно с избытком скрытых и явных цитат, реминисценций, аллюзий и пр., существенно превосходя в этом вопросе другие, даже самые изощрённые тексты «Ляо Чжая». Статья посвящена анализу особенностей этого текста, не переведённого ещё на русский язык.

ABSTRACT

Pu Songling's (蒲松齡, 1640-1715) short story “The Queen of Purple” (絳妃) is part of the “Strange Tales from a Chinese studio” (聊齋志異) collection, but its place in the corpus of these texts is quite special. In a number of cases, for example, in the Qingketeing corpus, this has been emphasised compositionally — “The Queen of Purple” completed the last volume, becoming a kind of aesthetic culmination of the whole collection. In form, this work is strikingly different from the other works in the collection, representing a classic example of fu, a prosopoeic genre of Chinese literature, and it is created with an abundance of hidden and explicit quotations, reminiscences, allusions, etc., significantly surpassing in this matter other, even the most sophisticated texts of “Liao Zhai”. The article is devoted to the analysis of the peculiarities of this text, which has not yet been translated into Russian.

Ключевые слова: Китай, литература, рассказы, Ляо Чжай, Пу Сун-лин, перевод.

Для цитирования: Сторожук А.Г. Жанровая и стилистическая специфика новеллы Пу Сун-лина — «Царица Пурпура». *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (4). С. 54-61 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-54-61>

Keywords: China, literature, short-stories, Liao Zhai, Pu Songling, translation.

For citation: Storozhuk A.G. Genre and stylistic specificity of Pu Sun-lin's short story — “The Queen of Purple”. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№4). P. 54-61 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-54-61>

В сборнике фантастических новелл Пу Сун-лина (蒲松齡, 1640—1715 гг.) «Странные истории из Кабинета Неудачника» (聊齋志異) существует невероятное многообразие самых разных примеров прозаического и прозопоэтического нарратива, включённых в свод по одному лишь общему для всех них принципу: они показались автору столь необычными, что тот решил изложить их письменно, зачастую снабдив рассказ собственными моралистическими послесловиями или предварив неким вступительным пассажем. При этом и сюжеты, и стиль изложения, и наличие фантастической составляющей в новеллах никак не привязаны к какому-либо правилу и в каждом конкретном случае присутствуют в самых различных вариациях, поскольку и произведения могут представлять собой что угодно — от ритмизованного обширного повествования с вкраплением высокой поэзии до бытового фривольного анекдота. И, тем не менее, одна из «Странных историй...» стоит в этом ряду особняком во всех смыслах и во всех аспектах.

Речь идёт о произведении под названием «Царица Пурпура» (絳妃) (в ряде сборников,

например, в Цинкэтинском своде (青柯亭聊齋志異) [цзюань 6, 1, Т. 2, с. 739—746], она называется «Феей цветов» (花神)). Первое, что сразу же бросается в глаза при чтении, — в отличие о других «Странных историй...», это произведение написано от первого лица, то есть главным героем повествования становится сам Пу Сун-лин. В других новеллах либо автор мог появиться только как морализатор и комментатор, либо как очевидец (например, в зарисовках, вроде «Землетрясения» (地震)). Здесь же он — полноценный участник событий, встретившийся с небожительницей и записавший случившееся. Второе — «Царица Пурпура» написана в прозопоэтическом жанре 賦 (賦), что в корпусе «Ляо Чжай чжи и» также не имеет аналогий. Ритмизированных произведений в «Странных историях...» множество, начиная с открывающего свод «Ляо Чжая собственного написания» (聊齋自志); есть примеры, где обычная проза соседствует с ритмической, есть немало стихотворных вкраплений, но жанрово это всё равно относится к разновидностям *чжигуай сяошо* (志怪小說), и аналогии для новелл тут можно искать в богатом наследии этого типа

повествований, включая и знаменитые танские *чуаньци* (傳奇). «Царица Пурпура», напротив, явно по форме тяготеет к классическим *фу*, например, великого Цао Чжи (曹植, 192—232 гг.); здесь тоже прекрасная фея является герою во сне, что сообщается в не очень продолжительном зачине, а затем следует поэтизированное изложение каких-то деталей встречи. У Пу Сун-лина эти детали связаны с манифестом против Феи Ветра, написанным по просьбе повелительницы цветов, и текст этого манифеста занимает большую часть всего произведения.

Сюжет «Царицы Пурпура», таким образом, предельно прост. Как это следует из самого текста, в 1683 году, когда Пу Сун-лин занимался преподаванием в так называемом Зале приволья (綽然堂), — специальном помещении для занятий, построенном его земляком Би Цзи-ю (畢際有, 1623—1693 гг.), ушедшем со службы высоким чиновником, — однажды ночью он увидел престранный сон: к нему явились две некие прекрасные девы и стали звать его пожаловать к некоей «Царице Пурпура» в гости. Девы приводят Пу Сун-лина в поднимающийся до неба дворец, где его приветливо встречает царственного вида красавица, приглашающая на пир и объясняющая, что она — фея цветов, и что её подчиненным предстоит битва с Феей Ветра, исконно чинившей цветам всяческий урон. Она специально пригласила писателя, чтобы тот силою своего таланта помог составить обличительный манифест против их соперницы. Пу Сун-лин берётся за работу, в чём ему помогают небожительницы, растирая тушь, складывая бумагу, поднося кисть и прочее. Когда манифест написан, Пу Сун-лина про-

вожают домой, где он и просыпается, чётко и детально помня все свои приключения. Некоторые детали манифеста забылись, но Пу Сун-лин берётся их восполнить, и этот воссозданный манифест и представляет собой основную часть всего произведения. Таким образом, по форме здесь присутствует смешение двух разных традиций: уже упомянутого выше классического *фу* и обличительного воззвания, наподобие знаменитого текста Ло Бинь-вана (駱賓王, ~626—684 гг.), направленного против императрицы У Цзэ-тянь (武則天, 624—705 гг.) («Воззвание [к воинам] Сюй Цзин-е[, идущим в бой, дабы] покарать У Чжао» (為徐敬業討武曌檄)).

Ни моралистического резюме в конце новеллы, как это часто бывает в других произведениях из «Странных историй», ни какой-либо захватывающей фабулы, что типично для большей части повествований из этого свода, не имеется и не предполагалось. Вместо этого весь текст представляет собой невероятное количество сведённых вместе явных и скрытых цитат, аллюзий и намёков на сюжеты из самых разных литературных произведений, где так или иначе упоминалась бы богиня ветра или же сам ветер непосредственно.

Основой зачина является парафраз на сочинение танского литератора Чжэн Хуань-гу (鄭還古, IX в.) «Записи о множестве чудес» (博異記), рассказ «Цуй Сюань-вэй» (崔玄微) [2, Т. 1, стр. 483—484], или же на другое изложение той же истории в собрании Дуань Чэн-ши (段成式, 803—863) «Ю ян цза цзу» (酉陽雜俎, «Собрание разного с южного [склона горы] Ю[шань]»), «Продолжение сборник» (續集), *цзюань* 3, «Раздел Но Гао» (支諾皋) [2, Т. 1, стр. 737—738],

часть 2, где главный герой — ушедший со службы чиновник Цуй Сюань-вэй — встречает в саду фей цветов и ветра. Фея ветра — Восемнадцатая тётушка Фэн (封十八姨) — чинит цветам разорение, и феи просят Цуй Сюань-вэй о защите; для этого нужно будет изготовить киноварного цвета хоругвь, изобразить на ней солнце, луну и пять главных планет и в первый день нового года установить в восточной части сада; так поступать нужно каждый год. Цуй Сюань-вэй выполняет просьбу и, несмотря на свирепый ветер, ни один цветок в саду не терпит ущерба.

Остальная же часть произведения отсылает читателя к самым различным контекстам упоминания ветра, по большей части, несущим коннотации гнева, отчаяния и тоски. Нейтральные упоминания ветра также встречаются, но, будучи вплетенными в общий контекст, они не выбиваются из общей авторской концепции.

Неоднократно Пу Сун-лин обращается к различным частям книги «Чжуан-цзы»; например, непостоянство характера феи ветра он иллюстрирует ссылкой на «Внешний раздел» (外篇), цзюань 5, часть 1, глава 12 «Небо и земля» (天地), где говорится о «взлётах и бросках», которые возникают в сердце от пристрастий и неприязни [3, с. 243]; говоря об оглушительном рёве ветра, Пу Сун-лин прибегает к аллюзии на «Внутренний раздел» (内篇), цзюань 1, часть 2, «Рассуждение о выравнивании вещей» (齊物論), в котором описывается могучие гудение, возникающее, когда ветер проникает в каждую земную щель и заставляет её издавать голос [3, с. 22]. Подобных отсылок

в тексте чрезвычайно много, и они возникают в самых различных корреляциях.

Упоминаются также различные исторические события и персонажи, как связанные с темой ветра, так и не имеющие к ней касательства, но вызывающие какие-нибудь неприятные ассоциации, подчёркивающие коварство и жестокость Восемнадцатой тётушки. В первом случае это могут быть и нейтральные упоминания, например, песни «Южный ветер», сложенной добродетельным императором Шунем (в тексте подразумевается отсылка к книге «Школьные изречения Конфуция» (孔子家語), цзюань 8, глава 35 «Спор о музыке» (辯樂解), [4, с. 88]), и сатирические высказывания, например, из «Оды о ветре» Сун Юя (宋玉, ~290—222 гг. до н. э.), где говорится, как чуский Сянь-гун (楚襄公, то есть Чуский Цинсян-ван, 楚頃襄王, ?—263 гг. до н. э.) гулял по Орхидейной террасе дворца и спросил у Сун Юя, тот ли это ветер веет, который обдувает и простолюдинов, на что Сун Юй иронично ответил, мол, ветер, обдувающий владыку — это чистый и прохладный «мужской ветер», а грязный и слабый ветер простолюдинов — «ветер женский» (собрание «Вэнь сюань», цзюань 13, [5, Т. 2, с. 581—584]). Во втором же случае аллюзии могут быть на самые неожиданные исторические примеры. Так, говоря о гневливом и ревнивом нраве хозяйки ветра, Пу Сун-лин уподобляет её той, кто в своей беспощадности приговорила соперниц к «опьянению до кости». Здесь имеется в виду узурпаторша трона, императрица У Цзэ-тянь (武則天, 624—705 гг.), коварством ниспровергшая соперниц — императрицу Ван (王皇后, ?—655 гг.) и наложницу Сяо (蕭良娣, ?—655 гг.),

в результате чего обе были подвергнуты пыткам и преданы страшной смерти: после сотни ударов тяжёлыми батогами им отрубили руки и ноги и погрузили в винный жбан медленно и мучительно умирать; У Цзэ-тянь же высказалась о несчастных в том смысле, что сегодня «эти двое до костей опьянеют» (см. «Старую историю Тан» (舊唐書), *цзюань* 51, «Биографии» (列傳), часть 1, «Биографии императриц и наложниц» (后妃傳), часть 1 [6, Т. 7, с. 2170]; «Новую историю Тан» (新唐書), *цзюань* 76, часть 1, «Биографии императриц и наложниц» (后妃傳), часть 1 [7, Т. 11, с. 3474]).

В качестве страшилищ, с которыми сравнивается фея ветра, упоминается, например, злокозненная трёхногая черепаха *юй* (蜃), плюющаяся в людей ядовитым песком («Книга песен» (詩經), «Малые оды» (小雅), *цзюань* 12, часть 3, песня «Что он за человек?» (何人斯) [8, Т. 2, с. 765]; Гэ Хун (葛洪, 283—343 гг.) также описывает её в трактате «Баопу-цзы» (抱樸子), внутренний раздел (內篇), *цзюань* 17 «Взбираться [на горы] и переходить вброд [реки]» (登涉), говоря, что это — водяное насекомое, и плевков его очень опасен: попав в человека, он вызывает нарыв, попав в человеческую тень — болезнь [9, с. 440]); вообще подобных уподоблений самого нелестного характера в тексте великое множество, и встречаются они в самых неожиданных контекстах и сочетаниях.

Примеры всех исторических и литературных отсылок, присутствующих в «Царице Пурпура», невозможно привести в одной статье по причине их огромного количества и невероятного разнообразия. Такого рода скрытых и яв-

ных цитат в «обличительном воззвании» более девяноста, здесь есть и намёки на произведения Оуян Сю (歐陽修, 1007—1072 гг.), и на *фу* Тао Юань-мина (陶淵明, 365—427 гг.), на эпизоды из «Речей Царств» (國語) и на сюжеты из «Позднеханьской истории» (後漢書). Иногда основанием для отсылки служит вообще хоть какая-то привязка к теме ветра, иногда это развёрнутая цитата, как правило, повествующая о том, как порывы ветра срывают и уносят опадающие лепестки с цветов. Подобное изобилие цитат и аллюзий чрезвычайно важно для авторского замысла, и колоссальное их число отнюдь не является самоцелью.

Дело в том, что важнейшей особенностью «Царицы Пурпура» как раз является комбинация изысканного ритмизированного текста с невероятным изобилием подобного рода литературных ребусов, прямых и неявных цитат, что доставляло образованному читателю в Старом Китае огромное удовольствие. И во всём корпусе новелл подобных произведения имеет два — уже упоминавшееся выше «Собственное написание» и «Царица Пурпура». Не случайно составители «Цинкэтинского свода», открывая сборник «Собственным написанием», завершали его именно «Царицей Пурпура». Это справедливо и для классического свода 1766 года [10, Т. 8], это обстоятельство можно видеть и в иллюстрированном издании 1886 года [11, Т. 8], присутствует оно и в современных переизданиях, например, [12]. Собрание новелл таким образом открывалось и завершалось изысканным ритмизованным текстом с обилием загадок для классически образованного читателя, что композиционно и идеологически

подставляется абсолютно обоснованным. В классическом же Чжусюэчжайском (鑄雪齋) своде новелла помещена в 6 цзюань, что композиционно кажется менее удачным.

История перевода этого текста на русский язык отсутствует: до сегодняшнего дня «Царица Пурпура» не переводилась, и первый опыт планируется в 3 томе семитомного издания «Ляо Чжай чжи и», выходящего в Санкт-Петербургском государственном университете.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что «Царица Пурпура» Пу Сун-лина представляет собой нарочито сложное по форме, изобилующее невероятным количеством цитат и аллюзий произведение, призванное доставить особое эстетическое удовольствие образованному читателю в Старом Китае, но при этом очень трудное для прочтения и понимания, особенно для читателя современного. Всё это определило его роль и место в своде «Странных историй», и всё это создаёт огромные трудности для переложения «Царицы Пурпура» на иностранные языки, в частности, для осуществления русского перевода.

Список литературы

1. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и. Хуй цзяо хуй чжу хуй пин бэнь («Странные истории из Кабинета Неудачника» с собранными аннотациями, комментариями и ремарками) / Чжан Ю-хэ цзицзяо (составление и сверка Чжан Ю-хэ). 蒲松齡。聊齋誌異。會校會注會評本 / 張友鶴輯校。Шанхай: «Гуцзи чубаньшэ», 2011. Т. 1—4. 1740 с.
2. Тан Удай бицзи сяошо дугуань (Большой свод рассказов бицзи времени Тан и Пяти династий). Дин Жу-мин, Ли Цзун-вэй, Ли Сюэ-ин цзяодянь (Редакция и расстановка знаков препинания — Дин Жу-мин, Ли Цзун-вэй, Ли Сюэ-ин). 唐五代笔记小说大观。丁如明, 李宗为, 李学颖等校点。Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2000. Т. 1—2, 1999 с.
3. Чжуан-цзы и гу (Чжуан-цзы с переводом и комментариями). Ян Лю-цяо сюань (Составление Ян Лю-цяо). 庄子译诂。杨柳桥选。Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1991. 726 с.
4. Кун-цзы цзя юй (Школьные изречения Конфуция). Ван Су чжу (примечания Ван Су). 孔子家语。王肃注。Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1990. 123 с.
5. Вэнь сюань. Лян Сяо Тун бянью, Тан Ли Шань чжу (составление лянского Сяо Туна, комментарии танского Ли Шаня). 文选。梁萧统编, 唐李善注。Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1986. Т. 1—6, 2610 + 25 с.
6. Цзю Тан Шу (Старая история [династии] Тан). Хоу Цзинь Лю Сюй дэн сюань (Составление — позднецзиньский Лю Сюй и др.). 旧唐书。后晋刘昫等选。Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1975. Т. 1—16. 5407 с.
7. Синь Тан Шу (Новая история [династии] Тан). Сун Оуян Сю, Сун Ци сюань (Составили сунские Оуян Сю и Сун Ци). 新唐书。宋欧阳修, 宋祁选。Шанхай: Чжунхуа шуцзюй, 1975. Т. 1—20. 6472 с.

8. Шисань цзин чжушу: Мао Ши чжэн и (Тринадцать канонов с пояснениями и комментариями: Истинный смысл Ши [цзин старца] Мао). Цзэжэнь бяньцзи Ма Синь-минь (Ответственный редактор Ма Синь-минь). 十三经注疏: 毛诗正义. 责任编辑马辛民. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1999. Т. 1—3. 1467 с.
9. Гэ Хун. Баопу-цзы нэй пянь цюань и (Полный перевод Внутреннего раздела Баопу-цзы). Гу Цзю и чжу (перевод и комментарии Гу Цзю). 葛洪. 抱朴子内篇全译. 顾久译注. Гуйчжоу: Жэньминь чубаньшэ, 1995. 507 с.
10. Пу Сун-лин. Цинкэтин бэнь Ляо Чжай чжи и (Цинкэтинское издание Странных историй из Кабинета Неудачника). 蒲松龄. 青柯亭本聊斋志异. Пекин: Гоцзя тушугуань чубаньшэ, 2020. Т. 1—8, 2144 с.
11. Пу Сун-лин. Сяньчжу Ляо Чжай чжи и ту юн (Проиллюстрированные и откомментированные «Странные истории из Кабинета Неудачника»). 蒲松龄. 詳註聊齋志異圖詠. Шанхай: Тунвэньшущзюй, 1886. Т. 1—8, 1414 с.
12. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника). 蒲松龄. 聊齋志異. Ханчжоу: Чжэцзян Гуцзи чубаньшэ, 2015. 523 с.

References

1. Pu Sun-lin. Lyao Chzhaj chzhi i. Huj czyao huj chzhu huj pin ben' («Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika» s sobrannymi annotatsiyami, kommentariyami i remarkami) / Chzhan Yu-he cziczao (sostavlenie i sverka Chzhan Yu-he). 蒲松龄. 聊齋誌異. 會校會注會評本 / 張友鶴輯校. Shanhaj: «Guczi chuban'she», 2011. Т. 1—4. 1740 с.
2. Tan Udaj biczi syaoshu duguan' (Bol'shoj svod rasskazov biczi vremeni Tan i Pyati dinastij). Din Zhu-min, Li Czun-vej, Li Syue-in czyaodyan' (Redakciya i rasstanovka znakov prepinariya — Din Zhu-min, Li Czun-vej, Li Syue-in). 唐五代笔记小说大观. 丁如明, 李宗为, 李学颖等校点. Shanhaj: Shanhaj gucci chuban'she, 2000. Т. 1—2, 1999 с.
3. Chzhuan-czy i gu (Chzhuan-czy s perevodom i kommentariyami). Yan Lyu-cyao syuan' (Sostavlenie Yan Lyu-cyao). 庄子译话. 杨柳桥选. Shanhaj: Gucci chuban'she, 1991. 726 с.
4. Kun-czy czya yuj (Shkol'nye izrecheniya Konfuciya). Van Su chzhu (primechaniya Van Su). 孔子家语. 王肃注. Shanhaj: Gucci chuban'she, 1990. 123 с.
5. Ven' syuan'. Lyan Syao Tun byan', Tan Li Shan' chzhu (sostavlenie lyanskogo Syao Tuna, kommentarii tanskogo Li Shanya). 文选. 梁萧统编, 唐李善注. Shanhaj: Gucci chuban'she, 1986. Т. 1—6, 2610 + 25 с.
6. Czyu Tan Shu (Staraya istoriya [dinastii] Tan). Hou Czin' Lyu Syuj den syuan' (Sostavlenie — pozdneczin'skij Lyu

- Syuj i dr.). 旧唐书。后晋刘昫等选。Shanhaj: Chzhunhua shuczyuj, 1975. T. 1—16. 5407 s.
7. Sin' Tan Shu (Novaya istoriya [dinastii] Tan). Sun Ouyan Syu, Sun Ci syuan' (Sostavili sunskie Ouyan Syu i Sun Ci). 新唐书。宋欧阳修, 宋祁选。Shanhaj: Chzhunhua shuczyuj, 1975. T. 1—20. 6472 s.
8. Shisan' czin chzhushu: Mao Shi chzhen i (Trinadcat' kanonov s pojasneniyami i kommentariyami: Istinnij smysl Shi[czina starca] Mao). Czechen' byan'czi Ma Sin'-min' (Otvetsvennyj redaktor Ma Sin-min). 十三经注疏: 毛诗正义。责任编辑马辛民。Pekin: Bejczin dasyue chuban'she, 1999. T. 1—3. 1467 s.
9. Ge Hun. Baopu-czy nej pyan' cyuan' i (Polnyj perevod Vnutrennego razdela Baopu-czy). Gu Czyu i chzhu (perevod i kommentarii Gu Czyu). 葛洪。抱朴子内篇全译。顾久译注。Gujchzhou: Zhen'min' chuban'she, 1995. 507 s.
10. Pu Sun-lin. Cinketin ben' Lyao Chzhaj chzhi i (Cinketinskoje izdanie Strannyh istorij iz Kabineta Neudachnika). 蒲松龄。青柯亭本聊齋志異。Pekin: Goczya tushuguan' chuban'she, 2020. T. 1—8, 2144 s.
11. Pu Sun-lin. Syan'chzhu Lyao Chzhaj chzhi i tu yun (Proillyustrirovannye i otkommentirovannye «Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika»). 蒲松龄。詳註聊齋志異圖詠。Shanhaj: Tunven'shuczyuj, 1886. T. 1—8, 1414 s.
12. Pu Sun-lin. Lyao Chzhaj chzhi i (Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika). 蒲松龄。聊齋志異。Hanchzhou: Chzheczyan Gucci chuban'she, 2015. 523 s.

Сведения об авторе

Сторожук Александр Георгиевич,

д. филол. наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

a.storozhuk@spbu.ru

Information about the author

Alexander G. Storozhuk,

Doctor of Philology, Professor

St. Petersburg State University

a.storozhuk@spbu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.10.2024;

Одобрена после рецензирования: 30.10.2024;

Принята к публикации: 03.11.2024.

Information about the article

The article was submitted 25.10.2024;

Approved after reviewing 30.10.2024;

Accepted for publication 03.11.2024.

Visit of Sun Ziwen, Chairman of the Executive Yuan, Minister of Foreign Affairs of China, to Moscow in the summer of 1945: from the pages of documents

Визит председателя Исполнительного Юаня, министра иностранных дел Китая Сун Цзывэня в Москву летом 1945 г.: по страницам документов

*Гришин Яков Яковлевич,
Балакин Дмитрий Александрович*
Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия
Автор, ответственный за переписку:
d1mbalakin@yandex.ru

*Yakov Ya. Grishin,
Dmitry A. Balakin*
Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia
Corresponding author:
d1mbalakin@yandex.ru

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2024-62-77](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-62-77)

АННОТАЦИЯ

В советско-китайских отношениях есть интересные малоизвестные страницы многолетней давности, но имеющих важное значение для понимания развития двусторонних отношений. К ним, в частности, относится визит в Москву летом 1945 г. Председателя Исполнительного юаня (премьер-министра), одновременно министра иностранных дел Китайской Республики Сун Цзывэня, его встречи и переговоры с высшим советским руководством по важнейшим проблемам, как двусторонних отношений, так и внешнеполитическим. В основу статьи положены опубликованные документы «Русско-китайские отношения в XX в., Т. IV, «Советско-китайские отношения 1937-1945

ABSTRACT

There are interesting little-known events in Soviet-Chinese relations that are many years old, but are important for understanding the development of bilateral relations. These include, in particular, the visit to Moscow in the summer of 1945 of Sun Ziwen, Chairman of the Executive Yuan (Prime Minister) and at the same time Minister of Foreign Affairs of the Republic of China, his meetings and negotiations with the top Soviet leadership on the most important problems of both bilateral relations and foreign policy. The article is based on the published documents "Russian-Chinese Relations in the XX century, Vol. IV, 'Soviet-Chinese Relations 1937-1945,' 'Soviet-Chinese Relations in the XX century,' 'Soviet-Chinese Relations, 1937-

гг. Кн.2, «Советско-китайские отношения 1917-1957 гг. Сб. документов. М., 1959.

Ключевые слова: международные отношения, И. В. Сталин, В. Молотов, Сун Цзывэнь, Чан Кайши, соглашения, договор.

Для цитирования: Гришин Я.Я., Балакин Д.А. Визит председателя Исполнительного Юаня, министра иностранных дел Китая Сун Цзывэня в Москву летом 1945 г.: по страницам документов. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (3). С. 62-77 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-62-77>

О визите Сун Цзывэня в Советский Союз разговор шел с начала 1945 г. [1]. Однако в силу различных причин его переносили на более позднее время. Конкретно же о поездке речь стала вестись 22 июня 1945 г. В этот день советский посол А.А. Петров был официально приглашен Сун Цзывэнем, который только что вернулся из Сан-Франциско.

В ходе беседы он высказал желание поехать в Москву, чтобы встретиться с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым и решить «все вопросы советско-китайских отношений». Сун предлагал лететь в СССР прямо из США, но Чан Кайши вызвал его в Чунцин с тем, чтобы он мог повести в Москву определенные предложения китайского правительства [2].

Причем, как пишет советский посол «Сун был весьма любезен, всячески проявлял свое

1945, 'Soviet-Chinese Relations in the XX century,' Vol. Book 2, "Soviet-Chinese Relations 1917-1957," Soviet-Chinese Relations 1937-1945, Vol. 2, "Soviet-Chinese Relations 1917-1957. Collection of documents. М., 1959.

Keywords: international relations, Stalin, Molotov, Song Ziwen, Chiang Kai-shek, agreements, treaty.

For citation: Grishin Ya.Ya., Balakin D.A. Visit of Sun Ziwen, Chairman of the Executive Yuan, Minister of Foreign Affairs of China, to Moscow in the summer of 1945: from the pages of documents. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№3). P. 62-77 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-62-77>

внимание. После беседы он вышел проводить меня до автомобиля и стоял у входа, пока машина не уехала» [3].

Спустя три дня в Москве советник китайского посольства Чэн Дин встретился с сотрудником НКВД Г. И. Фоминым по организационным вопросам, связанным с прибытием из Чунцина в Москву китайской делегации во главе с Сун Цзывэнем. Чэн Дин сообщил, что последний вылетает 27 июня. Его сопровождает около 16 человек, просил о бронировании в гостинице 10 номеров, о выделении 4-х автомобилей и бензина на поездки делегации [4].

26 июня 1945 г. I Дальневосточный отдел НКВД СССР подготовил план встречи пребывания, проводов делегации из Китайской Республики [5].

Глава делегации и пребывающий из Тегерана вице-министр иностранных дел Ху Шицзэ, размещаются в здании китайского посольства, остальные в гостинице «Интурист».

Цель поездки раскрывается в беседе представителя КПК в Чунцине Ван Жофема с видным партийным деятелем Гоминьдана Сунь Фо — заключение китайско-советского пакта сроком на 20 лет. Это было предусмотрено на Ялтинской конференции по договоренности Ф. Рузвельта и И. В. Сталина. Она состояла из следующих пунктов:

1. Советский Союз, США и Англия признают Чан Кайши вождем Китая на время войны.

2. Советский Союз, США и Англия признают целостность китайской территории.

3. СССР, США и Англия признают политику «открытых дверей» в отношении Китая.

4. Советский Союз вступает в войну с Японией, советские войска входят в Маньчжурию. После освобождения Маньчжурия передается Центральному Правительству.

К этому соглашению имеется приложение, которое состоит из следующих пунктов:

1) После окончания военных действий против Японии советские войска выводятся из Маньчжурии.

2) Признается статус-кво Внешней Монголии.

3) В Маньчжурии Советскому Союзу предоставляются все права и интересы, кото-

рыми пользовалась царская Россия до войны 1904-05 годов.

4) ЮМЖД и КВЖД будут эксплуатироваться Советским Союзом и Китаем.

5) Порт-Артур сдается в аренду Советскому Союзу. Дайрен объявляется международным портом.

Кроме того, между тов. Сталиным и Рузвельтом была достигнута договоренность по следующим пунктам:

– В Корею вступают советские и американские войска. После

– изгнания японцев из Кореи над ней устанавливается протекторат 3-х государств — СССР, США и Китая.

– Советские войска оккупируют северную часть Японии, а Америка — южную.

– Советскому Союзу возвращается южная часть Сахалина.

Чан Кайши согласен с предложениями Рузвельта и Сталина, но возражает против 2-х пунктов: 1) Чан Кайши не согласен с передачей СССР в аренду Порт-Артура, так как это создает опасный прецедент. 2) Чан Кайши в принципе согласен с признанием независимости Внешней Монголии, но возражает против того, чтобы это было занесено в какой-либо документ.

По словам тов. Вана, Сунь Фо утверждал, что в Москве непременно будет в скором времени заключен советско-китайский пакт в духе Ялтинской договоренности. Ван возражал Сунь Фо по двум пунктам: 1) Признание Советским

Союзом Чан Кайши единым вождем Китая на время войны. 2) Вступление СССР в войну с Японией, освобождение от японцев Кореи и передача ее реакционному гоминьдановскому правительству. Ван доказывал, что без специальных оговорок и условий в смысле демократизации Китая и т.п., СССР не может принять эти два пункта [6].

После благополучного прибытия Китайской делегации в Москву, ее размещения, уточнялась программа визита [7]. В соответствии с ней 30 июня 1945 г. у И. В. Сталина состоялась первая беседа с Сун Цзывэнем в присутствии В.М. Молотова и Ху Шицзэ, а также А. А. Петрова и Фу Бинчана [8].

Китайский гость передал И.В. Сталину личное письмо Чан Кайши. В нем он пишет: «Ваше Превосходительство, Я посылаю Председателя Исполнительного Юаня д-ра Сун Цзывэня с тем, чтобы посетить Союз Советских Социалистических Республик, нанести Вам визит и обсудить с Вами ряд важных вопросов, существующих между нашими двумя странами. Д-р Сун Цзывэнь пользуется полным моим доверием и все, что он будет излагать перед Вами, представляет мое мнение. Я глубоко надеюсь, что за время визита д-ра Сун Цзывэня Вы не откажете предоставить ему возможность вести с Вами искренние беседы, дабы заложить прочную основу дружественного, тесного и долготного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом. Прошу принять мои искреннейшие пожелания Вам здоровья» [9].

Поблагодарив, советский руководитель спросил о перелете, об операции китайских

войск, о возможности начала деловых переговоров.

В данном случае Сун Цзывэнь ограничился общим заявлением по поводу его миссии, выразив надежду установления сердечных отношений между КР и СССР. И. В. Сталин отметил, в связи с этим, что обе стороны сумеют договориться между собой. О вышеозначенной беседе появляется Коммюнике [10].

Вторая встреча глав двух делегаций прошла 2 июля 1945 г. На которых присутствовали В. М. Молотов, С. А. Лозовский, А. А. Петров, В. К. Павлов, Ху Шицзэ, Фу Бинчан и Цзя Цзинго [11].

Вначале речь шла о соглашении, достигнутом на Крымской конференции. По этому вопросу А. А. Петров имел две беседы с Чан Кайши, которые касались, в частности, Внешней Монголии. Последний считал, что этот вопрос не может быть разрешен в настоящее время. Сун Цзывэнь к этому добавил, что данный вопрос следует оставить открытым и вообще китайцы не намерены поднимать его сейчас.

В ответ на это И. В. Сталин отметил, что Внешняя Монголия занимает специфическое географическое положение, благодаря которому японцы всегда могут опрокинуть позиции Советского Союза на Дальнем Востоке. Японцы пытались и до войны прорваться в район Халхингол, и если у Советского Союза не было бы юридического права защищать территорию Внешней Монголии, то весь Дальний Восток оказался бы под угрозой потери для Советского Союза, и это было бы также плохо для Китая.

Советскому Союзу нужно обеспечить право защищать своими войсками территорию Внешней Монголии, и это также в интересах Китая. Если мы будем сильны, то будет силен и Китай. Кроме того, говорит тов. Сталин, Монгольская Народная Республика не желает входить в состав Китая. Монголы стремятся к самостоятельному существованию и национальной независимости. Китаю выгоднее отрубить Внешнюю Монголию, и если он этого не сделает, то Внешняя Монголия будет фактором, который будет объединять всех монголов, что будет невыгодно для Китая [12].

Далее И. В. Сталин пояснил какими сообщениями руководствовалась Советская делегация на Крымской конференции в отношении проблем Внешней Монголии, которые следует иметь в виду главе Китайской делегации.

Но Сун Цзывэнь, выслушав точку зрения И. В. Сталина, отметил, что Генералиссимус не понимает позицию Китая в отношении вопросов о Внешней Монголии. «Он заявил, что Китай находится в весьма трудном положении, и китайское правительство никак не может заявить, что оно уступает часть своей территории. «Мы не поднимаем вопрос о Внешней Монголии сейчас, — сказал Сун Цзывэнь, — оставим спящую собаку в покое». Если бы мы признали независимость МНР, которая была признана в прошлом Советским Союзом как составная часть Китайской Республики, то положение китайского правительства будет поколеблено в глазах народа. Сун Цзывэнь сослался на слова тов. Сталина о том, что он хочет стабилизации положения в Китае.

Учитывая это, лучше всего будет не создавать для Китая дополнительных трудностей. Не желая идти на это, сказал Сун Цзывэнь, мы и не поднимаем сейчас вопроса о Внешней Монголии» [13].

Чуть позднее к данной проблеме вернулись вновь. Сун спросил у И. В. Сталина — так почему Советское Правительство не может пойти навстречу Китаю в этом трудном для него вопросе.

Сталин указал, что монголы сами не хотят быть в составе Китая, и отметил, что он понимает трудности, но эти трудности с его точки зрения должны быть преодолены. Ничего другого, говорил Сталин, мы придумать не можем. В отношении Порт-Артура Советское Правительство идет на уступки, а китайцы должны уступить в отношении МНР.

Сун подчеркивает, что Китай не ставит сейчас вопрос о Внешней Монголии.

Сталин отмечает, что вопрос о Внешней Монголии неизбежно всплывает, и сейчас, заключая пакт о союзе, нужно учесть все моменты. Война многому нас научила, и мы убедились, что и для Китая, и для Советского Союза, будет лучше, если Внешняя Монголия будет самостоятельным государством, на территории которого Советский Союз будет иметь право вводить свои войска при наличии угрозы со стороны Японии. «Эту болячку, — говорит тов. Сталин, не нужно оставлять, ее нужно удалить сейчас же».

Сун замечает, что эта болячка не причиняет Китаю боли, и Китай ни разу не протестовал против ввода советских войск на территорию Монголии.

Сталин повторяет, что МНР хочет сейчас определить окончательное свое положение. Ни для Китая, ни для Советского Союза Внешняя Монголия не представляет богатства и только благодаря своему географическому положению она играет большую роль для Советского Союза.

В ответ на настойчивую просьбу Суна серьезно отнесись к пожеланию китайского правительства в отношении Внешней Монголии, Сталин говорил, что он видит лишь один возможный выход сейчас договориться о предоставлении независимости МНР, но объявить об этом после разгрома Японии. Когда Китай получит, — отметил Сталин, — новые территории в результате поражения Японии, то тогда и можно будет объявить о независимости Монголии и этот акт не произведет отрицательного впечатления на китайский народ [14].

Сун говорит, что ему по этому вопросу нужно снести с Чан Кайши, и просит, чтобы Советское правительство тем временем обдумало и приняло бы во внимание трудности разрешения монгольского вопроса для Китая. Дело в том, что вслед за представлением независимости Монголии сразу встанет вопрос в отношении Тибета. На одном из совещаний по тихоокеанским проблемам, состоявшемся в Вашингтоне, Черчилль сделал заявление о необходимости предоставления независимости Тибету, и ему, Суну, пришлось горячо поспорить с Черчиллем.

Сталин вновь сказал, что, разрешая вопрос о Внешней Монголии, мы имеем в виду цели обороны, так как с территории МНР японцы легко могут перерезать Сибирскую желез-

ную дорогу в районе Читы, и весь Дальний Восток может попасть в руки японцев.

Одновременно отметил, что мы не можем держать войска на территории Китая, и было бы странным, если бы мы предъявили бы подобные требования. Вопрос о Внешней Монголии — это не вопрос о Порт-Артуре, это нечто более серьезное.

Сун спрашивает, будет ли советская сторона приветствовать представителей китайского правительства в советских войсках, которые будут оперировать на территории Маньчжурии.

Сталин отвечает, что Чан Кайши будет иметь возможность прислать своих представителей в нашу действующую армию для организации на территории Маньчжурии китайской администрации [15].

Помимо Внешней Монголии обсуждался вопрос и о Корее, который был связан с вопросом о территориальной опеке оживленно дискутировавшегося в Сан-Франциско.

И. В. Сталин отметил, что у него были беседы с Рузвельтом и Черчиллем о Корее, где он высказал свое мнение, что при осуществлении опеки следует обойтись без ввода на территорию Кореи войск. Если опека над Кореей будет означать ввод войск, то он будет не согласен. Рузвельт высказался за то, чтобы войска в Корею не вводились и, чтобы была организована группа из представителей четырех держав, которые будут наблюдать за тем, чтобы политические события в Корее развивались в нужном направлении. Сталин отмечает, что опека

имеет временный характер и что она должна подготовить условия для самоопределения, для установления независимости. Никакого решения в отношении Кореи не принималось, было лишь достигнуто принципиальное согласие.

Сун спрашивает, кто же должен будет поддерживать порядок в Корее, и говорит, что следовало бы организовать какой-то вид полиции, так как там, возможно, будут беспорядки.

Сталин отмечает, что поддерживать порядок будут сами корейцы.

Сун говорит, что он сомневается — способна ли Корея в настоящее время быть независимой.

Сталин говорит, что потому то и устанавливается территориальная опека. Сталин спрашивает, имеет ли Китай намерение присоединить к себе в будущем Корею.

Сун отвечает, что таких намерений Китай не имеет, так как корейский народ отличен от китайского, и имеет свою длинную историю.

Сталин еще раз говорит, что он против организации полиции и ввода войск на территорию Кореи и отмечает, что этот вопрос будет еще обсуждаться. Мы имеем, говорит Сталин, другое понимание опеки по сравнению с Англией и Америкой. С нашей точки зрения это ступень к независимости, а с точки зрения англичан это ступень к колонизации. Идея американцев, в частности, идея Рузвельта, близка к нашему пониманию опеки, какова же точка зрения Трумэна, ему Сталину неизвестно. Те-

перь американская точка зрения несколько приблизилась к английской.

Тов. Молотов отмечает, что только в китайском и нашем проекте, касающемся территориальной опеки, было указано о независимости как о цели территориальной опеки, и это было принято после длительных споров [16].

Кроме вышеназванных вопросов речь шла и о Южном Сахалине, об интернационализации Дайрена, об аренде Порт-Артура, КВЖД, Курильских островов.

Интересовался И. В. Сталин и внутренней ситуацией в Китае, в частности, привлечением коммунистов в правительство. Сун отметил, что Гоминьдан имел серьезные намерения привлечь в него демократические элементы, а также коммунистов, которые не захотели вести переговоры.

Советский руководитель отметил, что он имел в виду не только коммунистов. По его мнению, в период войны выросли новые общественные силы, которые должны быть привлечены к управлению страной.

Сун подтверждает искреннее намерение привлечь либеральные элементы в правительство Гоминьдана. Тем не менее говорит премьер-министр, поскольку Гоминьдан хочет играть в стране руководящую роль, то он не желает организации коалиционного правительства [17].

Сталин говорит, что желание Гоминьдана играть руководящую роль является законным

желанием. Это желание вытекает из всего исторического развития Китая.

Сталин спрашивает, имеются ли в оформленном виде какие-либо другие демократические партии.

Сун отвечает, что, по существу, других партий, кроме Коммунистической партии Китая, нет.

Третья беседа И. В. Сталина и Сун Цзывэня состоялась 7 июля 1945 г. Она в большей степени касалась вновь Внешней Монголии [18]. Чан Кайши соглашался с формулой Крымской конференции, о которой договорились главы союзных держав, т.е. сохранение статус-кво Внешней Монголии. Сун отметил. Что китайское руководство тем не менее не может признать ее независимость. Если оно пойдет на это, то не сможет удержаться у власти.

И. В. Сталин в ответ заметил, что статус-кво надо понимать в смысле признания независимости Монгольской Народной Республики, что сами монголы хотят независимого государственного сосуществования, о чем об этом сами объявили.

Тем не менее Сун упорно повторял одно и то же, что Китай не может официально признать независимость Внешней Монголии, вместе с тем не намерен нарушать ее независимость существования [19].

И. В. Сталин подчеркнул, что если МНР сохранится как часть Китая, то всегда будет существовать почва для конфликта. Тем более

МНР уже 24 года живет самостоятельной жизнью и не хочет быть провинцией Китая.

Сун повторял свое, что если будет признана независимость МНР, то Китайское правительство падет вместе с Чан Кайши.

И. В. Сталин это ставит под сомнение и вместе с Молотовым подчеркнул, что Советское правительство не может уступить в вопросе о МНР.

Сун как бы смягчая вопрос, не возражает против ввода советских войск в Монголию.

В заключении беседы Сун выражает сожаление, что советский руководитель не может понять китайскую точку зрения. Сталин в свою очередь тоже сожалеет, что китайцы не могут понять советскую точку зрения.

В этот же день Советская сторона передает Суну проект соглашения о Порт-Артуре [20].

8 июля 1945 г. Советский посол А. А. Петров встретился с Цзян Цзинго по просьбе последнего. Сын Чан Кайши пояснил, что придает своему визиту частный характер, чтобы выразить беспокойство по поводу зашедших переговоров Сталин — Сун в тупик, повторив сказанное Сун Цзывэнем о невозможности признания независимости МНР [21].

Советский посол согласился, что переговоры зашли в тупик и что от делегации Китая зависит выход из создавшейся ситуации.

Вместе с тем указал, что советское предложение о признании независимости Внешней Монголии — единственно разумное предложение,

так как оно основано на признании статус-кво. Далее подчеркнул, что Внешняя Монголия существует де-факто как независимое государство, и принятие предложенной Советским Правительством декларации будет означать лишь признание фактического положения вещей. Он напомнил Цзян Цзинго, что этот документ может быть опубликован позже, после окончания войны и возвращения Китаю потерянных им в этой войне территорий. В ответ на ссылку Цзян Цзинго, что признание независимости МНР будет противоречить принципу Сунь Ятсена о территориальной целостности Китая, Петров возразил, что, по его мнению, этот акт, учитывающий свободное волеизъявление монгольского народа, наоборот, будет полностью соответствовать духу учения Сунь Ятсена о национальном вопросе.

Цзян Цзинго сообщил, что проекты договора и соглашений, а также изложение беседы Сун Цзывэня со Сталиным переданы ночью в Чунцин, и делегация ждет указаний от Чан Кайши. «Делегация весьма обеспокоена, — сказал Цзян Цзинго, — тем обстоятельством, что для переговоров остается весьма мало времени» [22].

Петров ответил Цзян Цзинго, что действительно времени в нашем распоряжении весьма мало, так как приближается срок встречи товарища Сталина, Трумэна и Черчилля, и что нужно завершить переговоры буквально в течение ближайших нескольких дней.

Цзян Цзинго заметил, что, если бы не вопрос о МНР, то все пошло бы хорошо, так как по проектам договора и соглашений у Сун Цзывэня нет особых возражений, по отдель-

ным же его возражениям можно было бы быстро договориться. О существовании этих возражений Цзян Цзинго ничего не сказал.

Посол подчеркнул, что вопрос о МНР — весьма существенен, и Советское Правительство будет настаивать на принятии его предложения об объявлении независимости МНР, и что переговоры едва ли выйдут из тупика, если китайская делегация не согласится с этим предложением [23].

В связи с тем, что переговоры зашли в тупик, Чан Кайши шлет телеграмму Сун Цзывэню для передачи И. В. Сталину по вопросу о трех важных вопросах, касающихся суверенитета и территориальной целостности Китая [24].

Первый вопрос касался уважения со стороны СССР территориального суверенитета и административной целостности Маньчжурии, признания порта Далянь свободным (срок 20 лет) при управлении китайскими властями, признания китайской собственностью Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог при совместной эксплуатации (20 лет).

Второй вопрос касался просьбы оказания советской стороной помощи вдоль китайско-советской границы в Синьцзяне, где восстания и бандитизм на данной территории создали невозможность торговли и коммерческой деятельности, прервали отношения между двумя странами. Речь шла о подавлении этих белогвардейцев.

Третий вопрос касался также оказания СССР всяческой помощи (политической, материальной и моральной) только исключительно

Центральному правительству, т.к. КПК имеет отдельную военную и административную организацию, военные и административные власти Китая не могут быть полностью объединены под руководством центрального правительства.

В данном месте Чан Кайши затрагивает вопрос и о Внешней Монголии, ставшего исключительным препятствием в отношениях двух стран. По его мнению, только после победы над Японией может быть поставлен вопрос о независимости Внешней Монголии. Чтобы его решить следует провести плебисцит. Если он будет в пользу независимости, то китайское руководство признает её [25].

В этот же день прошла четвертая беседа И. В. Сталина с Сун Цзывэнем. Последний зачитал телеграмму Чан Кайши [26].

И. В. Сталин, выслушав ее содержание, приступил к анализу отдельных пунктов.

В отношении Маньчжурии Советский Союз заявил о признании суверенитета над ней Китая. Что касается китайских коммунистов, то советская сторона их не поддерживает и не помогает им. Помощь идет Чан Кайши.

И. В. Сталин не одобрил 20-летний срок совместного использования Порт-Артура, Дайрена и железных дорог. Он предложил увеличить его еще на 10 лет. Советский руководитель также не согласился с тем, что эти железные дороги перейдут сразу же во владение КР т.к. их построили русские, на русские деньги. Китайцы внесли в Фонд их строительства незначительные суммы, которые же им в свое время возвратили после пуска их в эксплуата-

цию. Из телеграммы Чан Кайши вытекало, что Советский Союз никаких прав на них не имеет. Он согласен на совместное владение КВЖД и ЮМЖД.

Что касается плебисцита в Монголии, то И. В. Сталин считал, что это не принесет пользу Китаю.

Далее шел разговор об охране железных дорог, о ситуации в Синьцзяне, где есть необходимость передать нацменьшинствам этого региона определенные политические права, в противном случае здесь всегда будут проблемы.

Затрагиваются в ходе встречи и отношения Гоминьдана с КПК. И. В. Сталин выразил желание о нахождении между ними политических средств для решения имеющихся разногласий. С его точки зрения китайские коммунисты хорошие патриоты, которые будут успешно сражаться с японцами.

Сун пользуясь случаем, просил оказать китайскому правительству моральную помощь. Это означало ограничение нападков в советских СМИ на правительство Китая. И. В. Сталин, в связи с этим отметил, в китайской прессе пишется очень много плохого о Советском Союзе [27].

Китайская делегация делает запрос — о проекте советских заверений по трем пунктам, изложенным в телеграмме Чан Кайши Сун Цзывэню [28]. Ху Шицзе вручает А. А. Петрову ноту китайского правительства по вопросу о МНР [29]. В ней говорится, что после поражения Японии в том случае, если плебисцит народа Внешней Монголии будет в пользу независимости, китайское правительство не будет

возражать. «Территория Внешней Монголии будет определена в соответствии с первоначальной границей согласно китайским картам».

Советское правительство должно заявить в своей ноте, что оно будет уважать независимость и территориальную целостность Внешней Монголии в случае, если плебисцит будет в пользу независимости [30].

11 июля состоялось 5-я беседа И. В. Сталина с Суном в ходе которой вновь стоял вопрос о Монгольской Республике, а также о переброске войск по КВЖД и ЮМЖД, об их охране. Согласились, что ответственность за это будет нести китайская сторона. Кроме этого, речь шла о составе Правления железных дорог, об управлении в Порт-Артуре.

И. В. Сталин отметил, что Дайрен и особенно Порт-Артур нужны СССР на 30-летний период, до тех пор, пока он не построит свои порты на севере [31].

Суну в этот же день представили ответ на ноту советского правительства о статусе МНР. Руководство СССР с удовлетворением принимает к сведению вышеозначенную ноту правительства Китайской Республики и со своей стороны заявляет, что оно будет и впредь уважать политическую независимость и территориальную целостность МНР [32].

Кроме вышеозначенных документов появляются еще несколько: Проект китайской стороны, касающийся порта Дар (Далянь), Проект соглашения о взаимоотношениях Советского военного командования с китайскими властями в Маньчжурии [33].

Все это проходило в рамках ведущихся переговоров. Главное в них были встречи И. В. Сталина и китайской делегации во главе с Суном. Их следующая встреча прошла 12 июля.

Сун сообщил, что получил телеграмму Чан Кайши. В ней предложил, что управляющим КВЖД будет советский представитель, а замом китайский, а ЮМЖД — китайский, замом — советский. Дал согласие на совместное владение дорогами в течении 30 лет.

Дайрен — свободный порт под китайским управлением с привлечением советских технических экспертов. Советской стороне может быть передан часть портовых сооружений также на 30 лет. Порт-Артур на время действия договора совместно используется советскими и китайскими вооруженными силами, причем военный контроль передается Советскому Союзу.

И. В. Сталин не был согласен с вышесказанным. Тогда Сун предложил съездить ему с Петровым в Чунцин, встретиться с Чан Кайши. На время его отсутствия в Москве оставался Ху Шицзе [34].

Во время нахождения Сун Цзывэня и А. А. Петрова в Чунцине последний встретился с Чан Кайши. Речь они вели о втором раунде советско-китайских переговоров в Москве.

Китайскую делегацию на нем вновь представлял премьер-министр Сун Цзывэнь, а также новый министр иностранных дел Ван Шицзэ и генерал Сюн Ши Хуэй [35].

Делегация благополучно прибыла в Москву. 7 августа переговоры возобновились [36] с вопросов Порт-Артура и Внешней Монголии

с которыми Чан Кайши мог согласиться. Затруднения с его точки зрения вызывали Дайран и примыкавшие к нему участки ЮМЖД.

Далее очередной раз делегации рассматривали проблемы железных дорог, а также границы Внешней Монголии [37].

Договорились, что следующая встреча пройдет через день.

В это время СССР объявляет войну Японии [38], что было позитивно встречено в Китае [39].

Очередная седьмая встреча И.В. Сталина и Сун Цывэня состоялась 10 августа. Советский руководитель заявил о том, что Япония сообщила о капитуляции, причем с оговоркой, хотя нужна ее безоговорочная капитуляция. В этих условиях, по мнению И. В. Сталина, необходимо подписать советско-китайское соглашение. Сун ответил, что его страна «стремится к этому и хотела бы подписать договор и соглашения до капитуляции Японии, ибо в этом случае эти соглашения было бы легче представить и объяснить китайскому народу» [40].

Очередной раз далее шла дискуссия о Дайрене и железных дорогах, о границе с Внешней Монголией, об отношении Национального правительства к коммунистам, о Синьцзяне. Ряд вопросов не было согласовано. Для этого потребовалась очередная встреча, прошедшая 13 августа, 8-я по счету. Вновь обсуждались вопросы МНР, портов Дальний и Порт-Артур, Синьцзяня, а также о южной части Маньчжурии, финансовых делах, связанных

со вступлением советских войск на территорию Маньчжурии.

В конечном итоге достигается договоренность по основным вопросам, что позволяло подписать все соглашения и самое главное двусторонний Договор.

Переговоры о нем шли параллельно с вышеозначенными встречами И. В. Сталина с Сунном. Вначале был представлен китайский проект [41].

В нем предусматривалось совместное ведение войны с Японией, оказание обоюдной помощи и поддержки, не вступление в сепаратные переговоры с ней и не заключения без взаимного согласия перемирия или мирного договора, принятие необходимых мер, чтобы сделать невозможные повторения агрессии и нарушение мира с ее стороны, а в случае очередной агрессии, оказать взаимную помощь, оказание всевозможной экономической помощи в послевоенный период.

Предусматривалось договор ратифицировать и после этого он вступил в силу на протяжении 20 лет.

К этому проекту 9 июля появились дополнения, касающиеся совместного использования Порт-Артура в качестве морской базы, порта Далянь [42].

10 июля 1945 г. Советская сторона представила свой проект Договора о Дружбе и союзе между СССР и КНР. В результате его обсуждения представитель китайской стороны заявил, что принимает название Договора, преамбулу, а также все статьи документа.

В заключении Ху Шицзе поблагодарил за то, что советская сторона так удачно составила проект Договора и добавил «хорошо бы, если бы все наши договоренности так быстро принимались» [43].

Со своей стороны советский посол А. А. Петров отметил, «что рассмотренный проект Договора о дружбе и союзе можно считать, в основном, согласованным советской и китайской сторонами, что, конечно, не исключает внесения в этот проект отдельных редакционных и стилистических исправлений.

Ху Шицзе согласился с этим.

В этот же день В. М. Молотов встретился с Сун Цзывэнем. Значительное место в их беседе занял разговор о проекте Договора. Собеседники сошлись на том, что над ним еще следует поработать, чтобы внести необходимые редакторские поправки.

14 августа 1945 г. на советско-китайской встрече происходит важное событие — подписывается Договор о дружбе и союзе на 30 лет. Вступил в силу 24 августа. С советской стороны подпись поставил В. М. Молотов, с китайской — Ван Шицзе.

В нем предусматривалось оказание взаимной помощи и поддержки в войне против Японии, содержал обязательство обеих сторон не вступать в сепаративные переговоры с Японией и без взаимного согласия не заключать с ней перемирия или мирного договора, принимать по окончании войны совместные меры, чтобы предотвратить повторение агрессии и нарушение мира Японией и оказать друг дру-

гу помощь в случае нападения Японии на одну из сторон. Участники Договора обязались также работать в тесном сотрудничестве после наступления мира и оказывать друг другу всю возможную экономическую помощь, действуя при этом в соответствии с принципами взаимного уважения суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела другой стороны.

Одновременно с Договором были подписаны соглашения о Китайской Чанчуньской ж.д. (КЧЖД), о Порт-Артуре (Люйшунь), о портах Дальнем (Далянь) и об отношениях между советским главнокомандующим и китайской администрацией после вступления советских войск на территорию 3 северо-восточных провинций Китая в связи с совместной войной против Японии. Соглашение о КЧЖД предусматривало ее совместную эксплуатацию СССР и Китаем на равных основаниях как их общей собственности. Соглашение о Порт-Артуре устанавливало, что обе стороны будут совместно использовать его в качестве военно-морской базы, оборона которой вверялась правительству СССР, и что гражданская администрация в данном районе принадлежит Китаю. Соглашение о Дальнем объявляло его свободным портом, открытым для торговли и судоходства всех стран, и предусматривало выделение части пристаней и складских помещений порта для передачи СССР в аренду.

При подписании Договора и соглашений был произведен обмен нотами по поводу признания Китаем независимости Монгольской Народной Республики. Советское правительство вновь подтвердило суверенитет Китая над

3 северо-восточными провинциями — Дунбэй (Маньчжурия).

Как очевидно, визит делегаций Китая во главе с Сун Цзывэнем в СССР и проведенные им переговоры с советским руководством закончились успешно на благо двух стран.

Подписанный Договор действовал до 1950 г. До момента заключения нового Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи.

Список литературы

1. Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV. Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. Кн.2. 1945 г. /Отв. Ред: С.Л.Тихвинский, М. Памятники исторической мысли. 2000. – Док. № 598, 599,600. – С. 5-7.
2. Там же. Док. 650. – С.65.
3. Там же.
4. Там же. – Док. № 651. – С. 66.
5. Там же. – Док. № 652. – С. 66-68.
6. Там же. – Док. №653. – С. 69-71.
7. Там же. – Док. № 654. – С.71-72.
8. Там же.
9. Там же. – Док. № 656. – С. 72-73.
10. Та же. – Док. № 655. – С.72.
11. Там же. – Док. №657. – С.73-82.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же. – С.79.
15. Там же. – С. 80.
16. Там же. – С. 81.
17. Там же. – С. 82.
18. Там же. – Док. № 660. – С. 86-90.
19. Там же. – С.86.
20. Там же. – Док. № 661. – С.90-92.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же. – Док. №66. – С.100-101.
25. Там же. – С.101.
26. Там же. – Док. №669. – С.105-111.
27. Там же. – С. 111.
28. Там же. – Док. №672. – С.123.
29. Там же. – Док. №673. – С. 123-124.
30. Там же.
31. Там же. – Док. №674. – С.124-131.
32. Там же. – Док. № 675. – С.131.
33. Там же. – Док. № 676. – С.132.
34. Там же. – Док. № 678. – С.134-137
35. Там же. – Док. № 690. – С.151-152.
36. Там же. – Док. № 693. – С.156-161.

37. Там же. – С.161.	5. Ibid. – Dok. № 652. – S. 66-68.
38. Там же. – Док. № 694. – С.161-162.	6. Ibid. – Dok. №653. – S. 69-71.
39. Там же. – Док. № 695. – С. 162; № 696. – С.163.	7. Ibid. – Dok. № 654. – S.71-72.
40. Там же. – Док. № 699. – С.164.	8. Ibid.
41. Там же. – Док. № 663. – С. 93-94.	9. Ibid. – Dok. № 656. – S. 72-73.
42. Там же. – Док. № 665. – С.96; № 666. – С.96,98.	10. Ibid. – Dok. № 655. – S.72.
43. Там же. – Док. № 670. – С.112.	11. Ibid. – Dok. №657. – S.73-82.
44. Там же. – Док. № 671. – С.113-122.	12. Ibid.
45. Советско-китайские отношения. 1917-1957. Сб. документов. М.,1959. – С.196-206.	13. Ibid.
46. Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV. Док. № 712- С.192-193; № 713 – С.193; № 714. – С.193-194; № 715. – С. 198-199; №716. – С.196-197; № 717. – С. 197; № 718. – С. 198; № 719. – С. 198.	14. Ibid. – S.79.
47. Советско-китайские отношения. 1917-1957. – С. 219-224.	15. Ibid. – S. 80.
	16. Ibid. – S. 81.
	17. Ibid. – S. 82.
	18. Ibid. – Dok. № 660. – S. 86-90.
	19. Ibid. – S.86.
	20. Ibid. – Dok. № 661. – S.90-92.
	21. Ibid.
	22. Ibid.

References

1. Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV. Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1937-1945 gg. Kn.2. 1945 g. /Otv. Red: S.L.Tihvinskij, M. Pamyatniki istoricheskoy mysli. 2000. – Dok. № 598, 599,600. – S. 5-7.	23. Ibid.
2. Ibid. Dok. 650. – S.65.	24. Ibid. – Dok. №66. – S.100-101.
3. Tam zhe.	25. Ibid. – S.101.
4. Ibid. – Dok. № 651. – S. 66.	26. Ibid. – Dok. №669. – S.105-111.
	27. Tam zhe. – S. 111.
	28. Ibid. – Dok. №672. – S.123.

29. Ibid. – Dok. №673. – S. 123-124.
30. Ibid.
31. Ibid. – Dok. №674. – S.124-131.
32. Ibid. – Dok. № 675. – S.131.
33. Ibid. – Dok. № 676. – S.132.
34. Ibid. – Dok. № 678. – S.134-137
35. Ibid. – Dok. № 690. – S.151-152.
36. Ibid. – Dok. № 693. – S.156-161.
37. Ibid. – S.161.
38. Ibid. – Dok. № 694. – S.161-162.
39. Ibid. – Dok. № 695. – S. 162; № 696. – S.163.
40. Ibid. – Dok. № 699. – S.164.
41. Ibid. – Dok. № 663. – S. 93-94.
42. Ibid. – Dok. № 665. – S.96; № 666. – S.96,98.
43. Ibid. – Dok. № 670. – S.112.
44. Ibid. – Dok. № 671. – S.113-122.
45. Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1917-1957. Sb. dokumentov. M.,1959. – S.196-206.
46. Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV. Dok. № 712- S.192-193; № 713 – S.193; № 714. – S.193-194; № 715. – S. 198-199; №716. – S.196-197; № 717. – S. 197; № 718. – S. 198; № 719. – S. 198.
47. Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1917-1957. – S. 219-224.

Сведения об автор

Гришин Яков Яковлевич

д. ист. наук, профессор
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
zkulakov03@gmail.com

Балакин Дмитрий Александрович

ст. преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
d1mbalakin@yandex.ru

Information about the authors

Yakov Ya. Grishin

Doctor of History, Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
zkulakov03@gmail.com

Dmitry A. Balakin

senior lecturer
Kazan (Volga Region) Federal University
d1mbalakin@yandex.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.10.2024;
Одобрена после рецензирования: 30.10.2024;
Принята к публикации: 03.11.2024.

Information about the article

The article was submitted 25.10.2024;
Approved after reviewing 30.10.2024;
Accepted for publication 03.11.2024.

Export transportations of timber in the Far East to China by vessels of Amur Shipping Company in the late XX - early XXI centuries

Экспортные перевозки леса на Дальнем Востоке в Китай судами

Амурского пароходства в конце XX – начале XXI вв.

Залесская Ольга Владимировна,

Цай Ин,

*Благовещенский государственный
педагогический университет,*

Благовещенск, Россия

Автор, ответственный за переписку:

OlgaZalesskaya@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1369-1993>

Olga V. Zalesskaya,

Cai Ying,

Blagoveshchensk State Pedagogical University,

Blagoveshchensk, Russia

Corresponding author:

OlgaZalesskaya@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1369-1993>

УДК 94(571.6)| НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2024-78-87](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-78-87)

АННОТАЦИЯ

В статье проанализирована роль Амурского пароходства в перевозках в Китай леса с территорий Дальнего Востока России в конце XX – начале XXI вв. Используя неопубликованные архивные документы, авторы рассматривают социально-экономические особенности развития территорий российского Дальнего Востока в исследуемый период, освещают показатели перевозок леса между порубежными территориями двух стран, характеризуют значение экспортных поставок леса в Китай судами Амурского пароходства для развития приграничных связей российского Дальнего Востока и китайской провинции Хэйлунцзян в контексте российско-китайских отношений на межгосударственном и межрегиональном

ABSTRACT

The article analyses the role of the Amur Shipping Company in transporting timber to China from the territories of the Russian Far East in the late XX – early XXI centuries. Using unpublished archival documents, the authors consider the socio-economic features of the development of the territories of the Russian Far East in the period under study, highlight the indicators of timber transportation between the border territories of the two countries, characterize the importance of timber exports to China by Amur Shipping Company for the development of cross-border relations between the Russian Far East and the Chinese province of Heilongjiang in the context of Russian-Chinese relations at the interstate and interregional levels. The application of the principles of objectivity and dia-

уровнях. Применение принципов объективности и диалектики в исследовании позволило показать значение деятельности амурских речников в контексте российско-китайского межрегионального сотрудничества. Авторы приходят к выводам, что лес и лесоматериалы были важной экспортной позицией российского Дальнего Востока в конце XX – начале XXI вв., а Амурское пароходство сыграло определяющую роль в их процессе вывоза через амурские порты. Сырьевой экспорт дальневосточных регионов, в т.ч. леса, стал одним из источников пополнения бюджета и основой выживания в условиях реформ и пореформенного рубежа XX – XXI вв.

Ключевые слова. Амурское пароходство, российско-китайские отношения, приграничные связи, Россия, Китай, Дальний Восток.

Для цитирования: Залеская О.В., Цай Ин. Экспортные перевозки леса на Дальнем Востоке в Китай судами Амурского пароходства в конце XX – начале XXI вв. *Современные востоковедческие исследования.* 2024; Том 6 (4). С. 78-87 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-78-87>

Отличительной особенностью мировой торговли конца XX – начала XXI вв. стала ее устойчиво растущая динамика: по темпам роста она в 1,5 – 2 раза превосходит производство. Усиление торгово-экономических связей России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) происходит в конце XX в. с началом реформ в России и открытием дальневосточных границ. Доля стран АТР во внешней торговле России уже в 1991-1992 гг. возросла

lectics in the study made it possible to show the significance of the Amur rivermen's activities in the context of Russian-Chinese interregional cooperation. The authors conclude that timber and timber products were an important export item of the Russian Far East in the late 20th – early 21st centuries, and the Amur Shipping Company played a determining role in their export through the Amur ports. Raw material export of the Far Eastern regions, including timber, became one of the sources of budget replenishment and the basis for survival in the conditions of reforms and post-reform turn of the XX–XXI centuries.

Keywords. Amur Shipping Company, Russian-Chinese relations, cross-border relations, Russia, China, the Far East.

For citation: Zaleskaya O.V., Cai Ying. Export transportations of timber in the Far East to China by vessels of Amur Shipping Company in the late XX – early XXI centuries. *Modern Oriental Studies.* 2024; Volume 6 (№4). P. 78-87 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-78-87>

с 12 до 20%. При этом, основная часть экспортно-импортных операций в торговле России со странами АТР осуществлялась через территорию Дальнего Востока.

С точки зрения интеграции России в АТР, природные и экономические ресурсы Дальнего Востока, хотя и имели важное значение, были менее заметными по сравнению с его транспортно-транзитной ролью. Транспортная структура дальневосточного региона начинает

все более обслуживать внешнюю торговлю России и Дальнего Востока за счет уменьшения грузооборота по линии межрайонных связей самого Дальнего Востока и межрегиональных связей между Дальним Востоком, с одной стороны, и внутренним рынком России и СНГ, в целом, с другой. В результате доля экспортно-импортных грузов в грузообороте основных портов, за исключением порта Восточного, возрастает, а доля остальных грузов уменьшается.

В этих условиях особенно значимой становится роль Амурского водного транспорта в обеспечении международных грузовых перевозок. С одной стороны, международные перевозки водного транспорта с Китаем являлись частью внешнеэкономической деятельности (ВЭД) региона, с другой стороны — частью транспортной системы российского Дальнего Востока, которая, в свою очередь, являлась частью производственной и социальной инфраструктуры дальневосточного региона.

В свете вышеизложенного, актуальным представляется исследование роли Амурского пароходства в российско-китайских международных перевозках, а именно в сфере перевозок леса. Целью нашей статьи стало изучение деятельности Амурского пароходства по обеспечению поставок леса в приграничные регионы Китая в конце XX – начале XXI вв. Авторы поставили следующие задачи: осветить показатели деятельности Амурского пароходства по международным перевозкам леса в Китай в конце XX – начале XXI вв., рассмотреть экспортные перевозки леса в контексте внешнеэкономической деятельности дальневосточного региона, показать роль Амурского пароходства во взаи-

модействии приграничных территорий двух стран. Для достижения поставленных цели и задач были применены принципы диалектики и объективности. Диалектика позволила проанализировать количественные трансформации перевозок в их связи с социально-экономическими особенностями региона в исследуемый период. Объективность исследования выражается в точном учете фактического и статистического материала, комплексном анализе конкретных решений и постановлений, формулировании итоговых положений и выводов с позиций изучения факторов, обусловивших особенности деятельности Амурского водного транспорта по развитию двустороннего сотрудничества на Дальнем Востоке России в исследуемый период. В научный оборот впервые вводятся архивные материалы из государственных архивов Амурской области, Хабаровского края и Еврейской автономной области.

После открытия дальневосточных границ Дальний Восток России не мог предложить стремительно развивающимся странам АТР — Китаю, Южной Корее, Японии — конкурентноспособной продукции кроме сырьевых ресурсов. В СССР Дальний Восток был крупнейшим поставщиком продукции сырьевых отраслей на российский рынок, занимал абсолютно монопольное положение в России по производству олова, вольфрама, золота, алмазов. Одной из заметных статей вывоза был вывоз леса в другие регионы страны, который до 1989 г. превышал ввоз — в 1,6 раза по деловой древесине и в 1,4 раза по пиломатериалам. Лес поставлялся почти во все регионы страны, однако

наиболее значительная часть вывозилась в Казахстан и Сибирь. Лес был и значительной статьёй экспорта (во второй половине 1980-х гг. на экспорт круглого леса с Дальнего Востока приходилось более 40% всесоюзного экспорта), как и рыба (26,5%). Тем не менее, до 1990-х гг. воздействие внешнего фактора на экономику Дальнего Востока было ограниченным. В начале 1990-х, однако, на страны АТР приходилось уже около 90% экспорта Дальнего Востока (в 1985 г. – 78%). При этом, очень быстро лидирующие позиции в торгово-экономическом сотрудничестве с российским Дальним Востоком занял Китай. Так, в период 1985-1992 гг. удельный вес КНР в экспорте Дальнего Востока увеличился с 10 до почти 30%, чему способствовало расширение посреднической операций и бартерной торговли. В 1992 г. на бартерную торговлю с Китаем приходилось уже 52% (в 1988 г. – 21,2%) (Дальний Восток России 1993, 42). Экспорт региона в Китай практически полностью состоял из сырьевых товаров — леса, сои, металлолома.

Лес начал активно вывозиться в Китай через амурские порты Амурским водным транспортом. Традиционно лесозаготовки велись в основном в южных районах Дальнего Востока, чему способствовало наличие путей сообщения, близость к морским портам, промышленные традиции, которые позволяли быстро разворачивать перерабатывающие производства. В 1970-е – начало 1980-х гг. лесная промышленность Дальнего Востока испытала бурный рост: значительно возросли темпы лесозаготовок, расширились ареалы лесов, включенных в народно-хозяйственный оборот. В эти

годы, стремясь к наиболее быстрому и дешевому получению продукции, лесозаготовительные предприятия развернули крупномасштабную деятельность по интенсивной эксплуатации высококачественных хвойных пород. Главная роль лесосырьевых баз Дальнего Востока играли предприятия района г. Комсомольска-на-Амуре, в бассейне среднего течения р. Зеи и в юго-западной части Амурской области (Жигалин и Кислинских, 2019, 91).

В результате перехода на рыночные отношения лесопромышленный комплекс оказался в крайне сложной ситуации. В лесном комплексе была проведена приватизация государственных предприятий; возникали новые частные предприятия. Так, в Амурской области количество предприятий в отрасли в 1999 г. по сравнению с 1990 г. увеличилось в 5 раз, а производство основных видов продукции при этом сократилось в 7 раз. Всего в 1998 г. и в 1999 г. лесной экспорт области составил 213,1 тыс. куб. м и 328,3 тыс. куб. м ежегодно, в т.ч. в Китай — 6,4 тыс. куб. м и 134,1 тыс. куб. м соответственно. Основные лесоперерабатывающие регионы Дальнего Востока перешли на собственные лесосырьевые ресурсы, и амурский лес оказался невостребованным. Частично ситуация со спросом была сглажена за счет ввода в 1997 г. первой очереди по производству ДВП на предприятии «Шахтаум», а также благодаря повышению спроса и цен внешнего рынка (в Японии, Корее, Китае). С открытием границ лес становится значимой статьёй экспорта. Если производство деловой древесины с 1990 г. упало в 4,5 раза, то за 1997-2000 гг. оно снизилось лишь на 10%. При этом за 1999-2000 гг.

впервые произошло увеличение лесозаготовок — на 42% в 1999 г. и на 12% в 2000 г. (Амурская область 2001, 10).

Значительным количеством древесины обладала Еврейская автономная область (ЕАО), и лесная отрасль рассматривалась в области как наиболее перспективная для деятельности китайских компаний. В 1998 г. ООО «Тайга» и Яньбанская компания по технико-экономическому сотрудничеству г. Яньци провинции Цзилинь заключили контракт, согласно которому китайская компания получила право на ведение на территории Облученского района более 50 тыс. кубометров древесины. Китайская сторона выделяла для ведения лесозаготовок оборудование, запасные части, 75 рабочих и специалистов; российская – обеспечивала жильем, продуктами питания и выделила 2 га земли под огороды. 36% заготовленной древесины оставалось в распоряжении ООО «Тайга» (Лавров 1998). В постановлении губернатора от 20.09.2000 г. №279 «О повышении экономической эффективности лесопользования» предусматривалась организация и проведение конкурсных торгов по продаже заготавливаемой на территории области деловой древесины. В 1993 г. Биробиджанской таможней был вскрыт факт нарушения и недопущен экспорт 820 куб.м делового леса под видом отходов фирмой «АИГ» из г. Комсомольска-на-Амуре (Государственный архив Еврейской автономной области (ГА ЕАО). Ф. 596. Оп. 1. Д. 6. Л. 40-41).

Продукция лесного комплекса оставляла основу экспорта Хабаровского края — в общей структуре товарного экспорта на продукцию из древесины приходилось до 42%. Основным по-

лучателем леса была Япония, но лес являлся и существенной статьей экспорта края в Китай — так, в 1998 г. речным транспортом в Китай было вывезено необработанных лесоматериалов на сумму 17,2 тыс. долл., в 1999 г. — уже на сумму 31,2 тыс. долл. Удельный вес леса в общем объеме экспорта край в Китай в конце 1990-х гг. составлял почти 25%. Еще одной существенной статьей экспорта (почти 20%) были нефтепродукты, поставляемые Комсомольским и Хабаровским нефтеперерабатывающими заводами. В 1998 г. их было вывезено в Китай на сумму 26,3 тыс. долл., в 1999 г. — на сумму 23,3 тыс. долл. (Внешнеэкономическая деятельность 2003, 23).

По данным статистики, из Амурской области в 1998 г. средними и крупными предприятиями (самыми крупными были акционерные общества «Тындалес», «Зейский лесоперевалочный комбинат» и «Талданский леспромхоз») было вывезено 399,5 тыс. кубометров заготовленного леса. По данным Благовещенской таможни, экспорт леса осуществлялся только в две страны: КНР (98,4% необработанных лесоматериалов, 24,1% распилов) и Узбекистан (1,6% необработанных лесоматериалов, 75,9% распилов). Всего было вывезено леса на общую сумму 727,2 тыс. долл., из них 635,8 тыс. долл. (87,4%) приходилось на долю КНР, граждане которой активно открывали в области фирмы по заготовке древесины (так, в 1999 г. представители китайской фирмы «Танванхэ» организовали первую Архаринскую компанию по освоению леса — ООО «АКОЛ») (Лесопромышленный комплекс 2000, 10).

В целом, объемы лесозаготовок и объемы вывезенного в конце 1990-х – начале 2000 гг. в Китай леса установить точно невозможно, т.к. в период реформ контроль за повалом и вывозом леса-кругляка был практически утерян. Повсеместно имели место сокрытие выручки от реализации лесопродукции, продажа за наличные без оприходования, заключение фиктивных договоров и использование двойных контрактов с инофирмами. По оценкам экспертов, разница между объемами заготовки древесины и количеством ее вывоза за границу составляла от 500 тысяч до 3-4 млн кубометров, а поставки в КНР в 2000 г. увеличились в 30 раз (Фесик 2001, 48-49).

В 1999 г. в связи с запретом на вырубку леса в северных районах Китая, в КНР резко возрос спрос на российскую древесину. Только по официальным данным Благовещенской таможни, за год в КНР было вывезено свыше 200 тыс. кубометров лесоматериалов, но лишь немногим более 80 тыс. кубометров прошло через Благовещенскую таможню. Однако, кроме того, свыше 500 тыс. кубометров ушло за пределы области по договорам комиссии. Таким образом, вывоз леса увеличился почти в 2 раза (Гамерман 2000, 162). В 2001 г. необработанных лесоматериалов областью было экспортировано 708,4 тыс. кубометров; по сравнению с 2000 г. увеличение произошло в 2 раза (Амурский статистический ежегодник 2002, 111). В своем выступлении на совещании на пограничном пункте пропуска Благовещенск 5 мая 2001 г. губернатор Амурской области Л.В. Коротков подчеркивал необходимость поставки в Китай переработанной сои, пиломатериалов вместо

круглого леса и т.п., но мощностей для переработки сырья область не имела (Государственный архив Амурской области (далее — ГААО). Ф. Р-2301. Оп. 1. Д. 57. Л. 3). В 2002 г. в КНР из Амурской области было экспортировано лесоматериалов: необработанных — на 33,5 млн долл., обработанных — на 0,86 млн долл., а общий объем экспорта в КНР составил 49 млн долл. (ГААО. Ф. Р-2301. Оп. 1. Д. 77. Л. 2).

В 2003 г. экспорт лесоматериалов еще увеличился, что было связано с освоением мощностей и повышением качества продукции Шахтаумского завода ОАО «Тындалес» (ГААО. Ф. Р-2301. Оп. 1. Д. 77. Л. 14), а также с возрождением Северо-Востока Китая как старой промышленной базы. В процессе модернизации в этом регионе вырос спрос на нефть, уголь, лес, железную руду, бревна, целлюлозу, натуральный каучук и др. ресурсы из России. Всего в 2003 г. флотом Амурского пароходства было перевезено 311,5 тыс. м³ экспортного леса, в т.ч. путем буксировки барж КНР до Хабаровска — 21,4 тыс. м³, путем буксировки до Хабаровска с перевалкой в баржи КНР — 2,2 тыс. м³, буксировкой до Хабаровска с перевалкой в Покровке — 2,4 тыс. м³ (Государственный архив Хабаровского края (далее — ГАХК). Ф. 736. Оп. 4. Д. 238. Л. 127). (Ежегодно на перевозке леса по Амуру работало до 40 китайских несамоходных барж грузоподъемностью по 1 тыс. т) (Романова 2008, 96). Динамика объемов перевозок экспортного леса судами Амурского пароходства в Китай отражена в таблице 1.

Год	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Кол-во рейсов	6	15	24	55	75	58	81
Объем (м3)	3128	14978	59309	168827	253178	197898	295051

Табл.1. Объемы перевезенного леса судами Амурского пароходства на экспорт в Китай

Table 1. Volumes of timber transported by Amur Shipping Company vessels for export to China

Из данных таблицы видно, что объемы перевозок экспортного леса из амурских портов в речные порты КНР ежегодно увеличивались. В 2003 г., по причине мелководья в начальный период навигации (в мае и июне) произошло снижение объёмов, но в 2004 г. вновь наблюдалось увеличение. Доходность

экспорта леса в 2003 г. снизилась на 25,5% по сравнению с 2002 г., по причине снижения ставок фрахтов (ГАХК. Ф. 736. Оп. 4. Д. 238. Л. 127). Однако в последующие годы объемы вывоза леса были значительны и в количественном, и в стоимостном выражении и ежегодно увеличивались — они представлены в Таблице 2.

	Январь-декабрь 2005 г.		Январь-декабрь 2006 г.		Январь-декабрь 2007 г.		Январь-октябрь 2008 г.	
	Объем, тыс. м3	Стоимость, млн. долл.	Объем, тыс. м3	Стоимость, млн. долл.	Объем, тыс. м3	Стоимость, млн. долл.	Объем, тыс. м3	Стоимость, млн. долл.
Экспортировано всего	955,72	70,0	1099,26	80,035	1187,79	96,77	1253,39	114,38
В т.ч. в КНР:								
Лесо-материалы необработ.	920,18	67,51	1053,8	76,7	1138,11	92,87	1171,4	105,91
Лесо-материалы распиленные	0,755	0,092	1,038	0,125	0,299	0,033	16,811	1,875
Итого в КНР	920,935	67,602	1054,84	76,825	1138,41	92,903	1188,21	107,79
% от общего экспорта	96,36	96,57	95,96	95,98	95,84	96,0	94,8	94,24

Табл. 2. Структура экспорта леса и лесопродукции судами Амурского пароходства в Китай

Table 2. Structure of timber and timber products export by Amur Shipping Company vessels to China

Составлено авторами на основе: Структура экспорта леса и лесопродукции по странам-контрагентам за 2005, 2006, 2007 и 2008 (10 мес.) гг. // Ведомственный архив Благовещенской таможни (Федеральная таможенная служба России).

Compiled by the authors based on: [Structure of timber and timber products export by countries-counterparties for 2005, 2006, 2007 and 2008 (10 months) // Departmental archive of the Blagoveshchenskaya Customs (Federal Customs Service of Russia)].

По данным статистики приграничного г. Хэйхэ, за 2005-2007 гг. хэйхэские предприятия заготовили в Амурской области и других регионах России более 1 млн кубометров круглого леса, из них 80% было вывезено на переработку в Китай, в т.ч. и в специально созданную в г. Хэйхэ промышленную зону Синань, специализирующуюся на глубокой переработке леса (производства, способные перерабатывать сырьевую продукцию, поступающую из Амурской области, создавались в приграничной зоне провинции Хэйлунцзян в рамках программы возрождения старых промышленных баз Северо-Востока Китая) (Иванов 2008, 79).

Итак, в конце XX – начале XXI вв. одной из весомых экспортных позиций регионов Дальнего Востока в Китай становятся лес и лесоматериалы. Они вывозились через амурские порты, и в этом вывозе значимую роль сыграло Амурское пароходство, судами которого осуществлялся этот вывоз. Объемы вывоза можно установить только приблизительно, в силу коррупционного фактора и несовершенства контролируемых механизмов вывоза. Сырьевой экспорт дальневосточных регионов, в т.ч. леса, стал одним из источников пополнения бюджета и основой выживания в условиях реформ и пореформенного рубежа XX – XXI вв.

Библиография

1. *Дальний Восток России: экономическое обозрение*: ИЭИ ДВО РАН при участии Фонда Мира Сасакава / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск, 1993. В. 2-х ч. Ч. II.
2. Жигалин Т.А., Кислинских Ю.В. Особенно-сти социально-экономического развития Дальнего Востока в начале 1980х – 1990х годов. *Социальное и экономическое развитие АТР: проблемы, опыт, перспективы: Материалы научно-практ. конф-и (25–30 апреля 2019, г. Комсомольск-на-Амуре) /* Ред. колл.: В.С. Бавыкин, Т.Б. Ершова; под ред. Т.Б. Ершовой. Комсомольск-на-Амуре: АмГПГУ, 2019. С. 90-98.
3. *Амурская область: ступени развития*. Благовещенск: Амуроблкомстат, 2001. 35 с.
4. Лавров В. Есть контакты — есть контракты. *Биробиджанская Звезда*. 1998. 21 июля.
5. *Внеэкономическая деятельность предприятий и организаций Хабаровского края в 1999 году*. Статистический сборник / Хабаровский крайкомстат. Хабаровск, 2000. 37 с.
6. *Лесопромышленный комплекс Приамурья*. Благовещенск: Амуроблкомстат, 2000. 25 с.
7. Фесик А. Лес рубят – китайцы слетаются. *Дальневосточный капитал*. 2001. №11 (15). С. 48-49.
8. Гамерман В.Е. Проблемы безопасности, связанные с приграничным сотрудничеством Амурской области со странами АТР. *Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып.2*. Благовещенск: АмГУ, 2000. С. 158-164.
9. *Амурский статистический ежегодник*. Благовещенск: Амуроблкомстат, 2002. 382 с.

10. Романова Г.Н. Транспортные коммуникации Дальнего Востока России в системе международных региональных связей. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2008. №3(44). С. 88-98.
11. Иванов С.А. Амурская область в программе возрождения старых промышленных баз Северо-Востока КНР. *Внешнеэкономическая деятельность Амурской области. Развитие. Проблемы. Перспективы: Матлы рег. научно-практ. конф.* Благовещенск: БГПУ, 2008. С. 77-82.
5. *Foreign economic activity of enterprises and organizations of Khabarovsk Krai in 1999. Statistical Collection*. Khabarovsk, 2000, 37 p. (In Russ.)
6. *Lesopromyshlennyyi kompleks Priamurye*. Blagoveshchensk, 2000, 25 p. (In Russ.)
7. Fesik A. They cut down the forest– the Chinese are flying in. *Far East Capital*, 2001, №11(15), pp. 48–49. (In Russ.)
8. Gamerman V.E. Security problems associated with cross-border co-operation of the Amur Region with the countries of the Asia-Pacific Region. *Historical experience of development of the Far East. Issue 2*. Blagoveshchensk, 2000, pp. 158–164. (In Russ.)

References

1. *The Russian Far East: Economic Review*: IEI FEB RAS with the participation of the Sasakawa Peace Foundation / edited by P.A. Minakir. Khabarovsk, 1993. Part II. (In Russ.)
2. Zhigalin T.A., Kislinskikh Y.V. Peculiarities of the socio-economic development of the Far East in the early 1980s–1990s. *Social and economic development of the Asia-Pacific region: problems, experience, prospects: Proceedings of the scientific and practical conference (25-30 April 2019, Komsomolsk-on-Amur) / Ed. coll: V.S. Bavykin, T.B. Ershova; ed. by T.B. Ershova*. Komsomolsk-on-Amur, 2019, pp. 90–98. (In Russ.)
3. *Amur region: stages of development*. Blagoveshchensk, 2001, 35 p. (In Russ.)
4. Lavrov V. There are contacts — there are contracts. *Birobidzhanskaya Zvezda*. 1998. 21 July. (In Russ.)
9. *Amur Statistical Yearbook*. Blagoveshchensk, 2002, 382 p. (In Russ.)
10. Romanova G.N. Transport communications of the Russian Far East in the system of international regional relations. *Customs policy of Russia in the Far East*, 2008, №3(44), pp. 88–98. (In Russ.)
11. Ivanov S.A. Amur region in the programme of revival of old industrial bases of the North-East of China. *Foreign economic activity of the Amur region. Development. Problems. Prospects: Proceedings of the regional scientific and practical conference*. Blagoveshchensk, 2008, pp. 77–82. (In Russ.)

Сведения об авторах

Залеская Ольга Владимировна

доктор исторических наук, доцент, декан
факультета иностранных языков

Благовещенский государственный педаго-
гический университет, 657000, Амурская
область, Благовещенск, ул. Ленина, 104

olgazalesskaya@gmail.com

Цай Ин

Аспирант кафедры истории России и спе-
циальных исторических дисциплин,

Благовещенский государственный педаго-
гический университет, 657000, Амурская
область, Благовещенск, ул. Ленина, 104

mnina66@yandex.ru

Information about the authors

Olga V. Zalesskaya

Doctor of History, Associate Professor, Dean
of the Faculty of Foreign Languages

Blagoveschensk State Pedagogical University,
Blagoveschensk

olgazalesskaya@gmail.com

Cai Ying

PhD student

Department of Russian History and Special
Historical Disciplines

Blagoveschensk State Pedagogical University
Blagoveshchensk

mnina66@yandex.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.10.2024;

Одобрена после рецензирования: 30.10.2024;

Принята к публикации: 03.11.2024.

Information about the article

The article was submitted 25.10.2024;

Approved after reviewing 30.10.2024;

Accepted for publication 03.11.2024.

The development of agriculture in the Song Empire

Развитие сельского хозяйства в империи Сун

Кулаков Захар Владимирович,

Хисматуллин Булат Ринатович

*Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия*

Автор, ответственный за переписку:

zkulakov03@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-1133-1935>

Zakhar.V. Kulakov,

Bulat R. Khismatullin

*Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Russia*

Corresponding author:

zkulakov03@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-1133-1935>

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2024-88-95](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-88-95)

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению развития сельского хозяйства Китая периода правления династии Сун. Интерес к этому периоду вызван тем, что китайцам удалось выйти из экономического кризиса, который начался в конце правления Тан. Одна из причин быстрого подъёма экономики заключается в том, что сельское хозяйство Сун было инновационным для своего времени и создало ту экономическую базу, которая не только помогла выйти из экономического кризиса, но и спровоцировала рост населения, развитие торговли и экономики. Кроме того, при Сун удалось создать аграрную базу, на которой строились все последующие династии и которой наследует современный Китай. В этой связи вопрос о том, как и за счет чего это удалось становится актуальным и значимым для понимания экономической истории Китая.

ABSTRACT

This article is devoted to the study of the development of agriculture in China during the reign of the Song Dynasty. The interest in this period is caused by the fact that the Chinese managed to get out of the economic crisis that began at the end of Tang's reign. One of the reasons of the rapid economic recovery is that Song agriculture was innovative for its time and created the economic base that not only helped to overcome the economic crisis, but also provoked population growth, trade and economic development. In addition, under Song, it was possible to create an agrarian base on which all subsequent dynasties were based and which modern China inherits. In this regard, the question of how and by what means this was achieved becomes relevant and significant for understanding the economic history of China.

Ключевые слова: Производительные силы, сельское хозяйство, рис, гидротехника, Китай, династия Сун, «зеленая революция».

Для цитирования: Кулаков З.В., Хисматуллин Б.Р. Развитие сельского хозяйства в империи Сун. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (4). С. 88-95 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-88-95>

Keywords: Productive forces, agriculture, rice, hydraulic engineering, China, Song Dynasty, "green revolution".

For citation: Kulakov Z.V., Khismatullin B.R. The development of agriculture in the Song Empire. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№4). P. 88-95 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-88-95>

Провозгласив в 960 г. создание новой династии Сун, ее первый император Чжао Куанъинь был вынужден создать все условия для политической стабильности и восстановления экономики страны, так как после падения танской династии в 907 г. страна фактически оказалась раздробленной. Став правителем, Чжао Куанъинь приступил к объединению страны и установлению новой системы управления, которая строилась на традиционной конфуцианской модели. Она в свою очередь предполагала возвышение мудрых и честных чиновников и поощрение сельского хозяйства. Хотя схема стандартная для Китая, но в этот период она дала нужный эффект. К власти действительно пришли чиновники, готовые работать на благо Поднебесной и следить за соблюдением закона на местах. Создав политическую стабильность, династия стала уделять особое внимание экономическому развитию страны.

Китай эпохи Сун являлся аграрной страной, подавляющее население в нем составляли крестьяне, которые и были основными производителями. Это та социальная масса, способ-

ная поднять страну до высот, и в тоже время, если не поощрять их стремление к труду, ввергнуть все общество в политический и экономический хаос. Правители Сун прекрасно это понимали и поощряли развитие сельского хозяйства, результатом чего стали социально-экономические изменения в Китае, которые в какой-то мере сопоставимы с эпохой индустриализации в Европе [См. 1]. В этой связи достаточно интересно проследить, что именно было сделано в Поднебесной в то время. Ибо, как писал К.Маркс: «... эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» [2, с.220].

После потери северных земель экономический центр страны все стремительнее перемещался на юг. К концу X века в южных регионах Китая за счет переселенцев многократно выросло население. [3, с.135]. Активная миграция населения, а также необходимость пополнить казну, вынуждала прибегнуть к освоению целинных земель и более интенсивному использованию старых. Это привело к тому, что крестьянам было разрешено активно распахивать

целинные земли, при условии уплаты налогов. Так активно стала осваиваться дельта реки Янцзы в центральной части Китая. А далее на юге, где рельеф на большей территории был гористый, крестьяне вынуждены были возделывать земли на возвышенностях. Это в свою очередь вело к другой проблеме — орошение поля. Если на равнине это было сделать легко, то вот на юге такой возможности не было. Для решения этой задачи там, изначально создавались специальные резервуары по сбору воды для орошения: на каждые 10 му выделялось 2–3 му для создания резервуар. Для укрепления этих резервуаров предполагалась посадка гранатовых и тутовых деревьев [4, с. 247].

В последующем стали строиться нории — большие водоподъемные колеса. Они изготовлялись из дерева и бамбука. В конструкции обычно было десять больших спиц-трубок, которые зачерпывали воду, а затем выливали на участок поля. Ни человеческая, ни животная сила не нужны были для работы нории, что делало их незаменимым инструментом в сельском хозяйстве.

У крестьян начинают повсеместно появляться небольшие ручные черпальные мельницы. Они использовались для дренажа и осушения местности [5, с.337-338], однако были малоэффективны. В Сун создаются и более серьезные приспособления для поднятия воды — цепные водяные мельницы, их также называли «опрокидывающими». Конструкция состояла из деревянного коридора, двух зубчатых колёс и длинной цепи, к которой последовательно крепились деревянные пластины. Колеса располагались на двух краях мельницы, один из

которых был опущен в воду. Для подачи воды прокапывался желоб, через который поднятая мельницей вода попадала на поля. Мельницу приводили в движение человеческой или животной силой, либо течением реки, от этого варьировалась конструкция [5, с. 339-343]. Эти технические новшества способствовали более активному введению в сельскохозяйственный оборот целинных земель на юге.

При дефиците земельного пространства использовалась даже поверхность озер. Строились специальные основания или каркасы прямоугольной формы из бревен, которые веревками закрепляли на суше. На бревнах формировали специальный слой почвы с засеянными рапсом и репой, которые очень хорошо уплотняли поверхность. На таких плавающих платформах выращивались различные влаголюбивые культуры. Поскольку плот поднимался и опускался вместе с уровнем воды, то урожай имел гораздо большие шансы выжить при наводнениях [4, с.247].

Озера и речные русла зачастую осушали, описанные выше механические устройства делали эту работу более легкой. На их месте создавали поля, окруженные плотинами. Высота плотин могла достигать шести метров. Подобного рода конструкции существенно снизили опасность наводнений. Проводились масштабные работы по осушению болот и заболоченных морских побережий. Так за время реформы Ван Аньши (1068–1074 гг.) было осушено 35 миллионов акров заболоченной земли [6, с.382]. Осушение водных участков проводили в провинциях Фуцзянь и Чжэцзян. Там массово строили дамбы и пресноводные резервуары

для остановки потоков соленой воды. Такие мероприятия серьезно расширяли фонд обрабатываемой земли, однако зачастую приводили к экологическим катастрофам: истощались реки, озера, болота, усиливалась эрозия почв, в прибрежных польдерах откладывался соляной осадок.

Антропогенное воздействие сильно ухудшало качество почвы, поэтому удобрения были жизненно необходимы для поддержания плодородия и урожайности. Власти советовали крестьянам создавать компостные ямы, в которых следовало собирать отходы, золу, мякину, опавшие листья. Распространено было удобрение из помета шелкопряда. Хорошим удобрением также считался жмых, полученный из сои. В этом плане интересно отметить, что основатель неоконфуцианства Чжу Си (1130 – 1200 гг.) писал, что соевый жмых следует использовать в середине лета [7, с.297]. Применялись также некоторые методы для борьбы с вредителями: крестьяне специально выращивали чрезвычайно ядовитый аконит против воробьев, а зерна при посадке от насекомых обсыпали золой.

Наиболее глубоким достижением в период Сун было расширение посадок пшеницы и риса, что привело к увеличению урожайности. Примерно с XII века на территории южного Китая начинают внедряться новые сорта риса и активно проводится селекция семян. Большое распространение получил высокоурожайный и устойчивый к засухам рис Чампа. Внедрение нового сорта укорачивало вегетационный период и снижало шансы падения урожая. Внедрение новых сортов позволила крестьянам собирать до трех урожаев в год.

Все большее место в сельском хозяйстве Китая стало занимать производство чая. Например, в провинции Фуцзянь оно выросло с 230 тонн в год в конце X века до 1900 тонн в конце XI века – в 8, 2 раза. Количество выращенного чая на одно домохозяйство в среднем примерно составляло 60–300 килограммов в год [6, с.410].

Из основных технических сортов растений, выращиваемых крестьянами, можно назвать следующие: крапива и конопля, из которых ткали одежду. Распространилось выращивание хлопка, усовершенствовались способы обработки сахарного тростника. В Сун развивалось также и огородничество. Земледельцы растили редиску, капусту. На придомовых участках также часто садили тутовые деревья и разводили тутовых шелкопрядов. Крестьянам рекомендовалось выделять 2 му земли на подобные участки [4, с.249].

Непосредственно сам процесс возделывания земель и выращивания растений при династии Сун также претерпел ряд изменений. Почву для посадки стали серьезно подготавливать. Предварительно зерна оставляли на специальных грядках, которые обильно удобрялись костяной мукой, богатой кальцием и фосфором. Саму землю засыпали древесной золой и вновь вскапывали [8, с.118-120]. После сбора урожая стебли оставляли для повторной вспашки и удобрения. Затем сажали бобы, пшеницу и некоторые овощи, чтобы почва не пустовала.

Большой шаг был сделан в сфере механической обработки земли. Именно в династию Сун распространяются железные сошники и отвалы. Сохранилось даже описание размеров

железной части плуга [7, с.183]. Нужно отметить, что в этот период был усовершенствован плуг эпохи Тан, который описан Лу Гуймэнем в его работе «Классика плуга» [См. 9]. Плуг стал более легким, дышло укоротилось и стало изогнутым. Для работы теперь нужен был один вол, либо водяной буйвол. Плуг такой формы использовался в Китае вплоть до XX столетия. После вспашки почву боронили. Процесс рыхления бороной мог повторяться до шести раз. На влажных южных почвах использовались бороны особого вида — с шипами и специальной деревянной пластиной, защищавшей от всплесков воды и грязи. Далее хорошо разрыхленную землю выравнивали для посадки семян, чтобы вода одинаково поступала ко всем участкам почвы. Для этого применяли деревянный инструмент, напоминающий большую широкую лопату-скребок.

Перед посадкой семена тщательно промывали в воде, затем высушивали на солнце. Для посева чаще стали использоваться специальные сеялки, работающие на четыре бороны. До появления и распространения сеялок семена раскидывали вручную и закапывали ногами, что было медленно и неэффективно, так как многие из них могли не попасть в почву и остаться на съедение птицам. Изначально для работы первых конструкции сеялок требовалось 2 человека: один правил волем, другой тряс корзину с семенами, чтобы они падали в бороны [7, с.254-276]. В Сун использовалась ее улучшенная версия. В ее конструкции было от 2 до 4 семяпроводов. Имелся небольшой лемех, крепившийся к сеялке. Он проделывал бороны в 7–8 см, в которые сыпались семена. Та-

ким образом, почва при посадке повторно обрабатывалась [10, с.25-26]. Зерна сеялись сразу вместе с удобрением, подававшимся также из сеялки [8, с.119]. Кстати, в Европе до XVIII века зерна сеяли вручную и лишь к XIX обозначился переход к использованию механических сеялок.

Следующим этапом обработки зерен была молотба. Обыкновенно урожай молотили на цинках с целью предотвращения попадания грязи и пыли. В молотбе использовали традиционные китайские цепы с несколькими палками. Тем не менее в Сун появилась возможность обработки семян механическими приспособлениями — водяными молотами и мельницами. Это было сделано прежде всего для того, чтобы облегчить труд крестьян, которые сами уже не справлялись с таким количеством зерна. Конструкция могла состоять из девяти колес и соединяться с другим изобретением — большим водяным молотом, также использовавшимся для помола. Все вместе представляло из себя чрезвычайно большой механизм, способный молоть гораздо большее количество зерна [10, с.61].

После молотбы следовал процесс просеивания. Помимо разнообразных корзин и ручных веялок стали применять более прогрессивные механические. Закрытый тип веялки позволил сконцентрировать поток воздуха и направлять его непосредственно на зерна. Также теперь веялки изготавливались из дерева, а не из глины, что их значительно удешевило и создало возможность транспортировки. В конструкции появляются педали и два желоба — один для неочищенного зерна, другой для чистого. Механические веялки больше

использовались на юге страны и оставались инструментом богатых крестьян. Это позволило кратно увеличить количество обрабатываемого зерна и способствовало формированию слоя богатых землевладельцев-крестьян.

Сельское хозяйство в период Сун пережило настоящую «зеленую революцию» [11, с.425]. Этому явлению способствовал целый ряд факторов. Быстрорастущие сорта риса, привезенные из Вьетнама, сделали несколько урожаев в год нормой. Распространение железных сельскохозяйственных орудий заметно облегчили процесс культивации и позволили расширить площадь обрабатываемых земель. Грамотная политика в ирригационной сфере также многократно увеличила земельный фонд. Появление и расширение использования инженерных новшеств таких как норрии, сеялки, водяные мельницы разных типов, все это способствовало ускорению и упрощению всего сельскохозяйственного процесса. Внедрение огромного количества удобрений и новых методик обработки земли улучшило повсеместно качество урожая. Таким образом, в династии Сун, во многом, произошел синтез всех земледельческих традиции, начиная с древности, что в свою очередь привело к увеличению прибавочного продукта и росту населения империи Сун. Это, наравне с инновационными изменениями в сельском хозяйстве, позволило безболезненно вывести излишек сельского населения в город, тем самым дав толчок для развития промышленности и торговли в империи Сун.

Список литературы

1. Edwards R.A. Industrial Revolution: Song China and England / R.A. Edwards — Tamkang University, 2013. – 72 p.
2. Маркс К. Капитал: Критика политической экономии / К. Маркс; пер. с нем. И. Скворцова-Степанова, А. Богданова, В. Базарова; предисл. А. Цветкова, составл. В. Плотникова. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – 719 с.
3. Twitchett D. The Cambridge history of China: Vol. 5. P. 1. / D. Twitchett, Fairbank J. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 1128 p.
4. Ebrey P. B. Chinese civilization: a sourcebook / P. B. Ebrey – New York: The Free Press, 1993. – 690 p.
5. Needham J. Science and civilization in China: Vol 4. P. 2. Mechanical engineering. / J. Needham – Cambridge: Cambridge University Press, 1965. – 759 p.
6. Glahn R. The economic history of China: from Antiquity to the Nineteenth Century / R. Glahn – Los Angeles: Cambridge University Press, 2016. – 807 p.
7. Needham J. Science and civilization in China: Vol 6. P. 2. Biology and biological technology / J. Needham – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 724 p.
8. Elvin M. The Pattern of the Chinese Past / M. Elvin – Stanford: Stanford University Press, 1973. – 340 p.
9. Billy K.L. So. Prosperity, Region, and Institu-

- tions in Maritime China: The South Fukien Pattern, 946–1368 / K.L. So Billy – Cambridge: Harvard East Asian, 2020. – 469 p.; Лу Гуймэн. Классика плуга. Издательство Бэй Фан Вэнь И. 2021. 陆龟蒙, 耒耜经, 北方文艺出版社 (Лу Гуй Мэн, Лэй Сы Цзин, Бэй Фан Вэнь И Чу Бань Шэ)
10. Temple R. The genius of China: 3000 years of science discovery and invention / R. Temple — London: Carlton Publishing Group, 2007. – 288 p.
 11. Кей Д. Китай: от Конфуция до Мао Цзэдуна / Д. Кей; пер. с англ. В.В. Степановой. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – 736 с.
- ### References
1. Edwards R.A. Industrial Revolution: Song China and England / R.A. Edwards — Tamkang University, 2013. – 72 p.
 2. Marks K. Kapital: Kritika politicheskoj ekonomii / K. Marks; per. s nem. I. Skvorcova -Stepanova, A. Bogdanova, V. Bazarova; pre-disl. A. Cvetkova, sostavl. V. Plotnikova. – М.: RIPOL klassik, 2018. – 719 p.
 3. Twitchett D. The Cambridge history of China: Vol. 5. P. 1. / D. Twitchett, Fairbank J. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 1128 p.
 4. Ebrey P. B. Chinese civilization: a source-book / P. B. Ebrey — New York: The Free Press, 1993. – 690 p.
 5. Needham J. Science and civilization in China: Vol 4. P. 2. Mechanical engineering. / J. Needham — Cambridge: Cambridge University Press, 1965. – 759 p.
 6. Glahn R. The economic history of China: from Antiquity to the Nineteenth Century / R. Glahn — Los Angeles: Cambridge University Press, 2016. – 807 p.
 7. Needham J. Science and civilization in China: Vol 6. P. 2. Biology and biological technology / J. Needham — Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 724 p.
 8. Elvin M. The Pattern of the Chinese Past / M. Elvin — Stanford: Stanford University Press, 1973. – 340 p.
 9. Billy K.L. So Prosperity, Region, and Institutions in Maritime China: The South Fukien Pattern, 946–1368 / K.L. So Billy — Cambridge: Harvard East Asian, 2020. – 469 p.; Лу Гуймэн. Классика плуга. Издательство Бэй Фан Вэнь И. 2021. 陆龟蒙, 耒耜经, 北方文艺出版社 (Лу Гуй Мэн, Лэй Сы Цзин, Бэй Фан Вэнь И Чу Бань Шэ)
 10. Temple R. The genius of China: 3000 years of science discovery and invention / R. Temple — London: Carlton Publishing Group, 2007. – 288 p.
 11. Кей Д. Китай: от Конфуция до Мао Цзэдуна / Д. Кей; пер. с англ. В.В. Степановой. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. – 736 с.

Сведения об авторах

Кулаков Захар Владимирович,

Казанский (Приволжский) федеральный

университет

zkulakov03@gmail.com

Хисматуллин Булат Ринатович,

Казанский (Приволжский) федеральный

университет

bulatbayer@mail.ru

Information about the authors

Zakhar V. Kulakov,

Kazan (Volga Region) Federal University

zkulakov03@gmail.com

Bulat R. Khismatullin,

Kazan (Volga Region) Federal University

bulatbayer@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.10.2024;

Одобрена после рецензирования: 30.10.2024;

Принята к публикации: 03.11.2024.

Information about the article

The article was submitted 25.10.2024;

Approved after reviewing 30.10.2024;

Accepted for publication 03.11.2024.

PRC's peacekeeping activities (using the Ukrainian crisis and the Arab-Israeli conflict as examples)

Миротворческая деятельность КНР

(на примере украинского кризиса и арабо-израильского конфликта)

Александр Иванович Лычагин¹,

Оксана Ивановна Бодрова²,

Дарья Григорьевна Меркулова³

^{1,2,3}Нижегородский государственный

университет им. Н.И. Лобачевского,

Нижний Новгород, Россия

Автор, ответственный за переписку:

dgmerkulova@mail.ru

¹<https://orcid.org/0000-0002-2983-4557>

²<https://orcid.org/0009-0002-9134-1726>

³<https://orcid.org/0009-0005-1544-9200>

Aleksandr I. Lychagin¹,

Oksana I. Bodrova²,

Darya G. Merkulova³

^{1,2,3}Nizhny Novgorod State University named after

N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Corresponding author:

dgmerkulova@mail.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-2983-4557>

² <https://orcid.org/0009-0002-9134-1726>

³ <https://orcid.org/0009-0005-1544-9200>

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2024-96-104](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-96-104)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена текущей стратегии внешней политики Китайской Народной Республики, основой которой является миротворческая деятельность, как одного из инструментов китайской дипломатии. Несомненно, основными направлениями руководства КНР являются вопросы обеспечения безопасности, а также успешная реализация проекта «Один пояс – один путь», в контексте чего позиция миротворца является наиболее рациональной и перспективной в условиях международной

ABSTRACT

The article is devoted to the current strategy of the foreign policy of the People's Republic of China, the basis of which is peacekeeping activities as one of the instruments of Chinese diplomacy. Undoubtedly, the main directions of the PRC leadership are security issues, as well as the successful implementation of the "One Belt — One Road" project, in the context of which the position of a peacekeeper is the most rational and promising in the conditions of international turbulence. The article examines examples of China's

турбулентности. В статье рассматриваются примеры миротворческой деятельности Китая на примере украинского кризиса и арабо-израильского конфликта, а также их место и роль во внешнеполитической и экономической стратегиях Китая. Авторами анализируется вопрос недопущения распространения Западного влияния в регионах Ближнего Востока и АТР, степень влияния США в которых довольно высока, в частности, в условиях развития AUKUS, а также в свете обнародования программы Silk Road – 2.0.

Ключевые слова. Китайская Народная республика, визиты, противостояние, пролив

Для цитирования: Лычагин А.И., Бодрова О.И., Меркулова Д.Г. Миротворческая деятельность КНР (на примере украинского кризиса и арабо-израильского конфликта). *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (4). С. 96-104 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-96-104>

Долгое время Китай являлся не субъектом, а объектом международных отношений. Многосторонний и разноплановый «подъем» Китая сказался на его многократно усилившейся роли в иерархии международных отношений. Перемены, произошедшие в Китайской Народной Республике за последние десятилетия сопряжены также с доселе не практикуемыми формами участия этой страны в международных делах. При этом мы имеем дело с новой Евразией, конечно же в прежних географических рамках, но с новыми возможностями основных и второстепенных игроков на этой, старой как мир, шахматной доске.

peacekeeping activities on the example of the Ukrainian crisis and the Arab-Israeli conflict, as well as their place and role in China's foreign policy and economic strategies. The authors analyze the issue of preventing the spread of Western influence in the Middle East and Asia Pacific regions, where the degree of US influence is quite high, in particular, in the context of the development of AUKUS, as well as in light of the publication of the Silk Road – 2.0 program.

Keywords. Chinese, People, Republic, visit, confrontation,

For citation: Lychagin A.I., Bodrova O.I., Merkulova D.G. PRC's peacekeeping activities (using the Ukrainian crisis and the Arab-Israeli conflict as examples). *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№4). P. 96-104 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-96-104>

Одним из двух мегаполюсов формирующейся полицентричности современного мирового порядка является, конечно же, Китайская Народная Республика, степень влияния которой давно вышла за рамки Азиатско-Тихоокеанского региона. Последствия глобальной трансформации Китая позволяют ему не ограничиваться отстаиванием исключительно собственных национальных интересов в ближайшие годы, но и отстаивать, и расширять сферы своего влияния с расчетом на весьма долгосрочную перспективу. Для этого Китай следует примеру Соединенных Штатов и, по возможности, безгранично распространяет

свое влияние, используя в качестве рычагов такого влияния экономику и военную силу.

Растущая экономическая мощь Китая позволила ему усилить внешнеполитическую активность, соответствующую новому экономическому статусу КНР. Другими словами, материальные достижения позволили Китаю кардинально расширить свое участие в макрорегулировании мировой политики, и он не преминул этим воспользоваться. Внешнеполитическая стратегия Дэн Сяопина «не высовываться» перестала быть безальтернативной.

Китай, казалось бы, претендовал на равное с США участие в решении больших и малых проблем и споров во всем мире. Но, когда президент США Барак Обама предложил Си Цзиньпину разделить «на двоих» сферы влияния в мире, китайский лидер отказался [1]. Практически в то же время Пекин усилил свое военное присутствие в Южно-Китайском море, возводя т.н. насыпные острова в спорных с Японией, Филиппинами, Индонезией и даже Тайванем акваториях. На другой оконечности Евразии не только российское военное присутствие в Сирии, но и китайское в Джибути также свидетельствуют о новом витке противостояния.

16 сентября 2021 года Австралия, Великобритания и США объявили о начале нового формата партнёрства в рамках соглашения AUKUS (Australia, United Kingdom, United States) в сфере обеспечения безопасности, основными инициативами которого стали предоставление Австралии флота атомных подводных лодок [2], а также совместная разработка средств военного назначения в восьми областях, включа-

ющих «подводные системы, квантовые технологии, искусственный интеллект и автономные системы, кибербезопасность и радиоэлектронную борьбу, гиперзвуковые летательные аппараты и средства их перехвата, а также инновации и технологии обмена информацией» [2].

Создание нового военного блока AUKUS еще более обострило отношения сторон, что нашло подтверждение в Заявлении постоянного члена Политбюро ЦК КПК и, по совместительству, министра иностранных дел Китая Ван И, что данный альянс представляет собой «Тихоокеанскую версию НАТО» [3]. Примечательно, что в 2024 году страны AUKUS также намерены провести совместные учения, в процессе которых стороны планируют применить различные беспилотные системы, в первую очередь предназначенные для применения на море [2]. Согласно сообщениям ТАСС, ожидается, что данные учения должны «повысить оперативную совместимость» и стать «первой крупномасштабной демонстрацией» AUKUS в сфере автономных систем [2]. Отмечается, что страны-партнеры в этом году расширили свои возможности в сфере использования беспилотных подводных аппаратов, которые могут запускаться из торпедных отсеков субмарин, стоящий сейчас на вооружении Великобритании и США, для «осуществления тактических ударов, разведки и наблюдения» [2]. Помимо этого, страны заявили о своей готовности начать использовать британские торпеды Sting Ray на самолетах морской разведки Boeing P-8A Poseidon, первые испытания которых, по сообщениям, начнутся в 2025 году [2].

Немаловажным аспектом в рассмотрении отношений КНР и США является продвижение китайской инициативы «Пояса — пути» (Концепция «Один пояс — один путь» в современной риторике именуется таким образом), преследующая различные, интересующие Китай, цели. Важнейшая из которых — это максимально возможное вытеснение всякого американского присутствия в Европе. В противовес китайскому проекту администрацией Д. Байдена был разработан американский «Шёлковый путь» — Silk Road 2.0. [4].

Согласно стратегии проекта, США планировали запустить экономический коридор Индия — Ближний Восток — Европа (ИМЕС). Однако, как известно, реализация проекта так и не состоялась ввиду начала арабо-израильской войны 7 октября 2023 года [5]. И перспектива ее завершения пока не просматривается. На сегодняшний день отсутствуют доказательства участия третьих сил в развязывании этой локальной войны, но совершенно очевидно, что Китай явился главным бенефициаром намеченного, но не состоявшегося в декабре 2023 года установления дипломатических отношений между Израилем и Саудовской Аравией. Обозначенные «звенья» американского пути не сомкнулись, и маловероятно, что это произойдет в обозримой перспективе, учитывая эскалацию ближневосточной войны.

Однако, совершенно очевидно, что традиционного экономического проникновения по горизонтали: в Африку, Арктику, Восточную Европу, на Ближний Восток и далее по списку, и по вертикали — в космос — Китаю уже недостаточно. Инвестиции, кредиты, совместные

предприятия и прочие меры торгово-экономического сотрудничества зачастую позиционируют Китай в глазах коренного населения, равно как и, по крайней мере коллективного Запада, как хищника, завладевающего природными ресурсами нуждающихся стран, территорией. Наглядным примером является «отжатая» КНР, в полном соответствии с условиями договора кредитования, автомобильная трасса в Черногории и, в конечном итоге, суверенитетом. В 2015 году Подгорица передала проект по строению автомобильной магистрали Бар — Боляре китайской компании China Road and Bridge Corporation (CRBC) [6] с условием, что кредит на строительство также был взят в Китайском экспортно-импортном банке (China Exim). Правительство Черногории ожидало завершение работ к 2019 году, при этом стоимость проекта первоначально составляла €800 млн [6]. Однако, окончание строительства несколько раз откладывалось, а его стоимость со временем возросла до €1,3 млрд [6]. По данным за 2021 год, госдолг Черногории составил €4,33 млрд, или 103% от ВВП, 14,5% из которых составил долг КНР [6].

Исходя из вышеуказанных шагов, руководство КНР пришло к выводу о необходимости задействования еще одного, весьма популярного рычага, такого, как миротворчество. Здесь важно отметить, что вышеупомянутая инициатива «Пояс-путь» преподносится Китаем как проект «всеобщего выигрыша». Поднебесная предлагает всем потенциально заинтересованным участникам урегулировать большие и малые споры, прекратить любые конфликты и войны, и выстроить нечто, подобное

Европейскому Союзу, но уже под эгидой Китая. Авторам очевидно, что Пекин позиционирует себя как невиданного доселе глобального, в рамках всей Евразии, миротворца. И также очевидно то, что Китай не артикулирует, но недвусмысленно дает понять — Евразия для евроазиатов, и Соединенным Штатам нет места на этом грядущем празднике жизни. Данная позиция является примером глобального, в рамках целого континента, миротворчества.

Миротворчество КНР на Ближнем Востоке, между Хуситами и Хезболлой, Ираном и Саудовской Аравией преследует следующие цели:

- участие в формировании политики экспорта углеводородов;
- микширование влияния со стороны США, иных стран на арабские государства;
- расширение военного присутствия на Ближнем Востоке, памятуя опыт китайской военной базы в Джибути.

Участие КНР в урегулировании российско-украинского конфликта в большей степени затрагивает китайские интересы. Не случайно Си Цзиньпин неоднократно призывал мировое сообщество к необходимости выявления первопричин войны. Нам представляется, что китайский лидер, равно как и его товарищ по ЦК Политбюро КПК Ван И вполне обосновано считают, что действия Украины, спровоцированные странами-участниками Северо-Атлантического блока, не оставили России иного выхода, только как вооруженным путем не допустить вступление Украины в эту, нескрываемо враждебную не только России, но и Китаю, организацию.

В период с 23 по 26 июля 2024 года министр иностранных дел Украины Дмитрий Иванович Кулеба находился с официальным визитом в Пекине, где провёл переговоры с министром иностранных дел КНР Ван И [7]. Согласно сообщениям СМИ, Кулеба заявил, что Украина поддерживает позицию Китая по тайваньскому вопросу и признаёт Тайвань частью КНР. Стоит отметить, что украинская сторона и до этого соблюдала принцип «Одного Китая» (как позже заметил Д.В. Медведев: «Чем смешнее государство, тем выше гонор.»), однако за два первых года СВО Тайвань потратил на поддержку Киева свыше \$110 млн [8]. Кроме того, стоит отметить, что делегация Верховной рады посетила Тайвань в 2022 году.

Согласно официальным сообщениям, в ходе переговоров министра иностранных дел КНР и его украинского коллеги был затронут китайско-бразильский «консенсус из шести пунктов» принятом в конце мая 2024 года [9], в котором отмечалось, что переговоры являются единственным возможным выходом из кризиса. В том меморандуме также говорилось о необходимости увеличения объема гуманитарной помощи, недопущении применения ядерного оружия и ударов по ядерным объектам. [9]

Принятие Украиной поправки в Конституцию об обязательности вступления в НАТО явилось для России триггером для начала боевых действий. Кроме того, глобальное политическое и общефилософское мировоззрение Поднебесной всегда, и это наиболее ясно отражено в конфуцианстве, исходило из постулата о разных возможностях и правах всего сущего

на Земле. Нет ничего равного. Что-то доминирует над чем-то. И это нормально, и невозможно иначе, и в полной мере касается государств.

24 сентября в ходе заседания Совета безопасности Организации Объединённых Наций Ван И выступил с речью [10], в которой значилось, что «оружие массового уничтожения не должно использоваться, атомные электростанции и другие ядерные объекты не должны подвергаться нападению, а гражданские лица и гражданские объекты не должны подвергаться нападкам. Чем больше оружия отправляется на поле боя, тем сложнее достичь цели прекращения огня.» [10]. Ван И, декларируя позицию Китая по украинскому вопросу, отметил, что Председатель КНР Си Цзиньпин «указал на то, что суверенитет и территориальная целостность всех стран должны соблюдаться, должны соблюдаться цели и принципы Устава Организации Объединённых Наций, следует уделять внимание разумным проблемам безопасности всех стран, и следует поддерживать все усилия, способствующие мирному урегулированию кризиса. Это авторитетная позиция Китая и фундаментальная приверженность вопросу Украины.» [11]

Примечательно, но сама структура ООН — яркое свидетельство не только разных возможностей ее субъектов, но и формально закрепленных прав таковых. Формально закрепленные права и, тем более, реальные возможности пяти государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН наглядное тому свидетельство. «То, что позволено Юпитеру не позволено быку.» По мнению китайского руководства, реакция России — это нормальная и вполне пред-

сказуемая реакция ядерной державы, постоянного члена Совбеза ООН, на реальную угрозу его безопасности. Несомненно, любой другой равноценный игрок в системе международных координат поступил бы аналогично, что не раз находило подтверждение в исторической ретроспективе. Другое дело, что мало кто ожидал такой реакции нынешней России во главе с президентом В.В. Путиным. Возвращение России в пул сверхдержав и вызвало негодование со стороны Запада.

В декабре 1979 года КНР атаковала Вьетнам, будучи глубоко озабоченной внешней политикой последнего [12]. (Причиной вооруженного вторжения были отношения Вьетнама с Советским Союзом и Камбоджой).

Тогдашний фактический лидер Китая Дэн Сяопин прямо заявил о необходимости «наказать Вьетнам» [13]. Кстати, никакой реакции ни США, ни стран Западной Европы не последовало. Более того, в том же году были установлены дипломатические отношения между Китаем и Соединёнными Штатами.

Китай недвусмысленно дает понять, что и образование военного блока Австралия — Великобритания — США может привести к реакции Пекина подобной российской. Да и перманентное продвижение НАТО с запада на восток также вызывает у КНР глубокую озабоченность. В случае размещения на Украине и в Грузии натовских ракет изменится подлетное время таковых к Китаю с запада.

Список литературы

1. Барак Обама провел в Белом доме приветственную церемонию по случаю прибытия Си Цзиньпина. URL: http://russian.news.cn/2015-09/26/c_134662484.htm (дата обращения: 25.09.2024).
2. Страны AUKUS продолжают испытания гиперзвуковых вооружений и морских дронов. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21968183> (дата обращения: 25.09.2024).
3. China's Foreign Minister Wang Yi says U.S. wants 'Indo-Pacific NATO'. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/chinas-foreign-minister-wang-yi-says-us-wants-indo-pacific-nato/article65201008.ece> (дата обращения: 25.09.2024).
4. D. Sacks, Will the U.S. Plan to Counter China's Belt and Road Initiative Work? URL: <https://www.cfr.org/blog/will-us-plan-counter-chinas-belt-and-road-initiative-work> (дата обращения: 27.09.2024)
5. Hamas's October 7 Attack: Visualizing the Data. URL: <https://www.csis.org/analysis/hamass-october-7-attack-visualizing-data> (дата обращения: 25.09.2024)..
6. Долговая яма Черногории. URL: <https://tass.ru/opinions/11196953/amp> (дата обращения: 27.09.2024).
7. Кулеба сделал резкое заявление после переговоров в Китае. URL: <https://ria.ru/20240726/kuleba-1962061042.html> (дата обращения: 27.09.2024).
8. Кулеба заверил КНР в готовности к переговорам с Россией и поддержке по Тайваню. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/07/25/1051915-kuleba-zaveril-knr-v-gotovnosti-k-peregovoram-s-rossiei> (дата обращения: 27.09.2024).
9. «六点共识» («Консенсус из шести пунктов»). URL: <https://finance.sina.com.cn/roll/2024-09-27/doc-incqqumu7820476.shtml?cref=cj> (дата обращения: 26.09.2024).
10. В Англии в ООН выступил представитель Украины. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjzbzd/202409/t20240927_11498629.shtml (дата обращения: 26.09.2024).
11. 王毅会见乌克兰外长瑟比加 (Ван И встретился с министром иностранных дел Украины Сибигой). URL: https://www.mfa.gov.cn/wjzbzd/202409/t20240927_11498629.shtml (дата обращения: 26.09.2024).
12. С.Г. Лузянин, Китай между жесткостью и мягкой силой. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/229183/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 25.09.2024).
13. Д.В. Мосяков, Первая социалистическая война. URL: <https://ivran.ru/ivran-v-smi?artid=215818> (дата обращения: 25.09.2024).

References

1. Barack Obama held a welcoming ceremony at the White House to welcome Xi Jinping. URL: http://russian.news.cn/2015-09/26/c_134662484.htm (accessed: 25.09.2024).
2. AUKUS countries will continue testing hypersonic weapons and sea drones. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21968183> (accessed: 25.09.2024).
3. China's Foreign Minister Wang Yi says U.S. wants 'Indo-Pacific NATO'. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/chinas-foreign-minister-wang-yi-says-us-wants-indo-pacific-nato/article65201008.ece> (дата обращения: 25.09.2024).
4. D. Sacks, Will the U.S. Plan to Counter China's Belt and Road Initiative Work? URL: <https://www.cfr.org/blog/will-us-plan-counter-chinas-belt-and-road-initiative-work> (дата обращения: 27.09.2024).
5. Hamas's October 7 Attack: Visualizing the Data. URL: <https://www.csis.org/analysis/hamass-october-7-attack-visualizing-data> (дата обращения: 25.09.2024).
6. Debt pit of Montenegro. URL: <https://tass.ru/opinions/11196953/amp> (accessed: 27.09.2024) (In Russ.).
7. Kuleba made a harsh statement after talks in China. URL: <https://ria.ru/20240726/kuleba-1962061042.html> (accessed: 27.09./2024).
8. Kuleba assured China of his readiness for talks with Russia and support on Taiwan. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/07/25/1051915-kuleba-zaveril-knr-v-gotovnosti-k-peregovoram-s-rossiei> (accessed: 27.09.2024).
9. "Six-Point Consensus" [Electronic resource] Access mode: <https://finance.sina.com.cn/roll/2024-09-27/doc-incqqumu7820476.shtml?cref=cj> (accessed: 09/26/2024).
10. Speech at the Security Council Meeting on Ukraine] — Access mode: https://www.mfa.gov.cn/wjzbzd/202409/t20240927_11498629.shtml (accessed: 26.09.2024).
11. Wang Yi met with Ukrainian Foreign Minister Sybiha. Access mode: (accessed: 26.09.2024).
12. Luzyanin S.G., China between hardness and soft power. / MSIIR University. // URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/229183/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed: 25.09.2024).
13. Mosyakov D.V., The First Socialist War. / Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. // URL: <https://ivran.ru/ivran-v-smi?artid=215818> (accessed: 25.09.2024).

Сведения об авторах

Александр Иванович Лычагин

Д. ист. наук, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: lychagin.a@bk.ru

Оксана Ивановна Бодрова

Канд. ист. наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: oksana-rul@yandex.ru

Дарья Григорьевна Меркулова

ассистент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: dgmerkulova@mail.ru

Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: oksana-rul@yandex.ru

Darya G. Merkulova

Assistant of the Department of Oriental Languages of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: dgmerkulova@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.10.2024;

Одобрена после рецензирования: 30.10.2024;

Принята к публикации: 03.11.2024.

Information about the article

The article was submitted 25.10.2024;

Approved after reviewing 30.10.2024;

Accepted for publication 03.11.2024.

Information about the Authors

Aleksandr I. Lychagin

Doctor of History, Head of Oriental Languages Department of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: lychagin.a@bk.ru

Oksana I. Bodrova

Candidate of History, Associate Professor of Oriental Languages Department of Nizhny Novgorod State University named after N.I.

**Far Eastern cross-border region of Russia in the system of "twin-city"
interaction with China (1990-2020)**

**Дальневосточное трансграничье России в системе «побратимского»
взаимодействия с КНР (1990-2020 гг.)**

Макеева Светлана Борисовна ^{1, 2}

¹Институт демографических исследований
Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академия
наук, Москва, Россия

²Московский государственный университет
технологий и управления им. К.Г. Разумовского

Автор, ответственный за переписку:

msbmag9581@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2953-0411>

Svetlana B. Makeeva ^{1, 2}

¹Institute for Demographic Research – Branch of the
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

²Moscow State University of Technology and
Management named after K.G. Razumovsky

Corresponding author:

msbmag9581@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2953-0411>

УДК (910) + 331.5.024.54 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2024-105-117](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-105-117)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу развития дальневосточного трансграничья в системе межрегионального взаимодействия по линии «побратимских» российско-китайских связей в период с 1990 по 2020 гг. Несмотря на наличие работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных истории межрегионального сотрудничества дальневосточных регионов России и Китая, до настоящего времени не было представлено комплексное исследование истории влияния российско-китайских «побратимских» связей на состояние различных

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the development of the Far Eastern cross-border area in the system of interregional interaction along the line of "twin-city" Russian-Chinese relations in the period from 1990 to 2020. Despite the availability of works by domestic and foreign authors devoted to the history of interregional cooperation between the Far Eastern regions of Russia and China, a comprehensive study of the history of the influence of Russian-Chinese "sister-city" ties on the state of various sectors of the national economy of Russian cross-border territories has not been

отраслей народного хозяйства российских трансграничных территорий. Уникальные материалы, впервые введенные в научный оборот (материалы, предоставленные Министерством планирования развития Забайкальского края, Министерством экономического развития Сахалинской области, Администрацией города Комсомольска-на-Амуре, Администрацией города Магадан, Администрацией Находкинского городского округа, Администрацией Уссурийского городского округа Приморского края) позволяют провести такое исследование. В статье представлен анализ эффективного использования института городов-побратимов и регионов-побратимов в рамках реализации совместных российско-китайских проектов в области экономики, образования, культуры, здравоохранения на территории Приморского, Хабаровского и Забайкальского краев, Сахалинской, Амурской и Магаданской областей. Особую роль побратимские связи сыграли в развитии строительной сферы и жилищно-коммунального хозяйства дальневосточного трансграничья. Проходили совместные культурно-спортивные мероприятия, празднования Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Совместные российско-китайские проекты, связанные с экспортом российской электроэнергии в Китай, являлись труднореализуемыми. Основными проблемами в развитии побратимских связей было недостаточное освещение в медиа-пространстве инвестиционной привлекательности дальневосточного трансграничья для зарубежных инвесторов; ограниченное информирование жителей российских и зарубежных городов о туристическом потенциале дальневосточного

presented so far. Unique materials, first introduced into scientific circulation (materials provided by the Ministry of Planning for the Development of the Trans-Baikal Territory, the Ministry of Economic Development of the Sakhalin Region, the Administration of the city of Komsomolsk-on-Amur, the Administration of the city of Magadan, the Administration of the Nakhodkinsky Urban District, the Administration of the Ussuriysk Urban District of the Primorsky Territory) allow such a study. The article presents an analysis of the effective use of the institution of twin cities and twin regions in the framework of the implementation of joint Russian-Chinese projects in the field of economy, education, culture, health care in the Primorsky, Khabarovsk and Trans-Baikal Territories, Sakhalin, Amur and Magadan Regions. Twin-city relations played a special role in the development of the construction sector and housing and communal services in the Far Eastern cross-border area. The main problems in the development of sister-city relations were insufficient coverage in the media space of the investment attractiveness of the Far Eastern cross-border area for foreign investors; limited informing of residents of Russian and foreign cities about the tourism potential of the Far Eastern cross-border area; insufficient image positioning of the Far Eastern cross-border area abroad, including at international conferences, exhibitions, forums; a narrow range of forms of cooperation with sister cities and twin regions of the PRC.

Keywords. History, Far Eastern cross-border area, Russian-Chinese relations, "twinning" ties, joint projects, construction sector, negotiations, investment attractiveness

трансграничья; недостаточное имиджевое позиционирование дальневосточного трансграничья за рубежом, в том числе на международных конференциях, выставках, форумах; узкий круг форм сотрудничества с городами-побратимами и регионами-побратимами КНР.

Ключевые слова. История, дальневосточное трансграничье, российско-китайские отношения, «побратимские» связи, совместные проекты, строительная сфера, переговоры, инвестиционная привлекательность

Дополнительно: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00276 «Система взаимодействия России и Северо-Восточного, Северо-Западного регионов Китая в условиях обострения мировых угроз в социально-демографической, эколого-экономической сферах», URL: <https://rscf.ru/project/24-28-00276/>

Для цитирования: Макеева С.Б. Дальневосточное трансграничье в системе «побратимского» взаимодействия с КНР (1990-2020 гг.). *Современные востоковедческие исследования*. 2024; Том 6 (4). С. 105-117 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-105-117>

Введение

Одним из ключевых факторов в развитии дальневосточного трансграничья в современный период истории являлось расширяющееся с каждым годом российско-китайское сотрудничество, начиная с 1990-х гг., когда отношения между Россией и КНР перешли от состояния простой нормализации к добрососедскому

Financial supports: The study was funded by the RSF, grant No. 24-28-00276 “The system of interaction between Russia and the North-East, North-West regions of China in the context of the aggravation of global threats in the socio-demographic, environmental and economic spheres”, URL: <https://rscf.ru/en/project/24-28-00276/>

For citation: Makeeva S.B. Far Eastern cross-border region in the system of “twin city” interaction with China (1990-2020). *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№4). P. 105-117 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-105-117>

партнерству. Именно в данный период времени ключевые регионы дальневосточного трансграничья начинали развивать межрегиональное сотрудничество с китайскими провинциями, автономными районами, городами, которое в дальнейшем оказало непосредственное влияние на состояние различных отраслей народного хозяйства российских трансграничных

территорий. Для поддержания различных направлений российско-китайского сотрудничества регионы дальневосточного трансграничья использовали институт городов-побратимов и регионов-побратимов. В 1990-е гг. регионы и города Дальнего Востока России устанавливают побратимские связи с регионами и городами Северо-Востока КНР (провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин) и Автономным районом Внутренняя Монголия (Макеева 2023, 108-118; Андреев 2012, 3-10). Регионы и города дальневосточного трансграничья развивали «побратимские» связи в торгово-экономической, культурной, образовательной, спортивной и экологической сферах.

Целью представленной статьи выступает рассмотрение особенностей развития дальневосточного трансграничья в системе межрегионального взаимодействия по линии «побратимских» российско-китайских связей в период с 1990 по 2020 г. Основу источниковой базы составили материалы, предоставленные Министерством планирования развития Забайкальского края, Министерством экономического развития Сахалинской области, Администрацией города Комсомольска-на-Амуре, Администрацией города Магадан, Администрацией Находкинского городского округа, Администрацией Уссурийского городского округа Приморского края, а также архивные материалы Государственного архива Приморского края.

Основными методами исследования при подготовке статьи являлись проблемно-хронологический и ретроспективный, которые позволили изучить историю влияния «побратимских» российско-китайских связей на раз-

витие дальневосточного трансграничья в современный период истории с 1990 по 2020 гг. Пространственно-территориальные рамки исследования включали основные регионы дальневосточного трансграничья: Приморский и Хабаровский края, Магаданская и Сахалинская области, Забайкальский край.

Приморский край и Забайкальский край в системе «побратимских» связей с городами и регионами КНР

Одним из первых регионов, установившим «побратимские» контакты с китайскими городами и провинциями в 1990-е гг. выступал Приморский край и его города Находка и Уссурийск (Макеева 2023, 108-118). Соглашение о породнении между городами Находка (СССР) и Цзилинь (КНР) было подписано 16 июля 1990 г. председателем Находкинского городского исполнительного комитета Гнездиловым В.С. и мэром города Цзилинь Вэн Минсюй. В 2020 г. исполнилось 30 лет с момента установления побратимских отношений между Находкой и Цзилинем. На протяжении этого периода времени города развивали отношения дружбы и сотрудничества. Был реализован ряд совместных проектов, осуществлялось взаимодействие в таких областях, как экономика, образование, культура, здравоохранение (Антонова 2009, 154). Между городами проводились обмены различными делегациями, в том числе молодежные обмены. Также представители средств массовой информации Находки и Цзилиня длительное время поддерживали двусторонние контакты (Бакланов 2010, 60).

Стоит отметить, что за 1990-2000-е гг., на территории г. Находка по линии «побратимских» связей развивалось сотрудничество в строительной сфере. Китайские специалисты и рабочие из г. Цзилиня успешно работали на объектах города Находки и всего Приморского края. В 1990 г. Первой строительной компанией города Цзилиня была построена средняя общеобразовательная школа в поселке Врангель Находкинского городского округа. В дальнейшем в течение 1990-х гг. при помощи китайских строителей возводились ряд других социальных объектов в Приморском крае. В 2000-е гг. в целях развития деловых связей и активизации двустороннего российско-китайского сотрудничества проводились бизнес-миссии и обмены делегациями предпринимателей, также находкинские специалисты участвовали в торгово-экономических и сельскохозяйственных выставках, ярмарках, проходивших в городе-побратиме Цзилине (Бюджетная... 2015, 3-73).

В июне 2016 г. в ходе визита китайской делегации из Цзилиня во главе с заместителем председателя Торгово-промышленной палаты Чжан Яцзэ было подписано Соглашение о сотрудничестве между Торгово-промышленными палатами городов Находки и Цзилинь (Бюджетная... 2016, 3-76; Бюджетная... 2017, 3-80). В декабре 2016 г. была подписана «Программа сотрудничества между Находкинским городским округом и городом Цзилинь на 2017-2021 гг.»¹. Делегация из г. Находки в 2016 г. приняла участие в церемонии откры-

тия 22-го Цзилиньского международного фестиваля льда и изморози Китая. В апреле 2018 г. состоялась бизнес-миссия города Цзилинь в Находку (Бюджетная... 2018, 3-91). Делегация официальных лиц и предпринимателей в составе 8 человек во главе с заместителем начальника канцелярии иностранных дел Народного правительства г. Цзилинь Сяо Лицунь посетила Находку с целью расширения торгово-экономических связей, поиска потенциальных партнеров и развития взаимовыгодного сотрудничества между предприятиями двух городов. В декабре 2018 г. были проведены переговоры между руководством двух городов-побратимов по вопросам экономического сотрудничества, состоялись деловые встречи с представителями компаний, работающими в сфере торговли, энергетики и жилищно-коммунального хозяйства. В 2020 г. по случаю 30-летия установления побратимских связей между двумя городами планировалось проведение совместных мероприятий, но, к сожалению, из-за пандемии COVID-19 все мероприятия были отменены.

Еще одним городом Приморского края, поддерживающим российско-китайские отношения по линии «городов-побратимов» на протяжении 1990-2020 гг. являлся город Уссурийск. Ввиду своего географического положения взаимодействие с приграничными городами КНР на протяжении долгого периода времени являлось одним из наиболее важных векторов межрегиональных контактов Уссурийска.

¹ Материалы Администрации Находкинского городского округа о развитии российско-китайских побратимских связей на территории Находкинского городского округа с 1990-2020 гг. (составитель: Н.Г. Агрицкая, Руководитель аппарата администрации Находкинского городского округа). Находка, 2020-2024. С. 1-14.

На это указывает подписанное 12 апреля 1993 г. «Соглашение об установлении побратимских отношений между городами Уссурийск и Муданьцзян». 16 мая 2015 г. был заключен «Протокол об установлении побратимских отношений между г. Хуньчунь, провинции Цзилинь, КНР и г. Уссурийск Приморского края РФ» (Постановление... 2015, 109). В течение рассматриваемого периода времени с 1990-2020 гг. были подписаны дополнительные соглашения о побратимских связях с китайскими городами Хунчунь, Цзиси и Мишань (Договоры... 2016, 104; Постановление... 2017, 91).

На протяжении 1990-2020 гг. китайские делегации городов Муданьцзян, Дуннин, Суйфэньхэ, Цзиси, Хуньчунь и Мишань принимали активное участие в мероприятиях, посвященных празднованию Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.; в мероприятиях, посвященных годовщине образования г. Уссурийска; посещение мест воинской славы советских солдат в г. Муданьцзян, г. Суйфэньхэ, г. Дуннин; участие в российско-китайском фестивале культуры и спорта в г. Суйфэньхэ². Города Приморского края на своей территории регулярно проводили такие мероприятия как «Дни культуры провинции Цзилинь», «Форум по торгово-экономическому сотрудничеству и обмену «Китай (провинции Гуандун и Хэйлунцзян) — Россия (Приморский край)», российско-китайский круглый стол «Улучшение среды ведения бизнеса в Приморском крае: ре-

шение актуальных проблем», международной аграрно-продовольственной выставки «Даль-агро. Продовольствие», семинар по вопросам создания российско-китайских экономических зон сотрудничества. Одними из значимых событий, в котором принимали участие представители городов-побратимов Приморского края являлись торжественные мероприятия по случаю годовщин окончания боев на озере Хасан в г. Хуньчуне КНР.

Особая роль в развитии российско-китайских «побратимских» связей, начиная с 1990 г. принадлежала Забайкальскому краю (Читинской области), который имеет протяженную границу с КНР. Данный край одним из первых советских/российских регионов подписал соглашение о развитии «побратимских» связей с Китаем. Трансграничное положение Забайкальского края способствовало развитию торгово-экономических, культурных, научно-образовательных связей с северо-восточной провинцией Хэйлунцзян и Автономным районом Внутренняя Монголия (Макеева 2020, 381-387). Российско-китайский рабочий комитет регулярных встреч по вопросам координации и взаимодействия между Забайкальским краем РФ и г. Маньчжурия КНР решал текущие проблемы при развитии торгово-экономического взаимодействия. За период 1990-2010-е гг. на территории Забайкальского края осуществлялось активное российско-китайское торговое экономическое сотрудничество. Основные товарные

² Материалы Администрации Уссурийского городского округа Приморского края о развитии российско-китайских побратимских связей на территории Уссурийского городского округа Приморского края с 1990-2020 гг. (составитель: Е.А. Делиу, Начальник Управления экономического развития Уссурийского городского округа Приморского края). Уссурийск, 2020-2024. С. 1-14

группы в экспорте составляли лесоматериалы распиленные или расколотые вдоль, руды и концентраты цинковые, автомобили легковые и прочие моторные транспортные средства, предназначенные для перевозки людей, концентрат свинцовый, лесоматериалы необработанные. Структуру импорта Забайкальского края из Китая, в частности из Автономного района Внутренняя Монголия составляли овощи свежие или охлажденные, фрукты свежие, аминосоединения, включающие кислородсодержащую функциональную группу (Ван 2012, 15-20). На территории региона реализовывался ряд инвестиционных проектов с участием китайского капитала (Гу 2017, 25-30). Совместные российско-китайские проекты, связанные с экспортом российской электроэнергии в Китай, являлись труднореализуемыми, в том числе по причине того, что как российские пункты пропуска, расположенные в пределах территории края, так и сопредельные китайские пункты пропуска не имели соответствующей инфраструктуры для транспортировки через границу и таможенного оформления электрической энергии³.

Влияние российско-китайских «побратимских» связей на развитие Сахалинской и Магаданской областей

На протяжении второго десятилетия XXI в. Сахалинская область и входящие в ее состав города Южно-Сахалинск и Холмск проявляли

активное участие в развитии российско-китайских «побратимских» связей. В мае 2016 г. был подписан «Протокол намерений о культурном сотрудничестве между Министерством культуры и архивного дела Сахалинской области и Департаментом культуры провинции Хэйлунцзян на 2016-2018 гг.» (Макеева 2023, 108-118). В июне 2017 г. было заключено Трехстороннее соглашение о сотрудничестве горнолыжных курортов «Горный воздух», «Ябули» и «Русуцу Ризот» между Сахалинской областью, провинцией Хэйлунцзян (КНР) и префектурой Хоккайдо (Япония)⁴. Стороны договорились о проведении мероприятий и обмене информацией с целью распространения зимних видов спорта (горные лыжи, сноуборд и др.), привлечения посетителей, а также проведения гуманитарных обменов по повышению квалификации техники зимних видов спорта.

В рассматриваемый период времени с 1990-2020 гг. на территории Сахалинской области осуществляли деятельность коммерческие организации, учредителями которых являлись компании провинции Хэйлунцзян (Мяо 2016, 36-37). Среди основных стоит отметить ООО СП «Гранд-Давэй» по производству пластмассовых изделий.

Город Холмск Сахалинской области также принимал активное участие в поддержании российско-китайских связей на уровне городов

³ Материалы Министерства планирования развития Забайкальского края о развитии российско-китайских побратимских связей на территории Забайкалья с 1990-2020 гг. (составитель: Н.В. Маргазова, ВРИО Министра планирования развития Забайкальского края). Чита, 2020-2024. С. 1-21.

⁴ Материалы Министерства экономического развития Сахалинской области о развитии российско-китайских побратимских связей на территории Сахалинской области с 1990-2020 гг. (составитель: А.В. Бутуханов, Заместитель министра экономического развития Сахалинской области). Южно-Сахалинск, 2020-2024. С. 1-25.

-побратимов в современный период истории и в 2015 г. было заключено «Соглашение об установлении побратимских связей между г. Холмском и г. Тунцзян китайской провинции Хэйлунцзян». Также в 2015 г. представители администрации г. Тунцзян и г. Холмска подписали «Соглашение о намерении открытия водных транспортных маршрутов между портами». Обе стороны согласились на обмен специалистами, двухстороннюю проверку портов, чтобы установить метод сотрудничества по открытию транспортных маршрутов, и укрепить сотрудничество между портовыми городами. Необходимо отметить, что в настоящее время сотрудничество между г. Холмск и г. Тунцзян развивается медленно. Основными причинами являются: островная расположенность региона, и, как следствие, высокая составляющая транспортных затрат при перевозке грузов и пассажиров; отсутствие глубоководных морских портов; ограниченный характер внутреннего рынка и покупательской способности, что связано с количеством населения области, число которого невелико.

Активную деятельность в развитии российско-китайского межрегионального сотрудничества проявлял еще один город дальневосточного трансграничья Магадан, который установил побратимские связи с китайскими городами Тунхуа в 1992 г. и Шуанъяшань в 2013 г. На протяжении с 1992 по 2020 гг. взаимодействие между Магаданом и городами-побратимами КНР строилось путем обмена де-

легациями для участия в культурных и деловых мероприятиях, среди которых стоит отметить ежегодную Магаданскую международную инвестиционную ярмарку. Среди промышленных предприятий города Магадан активное участие в развитии побратимских связей с КНР принимала ООО «Юго-Западная горнопромышленная компания», нацеленная на сотрудничество с китайскими предприятиями в сфере строительства, городской инфраструктуры, геологоразведки и добычи полезных ископаемых. В 2020 г. в период пандемии COVID-19 китайскими городами-побратимами в город Магадан была направлена гуманитарная помощь в виде медицинских масок и защитных костюмов⁵.

Заинтересованность одного из городов Хабаровского края Комсомольск-на-Амуре в развитии отношений с городами-побратимами КНР

Одним из городов Хабаровского края, поддерживающим «побратимские» связи с КНР являлся Комсомольск-на-Амуре, который имел два китайских города-побратима. 11 июня 1994 г. было заключено «Соглашение об установлении породненных отношений между городами Комсомольском-на-Амуре и Цзямусы (провинция Хэйлунцзян)», а 23 мая 2014 г. был подписан «Протокол о намерениях развития дружественных связей между городом Комсомольск-на-Амуре и городом Вэйнань». На протяжении всего периода времени с 1994 по 2020 г. город Комсомольск-на-Амуре выделял межрегиональные

⁵ Материалы Администрации города Магадан о развитии российско-китайских побратимских связей на территории города Магаданской области с 1990-2020 гг. (составитель: Ю.М. Казетов, Заместитель мэра города Магадан). Магадан, 2020-2024. С. 1-16.

связи с КНР как одни из наиболее приоритетных (Макеева 2023, 108-118). Потенциал в расширении различных направлений сотрудничества с китайскими городами Цзямусы и Вэйнань для Комсомольска-на-Амуре заключается в том, что город Цзямусы — это индустриально развитый город, с более 80 государственными крупными и средними предприятиями, а также с большим количеством частных предприятий (Цзян 2017, 61-64). При этом в городе Комсомольске-на-Амуре, являющимся промышленным городом Дальнего Востока, налажено железнодорожное и авиасообщение, существует водный вид транспорта (Чэнь 2018, 5-15). Поэтому есть возможность создания Комсомольского транспортного узла как транспортно-логистического центра, что позволит активизировать российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество (Ян 2018, 46-51). Оценивая трудности в развитии «побратимских» связей между Комсомольском-на-Амуре и китайскими городами Цзямусы и Вэйнань на протяжении 1994-2020 гг., необходимо отметить следующие проблемы, которые являлись сдерживающими факторами в налаживании международных и внешнеэкономических связей города, несмотря на имеющийся многолетний опыт развития международных контактов и достигнутые результаты: недостаточное освещение в медиа-пространстве инвестиционной привлекательности города Комсомольска-на-Амуре для зарубежных инвесторов; ограниченное информирование жителей российских и зарубежных городов о туристическом потенциале города Комсомольска-на-Амуре; недостаточное имиджевое позиционирование города Комсо-

мольска-на-Амуре за рубежом, в том числе на международных конференциях, выставках, форумах при участии как города, так и правительства края; ограниченное количество эффективных инвестиционных проектов у предприятий и организаций города Комсомольска-на-Амуре для коммерческого инвестирования; узкий круг форм сотрудничества с городами-побратимами; недостаточное использование предприятиями и организациями города механизма выставочно-ярмарочной деятельности для продвижения своей продукции на внешний рынок.

Выводы

Таким образом, города и регионы российского дальневосточного трансграничья в период с 1990 по 2020 гг. поддерживали межрегиональное сотрудничество с китайскими провинциями, автономными районами, городами, которое в дальнейшем оказало непосредственное влияние на состояние различных отраслей народного хозяйства российских трансграничных территорий. Эффективное использование института городов-побратимов и регионов-побратимов способствовало реализации совместных российско-китайских проектов в области экономики, образования, культуры, здравоохранения на территории Приморского, Хабаровского и Забайкальского краев, Сахалинской, Амурской и Магаданской областей. Осуществлялись обмены различными делегациями, проводились бизнес-миссии, российские и китайские предприниматели принимали участие в торгово-экономических и сельскохозяйственных выставках, ярмарках, проходивших в городах-побратимах и регионах-побратимах.

Особую роль побратимские связи сыграли в развитии строительной сферы и жилищно-коммунального хозяйства дальневосточного трансграничья. Проходили совместные культурно-спортивные мероприятия, празднования Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг. Совместные российско-китайские проекты, связанные с экспортом российской электроэнергии в Китай, являлись труднореализуемыми, в том числе по причине того, что как российские пункты пропуска, расположенные в пределах дальневосточного трансграничья, так и сопредельные китайские пункты пропуска не имели соответствующей инфраструктуры для транспортировки через границу и таможенного оформления электрической энергии. За период 1990-2020 гг. при участии китайской стороны на территории дальневосточного трансграничья функционировали предприятия ООО «Сахсиньчжоу», специализирующееся на аренде недвижимости, торговле, строительстве жилых и нежилых зданий, производстве строительного-монтажных работ, ООО «Сахцемент Лунсин» по производству кирпича, изделий из бетона и гипса. Регулярная деятельность Совета межрегионального сотрудничества Российско-Китайского комитета дружбы, мира и развития была направлена на решение таких проблем во взаимодействии городов-побратимов и регионов-побратимов России и КНР, как низкая осведомленность китайских граждан о туристическом секторе российских регионов, отсутствие рекламной деятельности российских фирм в китайских провинциях, ограниченные формы взаимодействия с китайскими организациями различного профиля.

Список литературы

1. Макеева С.Б. История реализации политики Китая по развитию межрегионального «побратимского» сотрудничества с Россией. *Вестник Томского государственного университета*. 2023; № 487. С. 108-118.
2. Андреев А.Б. Геополитический аспект развития трансграничного региона России и Китая (на примере Байкальского региона и Автономного района Внутренняя Монголия). *Вестник Читинского государственного университета*. 2012; Т. 82 (3). С. 3-12.
3. Антонова Н.Е., Бардаль А.Б. Экономическое сотрудничество России и Китая на Дальнем Востоке. *Пространственная экономика*. 2009; № 3. С. 154-158.
4. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Геополитические факторы развития трансграничных регионов. *Таможенная политика на Дальнем Востоке*. 2010; № 1. С. 60-71.
5. *Бюджетная отчетность департамента международного сотрудничества Приморского края за 2015 год*. Государственный архив Приморского края. Ф. 1694. Оп. 10. Д. 260. Л. 3-73.
6. *Бюджетная отчетность департамента международного сотрудничества Приморского края за 2016 год*. Государственный архив Приморского края. Ф. 1694. Оп. 10. Д. 570. Л. 3-76.
7. *Бюджетная отчетность департамента международного сотрудничества Приморского края за 2017 год*. Государственный

- архив Приморского края. Ф. 1694. Оп. 10. Д. 867. Л. 3-80.
8. *Бюджетная отчетность департамента международного сотрудничества Приморского края за 2018 год.* Государственный архив Приморского края. Ф. 1694. Оп. 11. Д. 367. Л. 3-91.
9. *Постановление № 150-на Администрации Приморского края от 21 мая 2015 года «Развитие туризма в Приморском крае на 2013-2017 годы».* Государственный архив Приморского края. Ф. 1694. Оп. 10. Д. 22. Л. 3-189.
10. *Договоры, соглашения между Администрацией Приморского края и министерствами, учреждениями, предприятиями, различными организациями об экономических, научных и культурных связях. 11 января – 12 сентября 2016 г.* Государственный архив Приморского края. Ф. 1694. Оп. 10. Д. 509. Л. 3-189.
11. *Постановление № 197-на Администрации Приморского края от 31 мая 2017 года «Об утверждении региональной программы развития приграничных территорий Приморского края на период до 2020 года».* Государственный архив Приморского края. Ф. 1694. Оп. 10. Д. 625. Л. 3-185.
12. Макеева С.Б. Современный этап истории межрегионального российско-китайского сотрудничества в условиях регионализации. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения.* 2020; Т. 20. (3). С. 381-387.
13. Ван Бининь. (王兵银) Российско-китайское региональное сотрудничество. (中俄在地区事务中的合作). *Периодический журнал Северо-Восточной Азии (东北亚学刊).* 2012; № 3. С. 15-20. (на кит.яз.)
14. Гу Вэй (顾炜). Анализ влияния России в северо-восточном Азиатском регионе, а также усиление ее позиций (俄罗斯在东北亚地区影响力的增强及其可持续性分析). *Периодический журнал Северо-Восточной Азии (东北亚学刊).* 2017; № 5. С. 25-30.
15. Мяо Юйцзюнь (苗雨君). Исследование способов углубление российско-китайского экономического сотрудничества (深化中俄经济合作路径研究). *Международная торговля и экономика (国际经贸).* 2016; № 8. С. 36-37.
16. Цзян Цзин (蒋菁). Изменения и тенденции китайско-российского экономического сотрудничества в новой обстановке (新形势下中俄经济合作关系的变化与趋势). *Периодический журнал Северо-Восточной Азии (东北亚学刊).* 2017; № 6. С. 61-64
17. Чэнь Сяньлян (陈宪良). Анализ торгово-экономического сотрудничества России и четырех провинций Северо-Восточного Китая (中国东北四省区与俄罗斯经贸合作现状分析). *Сибирские исследования (西伯利亚研究).* 2018; № 1. С. 5-15.
18. Ян Лэй (杨雷). Развитие российско-китайских отношений в условиях «Один пояс, один путь» («一带一路»背景下中俄关系的发展). *Периодический журнал*

Северо-Восточной Азии (东北亚学刊).
2018; № 2. С. 46-51.

References

1. Makeeva S.B. History of the implementation of China's policy on the development of interregional "twin-city" cooperation with Russia. *Bulletin of Tomsk State University*. no. 487, 2023, pp. 108-118.
2. Andreev A.B. "The geopolitical aspect of the development of the cross-border region of Russia and China (on the example of the Baikal region and the Inner Mongolia Autonomous Region)." *Bulletin of the Chita State University*, no. 3, 2012, pp. 3-12 (in Russ.).
3. Antonova N.E., Bardal A.B. "Economic cooperation between Russia and China in the Far East." *Spatial Economics*, no. 3, 2009, pp. 154-158 (in Russ.).
4. Baklanov P.Ja., Romanov, M.T. "Geopolitical factors of development of cross-border regions." *Customs policy in the Far East*, no. 1, 2010, pp. 60-71 (in Russ.).
5. *Budget reporting of the Department of International Cooperation of Primorsky Krai for 2015*. State Archives of Primorsky Krai. F. 1694. Op. 10. D. 260. L. 3-73. (in Russ.).
6. *Budget reporting of the Department of International Cooperation of Primorsky Krai for 2016*. State Archives of Primorsky Krai. F. 1694. Op. 10. D. 570. L. 3-76. (in Russ.).
7. *Budget reporting of the Department of International Cooperation of Primorsky Krai for 2017*. State Archives of Primorsky Krai. F. 1694. Op. 10. D. 867. L. 3-80. (in Russ.).
8. *Budget reporting of the Department of International Cooperation of Primorsky Krai for 2018*. State Archives of Primorsky Krai. F. 1694. Op. 11. D. 367. L. 3-91. (in Russ.).
9. *Resolution No. 150-pa of the Primorsky Krai Administration dated May 21, 2015 "Development of Tourism in Primorsky Krai for 2013-2017"*. State Archives of Primorsky Krai. F. 1694. Op. 10. D. 22. L. 3-189. (in Russ.).
10. *Contracts, agreements between the Primorsky Krai Administration and ministries, institutions, enterprises, various organizations on economic, scientific and cultural ties. January 11 - September 12, 2016*. State Archives of Primorsky Krai. F. 1694. Op. 10. D. 509. L. 3-189. (in Russ.).
11. *Resolution No. 197-pa of the Primorsky Krai Administration dated May 31, 2017 "On approval of the regional program for the development of border territories of Primorsky Krai for the period up to 2020"*. State Archives of Primorsky Krai. F. 1694. Op. 10. D. 625. L. 3-185. (in Russ.).
12. Makeeva S.B. The current stage in the history of interregional Russian-Chinese cooperation in the context of regionalization. *News of the Saratov University. New series. Series: History. International relations*, Vol. 20, (3), 2020, pp. 381-387. (in Russ.).
13. Wang Bingyin. "Zhong e zai diqushiwu zhong de hezuo." *Dongbei ya xue kan*, no. 3, 2012, pp. 15-20 (in Chin.).

14. Gu Wei. "Eluosi zai dongbei ya diqu yingxiang li de zengqiang ji qi ke chixu xing fenxi." *Dongbei ya xue kan*, no. 5, 2017, pp. 25-30 (in Chin.).
15. Miao Yujun. "Shenhua zhong e jingji hezuo lujing yanjiu." *Guoji jingmao*, no. 8, 2016, pp. 36-37 (in Chin.).
16. Jiang Jing. "Xin xingshi xia zhong e jingji hezuo guanxi de bianhua yu qu shi." *Dongbei ya xue kan*, no. 6 (2017), pp. 61-64 (in Chin.).
17. Chen Xianliang. "Zhongguo dongbei si sheng qu yu eluosi jingmao hezuo xianzhuang fenxi." *Xiboliya yanjiu*, no. 1, 2018, pp. 5-15 (in Chin.).
18. Yang Lei. "Yidai yilu" beijing xia zhong e guanxi de fazhan." *Dongbei ya xue kan*, no. 2, 2018, pp. 46-51 (in Chin.).

Сведения об авторе

Макеева Светлана Борисовна

д. ист. н., доцент, заведующий отделом региональной демографии Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, профессор кафедры иностранных языков Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского

г. Москва, ул. Фотиевой, 6

e-mail: msbmag9581@yandex.ru.

Information about the author

Makeeva Svetlana Borisovna

Doctor of Historical Sciences, associate Professor, Head of the Department of Regional Demography, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Professor of the Department of Foreign Languages, Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky.

E-mail: msbmag9581@yandex.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.10.2024;

Одобрена после рецензирования: 30.10.2024;

Принята к публикации: 03.11.2024.

Information about the article

The article was submitted 25.10.2024;

Approved after reviewing 30.10.2024;

Accepted for publication 03.11.2024.

The Origin and Development of the External Affairs Service in Ancient China (Western Zhou Period from 1027 BC to 771 BC)

Зарождение и развитие службы внешних сношений в древнем Китае (период Западного Чжоу с 1027 г. до н.э. по 771 г. до н.э.)

Семенов Александр Владимирович

*Дипломатическая академия МИД России,
г. Москва, Российская Федерация*

*Автор, ответственный за переписку:
legatus@bk.ru*

Alexander V. Semenov

*Diplomatic Academy of the Foreign Ministry
of the Russian Federation*

*Corresponding Author:
legatus@bk.ru*

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2024-118-142](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-118-142)

АННОТАЦИЯ

В статье на основе древних источников и работ российских синологов описан и концептуально объяснен генезис службы внешних сношений в Древнем Китае. Особое развитие и расцвет данная служба приобрела в период династии Западного Чжоу (1027 г. до н.э. - 771 г. до н.э.). Излагаются особенности механизма службы внешних сношений, ее функционала и кадрового состава. Приводится основанный на древнекитайском каноне «И ли» пример внешнеполитической миссии и детали ритуализированного поведения, как посещающей стороны, так и принимающей стороны. Дается объяснение причин изменений в функционировании службы внешних сношений в период после Западного Чжоу.

ABSTRACT

The article describes and conceptually explains the genesis of the External Affairs Service in Ancient China based on ancient sources and works by Russian sinologists. This service experienced its greatest development and flourishing during the Western Zhou Dynasty (1027 BC - 771 BC). The article describes the features of the External Affairs Service mechanism, its functionality and personnel. An example of a foreign policy mission and details of ritualized behavior of both the visiting party and the receiving party are given based on the ancient Chinese canon "I li". An explanation is given of the reasons for the change in the functioning of the Foreign Relations Service in the period after the Western Zhou.

Ключевые слова: история Древнего Китая, династия Западное Чжоу, служба внешних сношений.

Для цитирования: Семенов А.В. Зарождение и развитие службы внешних сношений в древнем Китае (период Западного Чжоу с 1027 г. до н.э. по 771 г. до н.э.). *Современные востоковедческие исследования*. 2024; 6 (4). С. 118-142 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-118-142>

Внешняя функция является важной характеристикой социального организма. Через «они» осознается наше «мы», внешние контакты способствуют развитию внутренних функций, внешняя угроза приводит к внутренней консолидации. На разных этапах становления человеческих сообществ — семьи, племени, ранних государственных образований, развитых государств — внешняя функция их аппарата управления играла важную роль.

В древности в Китае понимание внутреннего 内(нэй) и внешнего 外(вай) можно фиксировать в XIII-XII вв. до н.э., когда были обнаружены первые иероглифические надписи на черепаховых панцирях и костях животных. Древние ассоциировали внутреннее и внешнее как положение в пространстве. 内(нэй) — внутри: это был очаг жилища, а 外(вай) — снаружи: это было отдаленное место в горах, где хоронили покойников. Уже в то время коннотация понятий «внутреннего» и «внешнего» была разная.

В древнем Китае в период правления династии Шан-Инь (XIV-XII вв. до н.э.) происходили разнообразные внешние сношения с окружающим миром, которые назывались 外事 (вай ши) — внешние дела. При правителях Шан бы-

Keywords: History of Ancient China, Western Zhou Dynasty, External Affairs Service.

For citation: Semenov A.V. The Origin and Development of the External Affairs Service in Ancient China (Western Zhou Period from 1027 BC to 771 BC). *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№4). P. 118-142 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-118-142>

ла создана система удельных княжеств, которые поддерживали отношения по принципу: сюзерен-вассал. Кроме того, в систему внешних сношений Шан входили сопредельные этнические племена и группы. Поддержание внешних контактов поручали специальным уполномоченным 使 (ши) — посланцам правителя.

Развитие и теоретическое оформление внешней деятельности состоялось в период династии Чжоу (XI-III вв. до н.э.). Основой работы в области внешних сношений в то время явилась концепция миропорядка, начинавшая складываться в период династии Шан-Инь и утвердившаяся в период династии Чжоу. Она имела сакрально-политический характер и оказала глубокое влияние на всю историю древнего и средневекового Китая вплоть до истории нового времени.

В древности миропорядок рассматривался как взаимодействие трех компонентов: Неба, Земли и Человека. Высшим божеством являлось Небо, а правитель считался Сыном Неба и его представителем на Земле. Он имел от Неба сигнатуру на правление — «Небесный мандат» — 天命(тяньмин). Он также был проводником божественной благодати 德 (Дэ),

источником которого было Небо. Именно 德 (дэ) являлось той благотворящей силой, которая давала моральное право правителю управлять своими подданными. Власть правителя распространялась на всю Поднебесную 天下 (тянься), то есть пространство, которое охватывало Небо и вмещала Земля [8, с.37- 46].

В традиционном понимании мироустройство в Китае представляло собой иерархическую структуру открытого типа с внутренним — 内(нэй) и внешним — 外(вай) контурами. Благотворная сила 德 (дэ) правителя изливалась и оказывала влияние не только во внутреннем контуре раннего государства, но и распространялась на внешний контур и даже за внешний контур, то есть на ближних и дальних соседей Поднебесной.

В целостном сознании древних китайцев небесная сила 德 (дэ) охватывала и внутренний 内(нэй) и внешний 外(вай) контуры. Внутреннее и внешнее сливались воедино и рассматривались в тесном взаимодействии. Поддержание устойчивости внутри сообщества и стабильность власти были в приоритете политики правителей, поэтому внутренний контур властной структуры древнего Китая был основным. Внешний контур служил обеспечением внутренней безопасности государства за счет безопасности на границах. Реакция государственных образований, которые находились на внешнем контуре, на стимулы из центра была обратной связью, сигнализирующей эффективность распространения влияния правителя.

Таким образом, мироустройство в древнем Китае — в эпоху Чжоу являлось сложной центростремительной структурой, в середине

которой находился правитель — Чжоуский ван и земли, принадлежащие Чжоускому дому. Затем шли владения удельных князей 诸侯 (чжухоу), которые в большинстве своем были ближними и дальними родственниками вана, а также земли, которые получали чиновники в награду за службу, причем размер уделов зависел от титула владельца. Далее, находились земли, которые не находились непосредственно под контролем дома Чжоу. На них проживали некитайские племена, которых относили к варварам. Их делили по сторонам света 四方 (сыфан) — южные варвары 蛮 (мань), северные 狄 (ди), восточные — 夷 (и) и западные 戎 (жун).

Иерархическое мироустройство Китая, при котором благодать 德 (дэ) через Сына Неба, как солнечные или лунные лучи распространяются по всем сторонам и на все расстояния, подразумевало то, что все, кто попадал под воздействие 德 (дэ), должны были отреагировать, а именно явиться ко двору правителя — Вана, проявить уважение и преподнести подарки. Все вассальные князья должны были по принятому ритуалу периодически отправлять посланцев, демонстрируя свое почтение, и раз в три года самим прибыть к Сыну Неба с подарками. Кроме того, при вступлении на трон каждый князь должен был получить подтверждение титула и назначение со стороны признаваемого всеми Сына Неба. Такой была процедура в границах внутреннего контура.

Внешний контур, за которым жили варвары, но на которых изливалась благодать правителя 德 (дэ), также должны были демонстрировать обратную связь с правителем Поднебесной.

Они были обязаны в установленное время пребывать на аудиенцию к Сыну Неба с данью, чтобы показать свое уважение и почтение. Если они противились установленному порядку, то сын Неба посылал войска и карал их за неповиновение.

Вожди некитайских племен получали грамоту на правление, титул и сигнатуру-печать. Правитель одаривал их богатыми подарками, которые не являлись эквивалентным обменом на полученную им дань. Для сына Неба важным было символическое подтверждение своего сюзеренитета. Направление своих посланцев и личный приезд на аудиенцию князей 诸侯 (чжухоу) и вождей иноземных племен и было демонстрацией и признанием их вассалитета перед Чжоуским ваном. Такова была основа политической власти в древнем Китае [4, с. 28- 35].

Китайский миропорядок начинался в центре и расходился по всем сторонам, как круги на воде. Схематично он выглядел в виде схемы: центр — периферия, — которая работала по принципу: стимул — реакция. Границы между

центром (внутренним контуром) — Чжоуским домом и периферией (внешним контуром) — варварами были подвижными.

Включение территорий варваров мирным путем или с помощью завоеваний во внутренний контур распространяло внешний контур на новые земли, население которых подключалось к китайскому мироустройству.

Особенностью зарождения и становления внешних сношений 外交 (вайцзяо), которые в дальнейшем стали интерпретироваться как дипломатические связи, было тесное переплетение родственных, межплеменных, межэтнических и межпротогосударственных контактов на основе predetermined традицией вассалитета.¹ Мировой порядок «Центр-периферия» на основе идеологической концепции «Поднебесная — варвары» и неравноправные отношения «сюзерена и даннического вассалитета» закладывались во время первых ранних государств Шан-Инь, расцвели в период династии Чжоу, закрепились в ходе правления династий Цинь и Хань и существовали вплоть до конца династии Цин (1644-1911).²

¹ Предetermined вассалитет — термин О. Непомнина. См.[9]

² В советской и российской науке были выделены две тенденции построения мирового порядка в Китае. Одна тенденция мироустроительная — predetermined даннического вассалитета. Другая — равноправных отношений, которые рассматривались китайской элитой как уступка или поражение вследствие слабости государства. Причем обе тенденции зарождались в древнем Китае. В рамках мироустроительной модели применялась и изоляционистская концепция, в соответствии с которой мироустроительное ядро оставалось неприкосновенным для внутреннего использования, а во внешних сношениях применялись стратагемная политика для внесения раскола и ослабления противника, чтобы избежать равноправия во взаимодействии [9]. Российский синолог С.Н. Гончаров осуществил синтез вышеуказанных тенденций. Если рассматривать историю не как ряд изолированных периодов, а как животворный процесс, развивающийся на протяжении тысячелетий, то в ходе данного процесса проявились все тенденции, описанные российскими учеными. На наш взгляд, зародившаяся в ранних государствах древнего Китая концепция мироустройства через predetermined вассалитет явилась доминантой китайской цивилизации вплоть до XIX в., когда она столкнулась с Западным мировым порядком, основанном на концепции: метрополия – колонии [3].

Для обеспечения функционирования т.н. внутренней службы внешних сношений 内政外交 (нэйчжэн вайцзяо) и внешнего взаимодействия у правителей-ванов были специальные представители, которые выполняли поручения по внешним делам 外事 (вай ши). Хотя решения самых важных вопросов войны и мира решали напрямую первые лица государственных образований между собой и с вождями иноземных племен на территории древнего Китая, всю подготовительную работу вели специальные чиновники. Так зарождалась профессиональная деятельность в области внешних сношений, становление которой проходило в ходе правления династии Западного Чжоу (XI-XVIII вв. до н.э.)

После падения династии Шан-Инь в XI в. до н.э. к власти пришли чжоуские племена, которые принадлежали к этносу 华夏 «хуася». Они считаются предками современных китайцев. Правление династии Чжоу делится на два исторических периода — Западного Чжоу (XI-XVIII вв. до н.э.) и Восточного Чжоу (XVIII-III вв. до н.э.). В первый период власть правителей Чжоу была построена на жесткой иерархии и управлялась из центра. Второй период характеризуется ослаблением власти вана, сокращением территории самого Чжоу и усилением центробежных тенденций среди удельных князей. Поддержанием контактов по вертикали между ваном и князьями — в первый период и по горизонтали между князьями, которые

становились независимыми от вана, хотя и сохраняли символическую и сакральную связь с ним, — занимались специальные уполномоченные по внешним сношениям.

Целью данной работы является рассмотреть механизм внешних связей, его структуру, функционал и деятельность. В связи с тем, что внешние сношения были тесно связаны с ритуалом 礼(ли) — правилами взаимоотношений правителя и вассальных князей, разработанных в Чжоу, поэтому основными источниками данной статьи являются древние трактаты «礼记» (Лицзи) — «Книга ритуалов» (IV-I вв. до н.э.) Глава о министре по судебным делам; комментарий к «Лицзи» — 礼记正义 (Лицзи чжэн и) — «Правильное толкование Лицзи», (VI – начало VII века), составленное Кун Инда, а также 仪礼 (И ли) — «Книга церемоний и этикета»³ глава глава 聘礼 (пиньли) — «Этикет визита»; 诗经 (Шицзин) — «Книга песен гимнов» (XI-VI вв. до н.э.).

В советском и российском Китаеведении период правления династии Чжоу рассматривался с точки зрения археологии, политической и военной истории. Российских ученых интересуют особенности китайских традиционных представлений и идеологические проблемы этого периода [3; 4; 5; 6; 8; 9].

Китайские авторы стали углубленно заниматься вопросами конкретного механизма реализации внешней политики периода Чжоу после 2000 г. [14; 15; 16; 17;] В базе данных

³ По традиции составление этой книги приписывают Чжоу-гуну (XI в до н.э.). Некоторые считают, что текст написан в эпоху Чжаньго (Сражающихся царств) (475-221гг. до н.э.). Отредактирован текст был в эпоху Хань (III в. до н.э. – III в. н.э.).[7]

китайских научных работ (CNKI) содержится около 100 статей общего и специального характера, посвященных становлению внешних сношений в период Чжоу. Тем не менее, тема механизма реализации внешнеполитических концепций древнего Китая требует дальнейшего и глубоко изучения. Автор данной работы хотел бы в некоторой степени восполнить пробелы нашего понимания в этом вопросе.

Механизм власти в период правления династии Западное Чжоу (XI-XVIII вв. до н.э.) представлял собой конус с несколькими этажами функционирования, которые связывал по вертикали аппарат управления. Конструкция была похожа на 天坛 (Тяньтань) — Храм Неба в Пекине.

На самом верху находился правитель — Чжоуский ван. Кругами отходили от центра владения удельных князей 诸侯 (чжухоу). За границами территорий князей — чжухоу находились земли нехуасяских племен — варваров.

Внутри данной структуры находился ап-

парат управления. Как в Храме Неба крыша опирается на четыре центральные колонны, которые символизируют 4 времени года, так и Чжоуский ван опирался на четырех чиновников, должности которых тоже были связаны с временами года: 春官 (чунь гуань) — чиновник Весны, 秋官 (цю гуань) — чиновник Осени, 夏官 (ся гуань) — чиновник Лета и 冬官 (дун гуань) — чиновник Зимы. Но главными среди них были 天官 (тянь гуань) — чиновник Неба, 地官 (ди гуань) — чиновник Земли.⁴

Первый среди шести чиновников — 天官 (тянь гуань) — чиновник Неба в соответствии с 六典 (лю дянь) — Шестью сводами законов Чжоу,⁵ кроме прочих обязанностей, отвечал и за внешние сношения Чжоу: за управление, спокойствие, согласие, мир, умиротворение и богатство малых и больших княжеств.⁶

В правительственных органах вана область внешних сношений находилась под руководством чиновника Осени — 秋官司寇 (цюгуань сыкоу), который отвечал за судебные дела. В его штате за внешние дела отвечали чиновники в должности 行人 (син жэнь) —

⁴ По канону «Чжоу ли» (Книга этикета эпохи Чжоу) государственное управление Чжоу находилось в руках 6 министров: чиновником Неба (天官) — 冢宰 (чжунцзай), который отвечал за кадровый состав и был главным министром; чиновником Земли (地官) — 司徒 (сыту), который отвечал за финансы; чиновником Весны (春官) — 宗伯 (цзунбо), отвечавшим за вопросы культа и ритуала; чиновником Лета (夏官) — 司马 (сыма), который занимался военными делами; чиновником Осени (秋官) — 司寇 (сыкоу), отвечавшим за судебные дела, и чиновником Зимы (冬官) — 司空 (сыкун), отвечавшим за общественные и ирригационные работы [11].

⁵ Шесть сводов законов (эпоха Чжоу: 治典 Кодекс управления царством, 教典 Кодекс обучения и воспитания, 礼典 Кодекс этикета, 政典 Кодекс внутренней службы, 刑典 Кодекс наказаний, 事典 Кодекс службы)

⁶ В тексте записаны иероглифы 邦国 (бан го), которые в Большом китайско-русском словаре имеют перевод: большие и малые государства. В своей статье о семантике бан и го А.Т. Габуев полагает, что переводить сообщества того времени современным термином государство-state некорректно [2].

букв. «человек, передвигающийся по земле».⁷

Должность 行人 (син жэнь) фактически являлась службой по приему гостей из малых и больших государств (邦国 банго) и поддержания постоянных контактов между Чжоу и вассальными владениями и государствами путем обмена представителями. Этико-идеологической основой деятельности данной службы был ритуал 礼 (ли) — особые правила предварительного вассалитета, которые должны были соблюдать все государства, вступавшие в контакт с Чжоу.

Придание службы внешних сношений чиновнику по внутренним судебным делам и подчинение ритуала и обряда 礼 (ли) закону 法 (фа) объяснялись внутренними причинами.

В начальный период династии Чжоу, когда не так давно произошел захват территории государства Шан-Инь и его вассалов, полицейские и карательные функции власти оказались в большей степени востребованными. Борьба с остатками неподчинившихся иньцев требовала применения жестких мер. Учреждение системы вассалитета и распределение новых земель между родственников вана, его наместниками, установление контактов с иноземными народами нуждались в постоянном инспектировании и контроле. Совмещение двух функций церемониальной и полицейской в начале прав-

ления Чжоуского вана было оптимальным решением вопроса безопасности и стабильности государства. После упрочения положения Чжоу в едином механизме управления 礼 (ли) плюс 法 (фа), акцент был сделан на контроле за соблюдением ритуала для поддержания всей системы вассалитета в равновесии.

Служба по приему гостей включала две должности старшего чиновника 大行人 (да синжэнь), которую занимали сановники в ранге 中大夫 (чжун да фу), и четыре должности младших чиновников — 小行人 (сяо синжэнь), которую занимали сановники в ранге 下大夫 (ся дафу).⁸

Должностные обязанности старших чиновников — 大行人 (да синжэнь) в соответствии с трактатом «Лицзи» состояли в следующем: они «отвечали за церемонию приема высоких и важных гостей — князей (чжухоу). Весной князя приезжали на аудиенцию к вану, чтобы планировать дела в Поднебесной; осенью посещали вана, чтобы сравниться за слугами своих малых и больших государств; летом чжухоу приезжали к вану, чтобы (он посмотрел) как запланированы дела в Поднебесной; зимой князя наносили визит вану, чтобы последний помог разрешить их сомнения. На периодических съездах ван распространял среди государств запреты⁹ (против непокорных).

⁸ В период Чжоу ранги чиновников включали 卿 (цин) — министр (канцлер), 大夫 (да фу) — сановник-советник (имел три ранга): 上大夫 (шан да фу) советник высшего ранга, 中大夫 (чжун да фу) — советник среднего ранга, 下大夫 (ся да фу) — советник низшего ранга), и 士 (ши) — служилый, которое тоже имел три ранга — 上士 (шан ши) — служилый высшего ранга, 中士 (чжун ши) — служилый среднего ранга, 下士 (ся ши) — служилый низшего ранга[11].

⁹ Речь идет о праве вана на девять видов вмешательства в дела больших и малых государств — 九伐之法 (цзю фа чжи фа).

На общих аудиенциях ван давал указания об управлении в Поднебесной.¹⁰ Во время периодических визитов чжухоу ван проявлял к ним свою милость и дружбу. Во время визита посланца (вместо князя) ван искоренял дурные намерения больших и малых государств». ¹¹

Встреча и обслуживание высоких гостей — князей чжухоу и их первых министров требовали знания этикета и церемоний для организации приема в соответствии с их титулами и рангами. Эта работа и лежала на плечах старших чиновников — 大行人 (да синжэнь).

Должностные обязанности младших чиновников — 小行人 (сяо синжэнь), по трактату «Лицзи», включали следующие функции: они «отвечали за книгу ритуала гостей высокого и низкого ранга из малых и больших владений¹² и принимали посланцев из всех прилегающих земель. Побуждали чжухоу весной приезжать (ко двору) с данью,¹³ а осенью докладывать о достижениях; ван лично принимал их и относился к ним по этикету в соответствии с записями-заслугами¹⁴ каждого государства. Каждого чжухоу, который ехал с визитом к вану, встречали на границе столичных земель¹⁵

и приветствовали (в соответствии с этикетом). Выражали ему признательность, размещали на постоялом дворе, помогали с подарками и оказывали необходимую помощь. Из посланцев всех владений гостей высокого ранга¹⁶ препровождали к вану, а у гостей низкого ранга¹⁷ принимали подарки и заслушивали их доклады».

По традиции, князя чжухоу были обязаны отправлять с данью и отчетом своих чиновников к Чжоускому вану в следующем режиме: чиновник в ранге 大夫 (дафу) советника — один раз в год; чиновник в ранге 卿 (цин) министра (канцлера) — один раз в три года; сам князь 诸侯 (чжухоу) должен был посетить Ван на один раз в пять лет. Отличались и иероглифы, которыми обозначали официальные визиты вышеуказанных трех категорий: 小聘 (сяо пин) малый визит — для сановника 大夫 (дафу); 大聘 (да пин) большой визит — для министра 卿 (цин) министра; и 朝 (чао) визит-аудиенция — для князя 诸侯 (чжухоу).

Во время визита в соответствии с каноном «Лицзи» правителям полагались помощники 介 (цзе). Их количество зависело от титула правителя: у старшего гуна 上公 (шан гун)

¹⁰ По традиции один раз в 12 лет Ван объезжает вассальные государства с инспекционной поездкой, однако в те года, когда отказывается от дальних визитов, проводятся общие аудиенции чжухоу у вана.

¹¹ Неприбытие на аудиенцию являлось проявлением непокорности и отклонением от правил этикета. Подобное поведение обычно жестко каралось со стороны вана.

¹² В книгу ритуала заносили имена титул и должность приезжавших гостей.

¹³ Дань преподносили вану из шести полос вассальных владений 六服 (люфу) шириной в 500 ли каждое (Примечание: 1 ли равно 0,5 км)

¹⁴ Доклады чжухоу о достижениях

¹⁵ Речь идет о землях в поясе на 500 ли вокруг столицы Чжоу

¹⁶ Гости высокого ранга — это чжухоу и первые министры — 卿 (цин)

¹⁷ Гости низкого ранга – это чиновники с титулом 大夫 (дафу)

было 9 помощников 介 (цзе); у 候 (хоу) и 伯 (бо) — 7 помощников; а у 子 (цзы) и 男 (нань) — 5 помощников.¹⁸ Все помощники участвовали в церемониях по приему миссии.

Младшие чиновники — 小行人 (сяо синжэнь) следили за правильным исполнением этикета высокими гостями и наличием полномочий у прибывающих посланцев 使 (ши) или 使者 (шичжэ).¹⁹

В качестве подтверждения полномочий служили верительные таблички 符节 (фуцзе).

Для государств, которые находились в горах, посланцу вручалась табличка с изображением тигра — 虎节 (хуцзе); для государств, находящихся на равнине, использовалась табличка с изображением человека — 人节 (жэньцзе), а для государств, где было много рек и водоемов, посланец брал с собой табличку с изображением дракона 龙节 (лунцзе). Все таблички были сделаны из бронзы и имели небольшой размер для удобства ношения. Верительные таблички использовались для проезда

по территории больших и малых владений и для въезда и выезда из городов. Для провоза подарков (ценностей и тканей) во владениях вана выдавалась специальная табличка с печатью 玺节 (сицзе).

Для проезда по дорогам посланцам выдавали верительный флаг — 旌节 (цинцзе). В начальный период Западного Чжоу (XI-VIII вв. до н.э.) верительные флаги являлись символом власти чиновников внутренних областей дома 乡大夫 (сян дафу) и чиновников внешних областей 遂大夫 (суй дафу), относившихся к дома Чжоу.

Верительные флаги имели свои отличия. Если к вану отправлялась миссия во главе с местным правителем чжухоу, то на флаге располагалась эмблема государства данного правителя. Если на прием к вану отправляли посланца — 使 (ши), то верительный флаг был обычным для проезда по дорогам и представлял собой бамбуковое древко с бунчуком из шерсти из красной материи, окаймленной бахромой. При проезде застав на границе

¹⁸ 公 (гун), 侯 (хоу), 伯 (бо), 子 (цзы), 男 (нань) — это название титулов Чжоуской аристократии, которые сохранялись на протяжении длительной истории Китая. В западной синологии данным титулам дали приблизительные соответствия: 公 (гун) — князь или герцог, 侯 (хоу) — маркиз, 伯 (бо) — граф, 子 (цзы) — виконт, 男 (нань) — барон.

¹⁹ Название иероглифов было известно еще со времени династии Шан-Инь. Их этимология связана с идеограммой человека с флагом в руках. Иероглиф 使 (ши) — посланец — состоит из двух частей: иероглифа 人 (жэнь) — человек и иероглифа 吏 (ли) — чиновник — и имеет значение побуждать чиновника к действиям. В одном из первых иероглифических словарей «Шовэнь» 使 (ши) объясняется как 伶 (лнн): иероглифа 人 (жэнь) — человек и иероглифа 令 (лин) — приказ, указание, то есть человек, получивший приказ. Этимологически 使 (ши) — посланец, в дальнейшем посланник и 大使 (да ши) — посланник высокого ранга — посол — имеют один исторический корень с иероглифами и понятиями: 吏 (ли) — чиновник, которым и является посланец; 事 (ши) — дела, которыми занимались чиновники, или 大事 (да ши) — Обольшие дела, которыми занимались большие чиновники — послы — 大使 (да ши); и иероглиф 史 (ши) — история, историограф — чиновник, который обязан был фиксировать все дела чиновников, служащих внутри государства или находившихся с миссией на выезде [19].

верительный флаг являлся пропуском на территорию другого государства.

Младшие чиновники — 小行人 (Сяо синжэнь) также контролировали подтверждение властных полномочий у приезжающих на аудиенцию к вану князей Чжоу.²⁰

Во время визитов чиновники по приему гостей — 行人 (син жэнь) координировали свою работу с несколькими службами Чжоуского правительства:

- 1) службой церемоний, в которой гостей инструктировали о правилах этикета на аудиенции. Возглавлялась церемониймейстером 司仪 (сы и). В состав службы входили чиновники по этикету и церемониям — 8 человек в ранге 上士 (шанши) — служилый высшего ранга, и 16 человек в ранге 中士 (чжунши) — служилый среднего ранга; курьеры 32 человека в ранге 下士 (сяши) служилый низшего ранга; архивариусы 府 (фу) — 4 человека; историографы 史 (ши) — 8 человек; секретари 胥 (сюй) — 8 человек и чиновники по мелким поручениям 徒 (ту) — 32 человека [13];
- 2) службой безопасности. Возглавлялась чиновником, отвечавшим за прием гостей и их безопасность — 環人 (хуаньжэнь). В его обязанности входили встреча и проводы гостей на границе владения Чжоуского вана, обеспечение гостей вери-

тельным флагом для проезда застав без задержек, размещение в гостиницах по пути в столицу, предоставление ночной охраны и безопасность вещей и инвентаря, принадлежащих гостям. В штат службы входили чиновники по безопасности — 4 человека в ранге 中士 (чжунши) — служилый среднего ранга; историографы 史 (ши) — 4 человека; секретарь 胥 (сюй) — 4 человека и чиновники по мелким поручениям 徒 (ту) — 40 человек [13];

- 3) службой размещения гостей. Возглавлялась чиновником по размещению 掌客 (чжанкэ). Он отвечал за проведение церемонии принесения в жертву животных и организацию питания гостей во время визита к вану. Он также сопровождал вана во время инспекционной поездки по вассальным государствам и отвечал за подготовку провианта и проведение пиршеств в честь приезда государя. В штат службы входили чиновники-распорядители 3 человека в ранге 上士 (шанши) — служилый высшего ранга, и 4 человека в ранге 下士 (сяши) — служилый низшего ранга; архивариус 府 (фу) — 1 человек; историографы 史 (ши) — 2 человек; секретари 胥 (сюй) — 2 человека и чиновники по мелким поручениям 徒 (ту) — 20 человек [13];

²⁰ В «Лицзи» перечислены атрибуты власти Чжоуской знати: на приеме почетных гостей ван использовал яшмовый скипетр 璜圭 (чжэньгуй), у титула 公 гун был двойной (разветвленный) яшмовый скипетр 桓圭 (хуаньгуй), у титула 侯 хоу — яшмовый скипетр с прямой человеческой фигурой 信圭 (синьгуй), у титула 伯 бо — яшмовый скипетр с согнутой человеческой фигурой 躬圭 (гунгуй), у титула 子 цзы — нефритовый диск с изображением колосьев 谷璧 (губи), у титула 男 (нань) — круглая плоская яшма с отверстием посередине и узорами в виде пучков тростника 蒲璧 (пуби).

4) службой сопровождения. Возглавлялась чиновником-сопроводителем 掌訝 (чжангя). Он с начала и до конца обеспечивал визит гостей к вану. Первым встречал на границе высоких гостей, организовывал отдых, питание и охрану имущества по пути в столицу. Во время пребывания в Чжоу помогал гостям решать все бытовые и служебные вопросы. Участвовал в их подготовке к аудиенции у вана. Организовывал проводы гостей до границы государства. Работал в тесном контакте с другими службами. Каждый высокий гость имел своего сопровождающего: у князей чжухоу был первый министр 卿 (цин), у первого министра — советник 大夫 (дафу), у советника — служилый 士 (ши), и служилому также был придан сопроводитель. Штат службы состоял из сопроводителей — 中士 служилых среднего ранга в количестве 8 человек, архивариусов 府 (фу) — 2 человек, историографов 史 (ши) — 4 человек, секретарей 胥 (сюй) — 4 человек и чиновников по мелким поручениям 徒 (ту) — 40 человек [13];

5) службой переводчиков. Они обслуживали внешние контакты с некитайскими племенами юга, севера, востока и запада. Участвовали в приеме посланцев от иноземных государств, передавали им слова вана и разъясняли им ритуал Чжоу. Без них не обходились церемонии встреч и проводов, передача подарков правителю и обмен речами.

Переводчики имели 1 должность 上士 (шанши) — служилого высшего ранга, 2 должности 中士 служилых среднего ранга, 8 должностей 下士 (сяши) — служилых низшего ранга и 20 должностей 徒 (ту) чиновников по мелким поручениям [13].

Приезд правителей вассальных государств, наместников ленных земель государя и посланцев от иноземных правителей являлись событием в жизни Чжоу. В приеме участвовали многие чиновники и службы правительства вана. За координацию всей работы отвечали чиновники службы по приему гостей — 行人 (синжэнь).

Служба по приему гостей 行人 (синжэнь) активно работала и на внешнем контуре государства Чжоу. Внешними сношениями считались отношения с вассальными княжествами, которые находились в 500 ли от столицы Чжоу, за пределами земель, принадлежащими вану. Воспитание своих вассалов в рамках установленных правил 礼 (ли), контроль за соблюдением церемоний и этикета, изучение политической и экономической обстановки на зависимых территориях, сбор информации об умонастроениях подданных.

Служба по приему гостей отвечала за отправку миссий к князьям чжухоу и некитайским народам.

На основании исторического источника 仪礼. 聘礼 (И ли. Пиньли) — «Ритуал этикета. Ритуал визита»²¹ приводится краткое изложение модели визита в вассальное государство того времени.

²¹ «И ли» (Ритуал этикета) — одна из 13 книг конфуцианского канона, считается частью трактата 礼记 «Ли цзи» — Книга ритуалов.[11]

Решение о назначении посланцев 使 (ши) принимали государь и три министра в ранге 卿 (цин). Посланцев обычно выбирали из сановников высокого ранга — министров 卿 (цин).

Выбранный сановник дважды отдавал земной поклон и выражал свой отказ. Государь не принимал отказ, и сановник соглашался стать посланцем. Та же самая процедура проводилась и для назначения заместителя посланца. Обычно это был сановник в ранге — советника 大夫 (дафу), который отвечал за вопросы, связанные с церемониями и этикетом. Далее, первый министр отдавал приказ чиновнику по военным делам 司马 (сыма) назначить четырех чиновников младшего ранга 士 (ши) помощниками посланца, причем они не имели права на отказ.

Подготовка подарков для миссии также была частью церемонии назначения посланцев. Сначала первый министр составлял список подарков и отдавал приказ чиновнику по придворному протоколу 宰夫 (цзайфу) организовать своих помощников в подготовке подарков. Вечером, за день до отъезда подарки выставлялись для одобрения. Обычно в качестве подарков выступали шкуры диких животных, например, оленьи шкуры и отрезы черного и алого шелка.

В церемонии одобрения подарков участвовал государь и все первые лица. Главный историограф 太史 (тайши) зачитывает список подарков, записанный в реестре, и проверяет их наличие. Первый министр берет реестр и докладывает государю о готовности подарков для миссии, а затем передает реестр посланцу, который отдает его своему заместителю. Затем

сопровождающие лица загружают подарки в экипаж.

Перед поездкой подарки проходят «освящение» в храме предков. Сначала в храме на циновках и столиках размещаются подарки, и жрец читает молитву о том, чтобы миссия прошла успешно. Посланец тоже присутствует на церемонии. Затем подарки складывают за дверями храма, и жрец молится духам дороги.

После совершения церемонии в храме предков посланец едет к правителю за приказом. В коляске с верительным флагом во главе своих помощников он подъезжает к парадному входу. Государь отправляет первого министра для встречи и препровождения посланца во дворец. Правитель приветствует посланца церемониальным поклоном со сложенными у груди руками.

Посланец стоит перед государем и заслушивает приказ. За посланцем слева стоит его заместитель. Чиновник, отвечающий за закупку подарков, — 贾人 (гуажэнь) открывает деревянную шкатулку, достает скипетр из яшмы и подвески на шнуре и передает их первому министру, который в свою очередь вручает их посланцу. Эти предметы являются верительными атрибутами главы миссии.

В соответствии с повелением государя посланец излагает задачи миссии своему заместителю, который берет яшмовый скипетр и подвески и передает их чиновнику, отвечавшему за закупки, — 贾人 (гуажэнь). По той же процедуре супруга государя передает малый скипетр 璋 (чжан) в качестве верительного предмета.

Такова была подготовка к визиту высокого уровня, где посланцем был один из первых министров в ранге 卿 (цин).

Реализация целей и задач миссии также имела ряд этапов, которые отличались церемониальными особенностями.

В связи с длительностью пути миссия останавливалась на ночлег в гостиницах на землях царства Чжоу, причем для проезда демонстрация верительного флага не требовалась, и его временно сворачивали.

Доехав до границы соседнего удельного княжества, посланец отправляет помощника за разрешением на проезд. Помощник едет к чиновнику внешнего двора — 外朝官 (вайчао гуань) с просьбой провести миссию по территории их княжества. С собой помощник берет отрез шелка как плату за транзит.

Чиновник соседнего государства в ранге младшего советника — 下大夫 (ся дафу) берет шелк и после доклада князю получает разрешение на проезд. Князь также в соответствии с ритуалом вручает посланцу в подарок туши трех жертвенных животных,²² зерно на дорогу и фураж для лошадей. Представитель князя — чиновник 士 (ши) указывает путь миссии до следующей границы. На границе миссия останавливается, и историограф 史 (ши) зачитывает клятву-наставление о выполнении задания государя.

До пересечения границы государства, куда миссия направляется с визитом, проводится репетиция вручения подарков. Участвуют все младшие помощники. Они держат дары, кото-

рые будут размещены в парадном зале дворца. Репетируют передачу подарков от государя и от его супруги. Не практикуется подготовка для проведения церемонии вручения подарков при личных встречах.

По прибытию на границу княжества назначения на коляске устанавливается верительный флаг. Произносится клятва о ненарушении этикета. Миссия докладывает начальнику заставы о своем приезде. Начальник спрашивает о количестве сопровождающих лиц и получает ответ от помощника посланца. Правитель княжества отправляет на границу чиновника 士 (ши), чтобы узнать о причинах визита. После этого миссии разрешается свободный въезд.

После пересечения границы в миссии свертывают верительный флаг, ставят шатер главному гостю — посланцу и раскладывают подарки. Происходит церемония проверки состояния подарков. Члены миссии одевают парадные одежды. Чиновник, ответственный за подарки 贾人 (гужэнь), достает скипетр, протирает его и демонстрирует всем. Заместитель посланца осматривает скипетр, после чего его снова помещают в деревянную шкатулку. Перед шатром раскладывают шелк. Точно так же демонстрируют и подарки супруги правителя. Чиновник 贾人 (гужэнь) докладывает заместителю посланца, а последний сообщает главному гостю (о состоянии подарков). Младшие чиновники раскладывают отрезки шелка для подарков чиновникам принимающей стороны. Об их наличии и состоянии напрямую докладывают посланцу. Процедура проверки подарков и на дальнем предместье принимающего княжества

²² Три жертвенных животных — теленок, козленок и поросенок

и во время остановки на ночлег в гостинице для приезжих гостей.

Добравшись до ближнего предместья и остановившись в гостинице, посланец приказывает установить верительный флаг. Князь направляет к миссии чиновника в ранге 大夫 (дафу), чтобы узнать, куда направляется миссия. После возвращения советника правитель направляет первого министра в парадных одеждах с подарками в виде отрезков шелка для встречи гостей. Заместитель посланца встречает министра и докладывает о нем главному гостю. Посланец приветствует первого министра и в соответствии с протоколом сначала вежливо отказывается от подарков. Затем приглашает первого министра в дом, где и принимает подарки князя. В доме встречающим в качестве благодарности за встречу преподносят оленьи шкуры и парчу. Обмен подарками сопровождается церемониальными поклонами.

Супруга правителя также направляет советника 大夫 (дафу) для встречи приехавшей миссии. Он держит два короба с крышками – один с внутренним покрытием из черной ткани, другой — из красной. Короба наполнены финиками и каштанами. Держа в правой руке финики, а в левой — каштаны, он подходит к дому, где разместились миссия. Главный гость соглашается взять подарки супруги князя и принимает сановника, оказывая ему уважение, как первому министру.

Когда миссия прибывает на внешний двор (дворца), ее встречает правитель принимающего княжества. Хозяин и гость обмениваются церемониальными поклонами и этикет-

ными фразами. Членов миссии вводят в павильон, где приготовлен неформальный обед. Управляет церемонией обеда чиновник по придворному протоколу — 宰夫(цайфу).

В западной части зала в соответствующих сосудах разложено отваренное мясо трех жертвенных животных, а в восточной части — подготовлено сырое, для последующего приготовления. Количество пищи распределялось в соответствии с рангом членов миссии. Для посланца было приготовлено 12 треножников 鼎 (дин) с мясом, 8 сосудов с вареным просом 簋 (гуй), 6 сосудов с жертвенным супом 鬲 (син), 2 глубоких подноса для вареного зерна 簠 (фу) и 8 чайников с вином 壺 (ху). Заместителю посланца полагалось такие же блюда, только меньше по количеству. Помощники посланца ели только козлятину и свинину. Кроме того, в кладовой были готовы отваренные просо и рис, жертвенный суп с приправами и вино. На улице дополнительно стояли телеги с зерном, дровами и травой для лошадей.

На следующий день проводится церемония приема миссии во дворце правителя принимающей стороны. Посланец надевает парадную одежду из оленьей кожи и белую кожаную шапку. За ним заезжает первый министр и везет его во дворец. У больших ворот дворца их встречает правитель, одетый в парадную одежду из оленьей кожи. Он ведет миссию к храму предков. Поднявшись по ступеням в храм, в центральном зале посланец зачитывает князю повеление вана и передает ему яшмовый скипетр. При выходе из храма главный гость дарит князю отрез парчи и яшму. Церемония сопровождается соответствующими

поклонами. Перед храмом размещают шкуры животных. После окончания церемонии в храме помощники посланца вручают шкуры хозяевам. Супруге правителя передают малый яшмовый скипетр 璋 (чжан) и преподносят в дар восьмигранную яшмовую регалию с круглым каналцем в середине 琮 (цун).

Далее, посланец делает запрос о личной встрече с правителем. Получает утвердительный ответ. Встреча проходит в большом зале храма предков, в котором размещаются циновки для сидения и столик для ритуальных церемоний. На столике стоят бамбуковые и деревянные вазы для фруктов и злаков, сухое мясо и мясной соус. Приносят также сосуд 觥 (чжи) со сладким вином и костяной ковшик 杓 (сы). Сначала гость совершает поклонение духам предков и церемонию жертвоприношения. Затем вместе с правителем вкушают сладкого вина. Посланец преподносит князю отрезки парчи, а князь в свою очередь дарит отрезки шелка и четверку лошадей. Кроме посланца, его заместитель обращается к управляющему церемонией встречи с просьбой вручить подарок князю. Получив утвердительный ответ, он преподносит правителю отрезки парчи и две оленьи шкуры. Закончив церемонию обмена подарками, посланец и сопровождающие его лица возвращаются в гостиницу.

Посланец также передает подарки первому министру, а его заместитель — советнику, которые участвовали в приеме миссии. В качестве подарков фигурируют отрезки шелка.

Супруга правителя также организует церемонию преподнесения подарков руководителям миссии. Посланцу вручают четверку лошадей и отрезки шелка, а его заместителю пару лошадей и отрез шелка. Принимающая сторона устраивает легкий завтрак и торжественный ужин в честь отъезжающих дороги и гостей.

Перед отъездом правитель приказывает первому министру вернуть посланцу верительные предметы. Первый министр и посланец в парадных одеждах из оленьей кожи проводят церемонию возврата яшмовых большого скипетра 玉圭 (юйгуй) и малого скипетра 璋玉 (чжаньюй). Возвращены и предметы, которых использовали при встрече миссии, — кольцеобразная яшмовая регалия 璧 (би), отрез шелка и четыре оленьи шкуры.

Почетных гостей приезжает проводить правитель княжества, который передает свое повеление посланцу. Перед выездом с территории дворца миссии в качестве подарка вручают 4-х птиц.²³ Стороны обмениваются традиционными церемониальными поклонами.

Во время остановки миссии в ближнем предместье правитель отправляет первого министра 卿 (цин), младшего советника 下大夫 (ся дафу) и младшего чиновника 士 (ши) совершить обряд проводов и вручить подарки на дорогу (обычно это были отрезки шелка) членам миссии в соответствии с должностью — посланцу, его заместителю и помощникам.

Подарки принимаются и в благодарность исполняются церемониальные поклоны.

²³ Птицы, которых дарили во время визита, были гуси и фазаны.

До границы княжества миссию сопровождает младший чиновник 士 (ши).

Добравшись до ближнего предместья столицы, посланец отправляет гонца с докладом о возвращении миссии. Затем совершив обряд жертвоприношения у ворот столицы для отведения несчастий от государства, посланец с развернутым верительным флагом въезжает в административный центр страны. Затем он едет во дворец и в зале выкладывает все подарки, полученные от правителя и первого министра, Заместитель размещает свои подарки.

Их встречает правитель и первый министр. Посланец возвращает первому министру большой яшмовый скипетр 玉圭 (юйгуй), а его заместитель передает малый яшмовый скипетр 璋玉 (чжаньюй). Затем посланец делает краткий доклад о том, что приказ государя зачитан и передан в руки князя и что подарки приняты с благодарностью.

Правитель выражает признательность за службу и велит первому министру наградить посланца и его заместителя. После церемониальных поклонов глава миссии и заместитель покидают дворец.

В заключение посланец в зале своего храма предков устраивает небольшой пир по поводу успешного завершения миссии. В зал вносят циновки, столики, кубки для вина, сухое мясо и мясной соус. Приглашены члены мис-

сии. Сначала присутствующие поднимают первый тост за посланца, который выступает с ответным тостом. Затем гости обмениваются тостами за всех сопровождавших миссию лиц. Заместитель посланца в своем храме предков организует такое же пиршество.

В документе приводится пример визита высокого уровня, когда миссию на вассальную территорию возглавлял первый министр 卿 (цин), который был назначен посланцем 使 (ши). Он был одним из тех доверенных чиновников, который в данном случае совмещал должности. Важную роль играл его заместитель в ранге 大夫 (да фу). Он как раз мог быть из старшего состава Службы по приему гостей — 大行人 (да син жэнь).²⁴ Помощниками посланца были назначены младшие чиновники 士 (ши) из Службы военного приказа. Эти места также занимали младшие чиновники Службы приема гостей 小行人 (сяо синжэнь). Последние также отправлялись с визитами более низкого уровня и их называли уполномоченные по внешним делам 行李 (синли) или 行理 (синли).²⁵

В источнике обращается внимание на то, что для осуществления визита посланцам 使 (ши) вручали верительные таблички 符节 (фуцзе) для подтверждения их полномочий.

В администрации Чжоуского вана выдачей атрибутов полномочий занимался Отдел

²⁴ В тексте источника не говорится к какому ведомству принадлежал заместитель. Возможно, что заместителя подбирал себе посланец.

²⁵ 行李 (синли) и 行理 (синли) являются фактически взаимозаменяемыми словами со второй одинаково звучащей частью. В исторических источниках в одинаковом значении употребляется как первое, так и второе слово.

верительных табличек — 掌节 (чжанцзе),²⁶ который подчинялся чиновнику Земли — 地官 (дигуань). Чиновник Отдела верительных табличек в зависимости от статуса и целей миссии выдавал посланцам вана специальные верительные таблички 符节 (фуцзе). Для визита к князьям чжухоу посланец получал верительные аксессуары из яшмы — 玉节 (юйцзе), это были большой яшмовый скипетр 玉圭 (чжангуй) для главы миссии и малый яшмовый скипетр 璋玉 (чжаньюй) для его заместителя.

Для посещения наместников на землях, полученных в кормление от государя, необходимо было получить верительную табличку из рога — 角节 (цзяоцзе). На ленных землях царствующего дома использовалась верительная табличка из бамбука — 管节 (гуаньцзе).

Передвигались между Чжоу и вассальными государствами на колесницах, запряженных лошадьми. Уровень визита зависел от количества лошадей у посланца. Высокий уровень миссии определялся четверкой запряженных лошадей. Более низкий уровень миссии соответствовал тройке или двойке лошадей. В древности посланцев также именовали в за-

висимости от экипажа, на которых они передвигались: «легкая колесница» 輶轩 (юсюань)²⁷ или «парадный экипаж» 轩车 (сюань чэ).²⁸ В источнике показано, что лошади были и дорогим и важным подарком принимающей стороны гостям своего сюзерена. В связи с высоким уровнем визита посланцу князь подарил четверку лошадей и его заместителю в соответствии с его статусом — пару скакунов.

Для передвижения посланцев была создана инфраструктура: проложены дороги во всех удельные территории и к иноземным народам;²⁹ на пути следования каждые 10 ли встречался заезжий двор 庐 (лу), где можно было остановиться без ночлега, перекусить и напоить лошадей; каждые 30 ли был построен постоянный двор 宿 (су) с комнатами для ночлега и запасом дров для очага; каждые 50 ли находился город 市 (ши), в котором для посланцев предлагалось подворье для отдыха с питанием и дровами для обогрева. Из источника можно понять, что в миссии также были шатры, которые разбивали по надобности и в них устраивали необходимые ритуалы.

В связи с тем, что дорога у посланцев была дальней, а миссия трудной и опасной, перед

²⁷ В отделе служили следующие чиновники: два служилых высшего ранга 上士 (шанши); четыре служилых среднего ранга — 中士 (чжунши); два архивариуса 府 (фу), четыре историографа 史 (ши), два секретаря 胥 (сюй), двадцать служащих для мелких поручений 徒 (ту) [14].

²⁷ Посланец в ранге сановника 大臣 (да чэнь)

²⁸ Посланец в ранге министра 卿 (цин)

²⁹ О дорогах, существовавших в Чжоу, можно найти упоминания в каноне того времени «Шицзин» (Книга песен): ... Великий путь, как гладкий оселок,

Прямой стрелой стремился на восток.

Им проходили доблести мужи,

Простой народ смотрел на их поток... [10, с.181]

отъездом они исполняли необходимый ритуал: молились о благополучии и безопасности поездки. После получения приказа от правителя и накануне отправления посланец в парадных шелковых одеждах отправляется в храм предков исполнять дорожный обряд «释币礼» (ши би ли) и помолиться духам дороги 行神 (синшэнь). В миссиях высокого и высшего уровня дорожный обряд совершался в главном храме предков Чжоу специальными жрецами.

На следующий день при выезде из города посланец должен был опять выполнить обряд 祖軼之祭 (цзу ба чжи цзи) — совершить подношение духу дороги вином и сушеным мясом и выпить глоток вина или прополоскать рот вином в его честь.³⁰ Похожий обряд осуществлялся после завершения миссии и возвращения посланца домой.

В источнике подробно описывается особенности транзитного проезда через территории других князей и обязательность придерживаться принятого ритуала. Даже принадлежность миссии сюзеру не давала права беспрепятственного проезда по вассальным территориям.

Описание приема у князя чжухоу показывает необходимость наличия высокой квалификации в области ритуала и этикета у посланца и всех его помощников. Передача повеления государя и его даров, а также получение подарков со стороны князя чжухоу служили подтверждением обратной связи дружественных отно-

шений predetermined суверенитета между Чжоу и его вассалом.

В трактате 礼记 (Ли цзи) «Книге ритуалов» приводятся типы визитов из столицы Чжоу к вассальным князьям. Своих старших чиновников ван в качестве «посланцев через год отправлял к чжухоу с визитом вежливости с разъяснением своей воли; жаловал (чжухоу) жертвенное мясо во имя их благополучия для установления дружеских отношений; поздравлял чжухоу с радостными событиями в качестве поддержки; выражал соболезнование чжухоу в связи со стихийными бедствиями и оказывал им (материальную) помощь».

Младшие чиновники службы приема гостей также участвовали как посланцы в миссиях по вассальным государствам. Кроме протокольных обязанностей и передачи повелений Чжоуского вана, они занимались сбором информации о зависимых и сопредельных странах, которую они оформляли в виде пяти докладов:

- доклад о выгодах и убытках народов государств;
- доклад о народных обычаях и обрядах и насколько успешно осуществляются управление государством, обучение народа и применение закона;
- доклад о бунтах, мятежах, злодеяниях и нарушении закона;

³⁰ В каноне «Шицзин» (Книга песен) в стихотворении «Ода Ханьскому князю» 韩奕 (хань и) есть строки, которые подтверждают ритуалы, посвященные дорожным духам:

Жертву приносит всех путников богу

Князь этот ханьский, пускаясь в дорогу. [10, с. 270]

- доклад об эпидемиях, неурожаях и нищете;
- доклад о благополучии, спокойствии, мире и дружбе.

В докладах были выделены особенности каждого государства. Вся информация передавалась в форме отчета на высочайшее имя, чтобы государь понимал положение дел в Поднебесной.

С чиновниками по приему гостей 行人 (синжэнь) координировала свою деятельность служба по внешним поручениям 掌交 (чжанцзяо).

Чиновники этой службы, «получив верительные таблички и подарки, объезжали с инспекционной поездкой большие и малые государства чжухоу и проживавших в них подданных, доносили до них волю и мысли государя, способствовал тому, чтобы все делали то, что ван любит, и избегали делать то, что он не любит. Они стремились установить хорошие отношения с чжухоу и нести радость народу»[13].

Чиновники по внешним поручениям занимались делами вассальных государств и устанавливали с ними дружественные отношения. Они также доносили до сведения чжухоу о выгоде девяти налогов,³¹ почитании девяти обрядов,³² поддержке правителей девяти областей, трудностях девяти запретов и силе девяти вмешательств (в дела местных княжеств). В штате данной службы было 8 чинов-

ников по внешним поручениям в ранге 中士 (чжунши), 2 архивариуса 府 (фу), 4 историографа 史 (ши) и 32 чиновника по мелким поручениям 徒 (ту) [13].

Необходимым звеном внешних сношений Чжоу была курьерская служба 行夫 (синфу). Ее полномочия заключались в быстром перемещении на перекладных лошадях по Поднебесной и передаче чжухоу повелений вана по поводу хороших или плохих событий. В связи с тем, что курьеры занимались мелкими вопросами, то они не соблюдали ритуал подношения подарков к посещаемым чжухоу. Тем не менее, у них всегда был верительный флаг для проезда по дорогам. Отличительной особенностью данной службы было обязательность доставки информации, несмотря на трудности пути. Если курьер в каком-либо вассальном государстве встречался с официальной миссией дома Чжоу, то оказывал помощь в работе главного представителя[13].

За время правления правителей Западного Чжоу наблюдается эволюция механизма исполнителей в сфере внешних сношений. По мере развития внешних сношений эта должность стала профессиональной и наследственной. Чиновники по приему гостей 行人 (синжэнь) имели ранги 大夫(дафу) и 士 (ши) и обладали правом получить от вана землю в кормление. Это были образованные люди того времени, знающие ритуал 礼 (ли) и умеющие составлять указы и повеления государя.

³¹ Девять видов налогов во время правления династии Чжоу

³² Девять обрядов (надевания шапки в связи совершеннолетием 冠 (гуань), свадьба 婚 (хунь), аудиенция к вану 朝 (чао), визит к чжухоу 聘 (пинь), похороны и траур 丧 (сан), жертвоприношение 祭 (цзи), взаимоотношений хозяина и гостя 宾主 (бинь чжу), организации пира 乡饮酒 (сян инь цзю), в армии 军旅 (цзюнь люй)

О работе над официальными документами Конфуций писал: «При составлении приказа Би Чэнь делал его начерно, Ши Шу выносил суждение о нем, ведающий делами посланцев Цзыюй³³ правил его, а Цзычань из Дунли придал ему лоск»[1, с. 498].³⁴

В данном высказывании показан процесс составления дипломатического документа, над которым работали три крупных сановника княжества Чжэн. Конфуций также высоко оценивает организаторские способности Цзычана (- 522 г. до н.э.), канцлера государства Чжэн. Он также отмечает работу Цзыюя, чиновника службы по приему гостей 行人 (синжэнь), который занимался редакторской правкой документа.

По мере совершенствования службы по приему гостей у чиновников вырабатывалась определенная профессиональная этика.

Конфуций, который придавал большое значение этическим нормам, отраженных в трактате «Лицзи», и формировании нравственных отношений в обществе, в своих суждениях выдвигал идеальный образ чиновника, служащего государю: «Цзы-гун спросил: «Какой

человек может назваться сановником? Учитель ответил: «Того, кто может чувствовать стыд за свои поступки и, будучи направленным в другие страны, не подведет своего государя, можно назвать сановником.»[1, с. 472-473]³⁵ Конфуций требовал от чиновника строго оценивать свои поступки и быть ответственным за поручение государя, не запятнать имя правителя своими действиями.

О качествах, которыми должен обладать чиновник по внешним делам, Конфуций говорил следующее: «Цзы-чжан спросил о том, как себя правильно вести. Учитель ответил: «Если в речах искренен и правдив, в поступках честен и почтителен, то такое поведение допустимо и в государстве варваров. Если же в речах не искренен и не правдив, в поступках не честен и почтителен, то разве в своей деревне это допустимо? Когда стоишь, представь, что видишь эти [два] принципа перед глазами; когда сидишь в повозке, представь, что видишь эти [два] принципа на поперечине. Только после этого ты сможешь поступать правильно». Цзычжан записал эти слова у себя на поясе»[1, с.555-556].³⁶ Конфуций говорит о личных качествах

³³ В версии Л.И. Головачевой Цзыюй назван дипломатом [1, с.858]

³⁴ Перевод А.Е. Лукьянова

³⁵ Перевод В.А. Кривцова. На наш взгляд, это лучший из предъявленных в книге переводов данного высказывания, но все равно он обладает некоторыми неточностями. В источнике Цзы-гун спрашивает: 何如斯可谓之士矣 (Кого можно считать 士 (ши)?) Авторы других переводов — Попов П.С., Семененко И.И., Лукьянов А.Е. — дают значение «ученый муж», но, по контексту, наличие высоких нравственных качеств во время миссии в других государствах и выполнение воли государя — это характеристики чиновника, а не просто ученого мужа. Тем более, что должность 士 (ши) присутствовала в штате службы по приему гостей и службы по внешним поручениям. Другое дело, что сановниками считались ранги не ниже 大夫 (дафу), которые действительно назначались посланцами 使 (ши) в другие государства. Чиновников в ранге 士 (ши) чаще отправляли как 行李 (синли) — посланцами более низкого уровня для решения мелких вопросов [1, с.472-473].

чиновника, который по контексту может быть посланцем. Главное, чтобы слова не расходились с поступками и в словах была преданность и доверие — 言忠信 (янь чжунсинь), а в поступках — верность и почтение. Иными словами, чиновник должен и в словах и действиях быть преданным государю, его речь должна вызывать доверие, а поведение должно быть почти-тельным даже в отношении некитайских народов. Об этих принципах надо помнить всегда: и при приеме гостей, и участвуя в церемониях, и при поездке в вассальные государства.

Важной стороной профессиональной этики чиновников службы по приему гостей — это приоритет интересов правителя и государства перед частными интересами. Посланцы во время визитов в вассальные государства не должны были участвовать в частных аудиенциях, так как это противоречило ритуалу. Сановник 大夫 (дафу) со скипетром как подтверждение полномочий посланца вана вызывал доверие и уважение. Как написано в трактате «Лицзи»: «У вассалов нет внешних связей, [посланец] не может позволить себе двух правителей»[16].

К концу периода Западное Чжоу, к VIII в. до н.э. в стране сложилась профессиональная и наследственная служба внешних сношений. Она эволюционировала от отдельных поручений к должности по внешним делам и далее

к системному механизму в форме отделов в рамках Приказа по судебным делам, персонифицированного в личности чиновника Осени, имевшего должность первого министра (канцлера).

Внутренний контур службы внешних сношений являлся пространством деятельности профессиональных чиновников, которые принимали участие в приеме гостей высокого и высшего уровня в координации с другими службами аппарата управления Чжоу. Ее отличительными особенностями были до мелочей разработанный протокол и этикет, правила старшинства и учет титулов и должностей, церемониальная одежда и знаки полномочий.

Внешний контур службы внешних сношений представлял собой пространство за пределами земель, относившихся к дому Чжоу. Это были территории удельных князей чжухоу и иноземных племен, которых чжоусцы именовали варварами. Поддержанием системы взаимосвязи центра и периферии, отслеживанием реакции чжухоу на стимулы со стороны вана и обеспечением прочной обратной связи со стороны вассальных правителей также занимались чиновники, занимавшие профессиональные должности в государственном аппарате Чжоуского царства.

³⁶ Перевод В.А. Кривцова. Рассуждения Конфуция многозначительны и требуют толкования. Вопрос Цзычжана: 行 (син)? Переводчики поняли по-разному. В переводе В.П. Попова: «Как сделаться известным?», И.И. Семененко — «что значит проявить себя», А.Е. Лукьянова — «как можно повсюду пройти». Иероглиф 行 (син) имеет значение «движение» и входит составной частью в слова «поведение» — 行为 (синвэй) и чиновник по внешним делам 行人 (синжэнь). На наш взгляд, допустимо понимание данного диалога как ответ Конфуция на вопрос о том, каким должен быть чиновник по приему гостей.

Уполномоченные Чжоуского вана проводили в жизнь его волю и строили жесткие вертикальные связи государя и удельных князей, государя и вождей иноземных народов.

Посланцы высокого ранга поддерживали контакты с правителями вассальных территорий. Посланцы младшего ранга развивали связи с представителями чжухоу и варварами на более низком уровне. Чиновники по внешним поручениям и специальные курьеры передавали указы и повеления вана по всей Поднебесной. Переводчики обеспечивала коммуникацию с иноземными племенами и отвечала за трансляцию указов и повелений вана соседним соседям.

С переходом к периоду Восточное Чжоу (771-221 гг. до н.э.) в связи с ослаблением центральной власти чжоуская вертикаль стала терять свою жесткость. Постоянный контроль стал ослабевать. Несмотря на символическую взаимосвязь Чжоуским ваном, удельные князья ощущали себя все более и более независимыми. Для поддержания устойчивости в Поднебесной требовалось наладить горизонтальные связи между удельными царствами. Этой работой и стали заниматься чиновники по внешним сношениям 行人 (синжэнь), основы службы которых были заложены во время Западного Чжоу.

Список литературы

1. Беседы и суждения Конфуция. – СПб.: ООО «Издательство «Кристалл», 1999. -1120 с.
2. Габуев А.Т. Семантика понятий го и бан в Шицзин: к вопросу о формировании по-

литической терминологии в Древнем Китае // ИСТОРИЯ КИТАЯ. Материалы китаеведческих конференций ИСАА при МГУ (Сб. ст.) (май 2005 г., май 2006 г.) / Моск. Гос. Ун-т им. М.В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки; [ред.-сост. М.Ю. Ульянов]. — М.: Гуманитарий, 2007. - ISBN 978-5-91367-034. С. 11-34.

3. Гончаров С.Н. Две традиции в дипломатии императорского Китая // Гончаров С.Н. О Китае средневековом и современном: Записки разных лет. – Новосибирск: Наука. 2006. С. 113-142.
4. Думан Л.И. Учение о Сыне неба и его роль во внешней политике Китая (с древности до нового времени) // Китай: традиции и современность. Сборник статей. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1976. – с. 28-51.
5. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т./ гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 2006 -. Философия /ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. – 2006. – 727 с.
6. История Востока. Т. 1: Восток в древности. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 688 с.: карты.
7. Китайская философия. Энциклопедический словарь. – М: «Мысль». 1994. 574 с.
8. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII-XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Главная редакция восточной литературы

- издательства «Наука». 1978. – 284 с.
9. Непомнин О.Е. Политическая культура традиционного Китая. Доктрина внешней политики // Духовная культура Китая: [Т.4:] Историческая мысль. Политическая и правовая культура/ М.Л. Титаренко и др. Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: Вост. лит. – 2009. С.161-168.
 10. Шицзин: Книга песен и гимнов /Пер. с кит. А. Штукина; Подгот. Текста и вступ. ст. Н. Федоренко; Коммент. А. Штукина. – М.: Худож. лит., 1987. – 351 с.
 11. И ли. Пинь ли (Книга церемоний и этикета. Этикет визита)// Чжунго чжэсюэшу дяньцзыхуа цзихуа (План оцифровывания книг по философии Китая)// [Электронный ресурс] URL: <https://ctext.org/yili/pin-li/zh> (Дата обращения: 07.08.2024)
 12. Кун Инда Лицзи чжэн и. (Правильное толкование Лицзи)// Пинь и. № 48. Цзюань 63. Чжунго чжэсюэшу дяньцзыхуа цзихуа (План оцифровывания книг по философии Китая)// [Электронный ресурс] URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=237159&remap=gb> (Дата обращения: 07.08.2024)
 13. Лицзи. Цюгуань. Сыкоу (Книга ритуала, Чиновник Осени.Министр по судебным делам)// Чжунго чжэсюэшу дяньцзыхуа цзихуа (План оцифровывания книг по философии Китая)// [Электронный ресурс] URL: <https://ctext.org/rites-of-zhou/qiuguan-si-kou/zhs> (Дата обращения: 07.08.2024)
 14. Сун Яньпин. Си Хань тэ цзе чжиду као (Изучение системы верительных бирок династии Западная Хань)// Дунфан луньтань. № 6. 2017. С.43-53
 15. Тан Едань.Чуньцю пиньли вэйтань — и «Цзочжуань», «И ли. Пинь ли » цзи «Лицзи. Пинь и» вэй хэсинь (Изучение дипломатического протокола в период Чуньцю на основе трактатов «Цзочжуань», «И ли. Пиньли» и «Лицзи. Пинь и»)// Шэхуэй кэсюэ цянъянь. 2020. 9 (5). С. 699-704.
 16. Фань Сянхуэй. Шиюй сыфан, сянь Цинь «Синжэнь» дэ мэйцзе шусин цзи чуаньбо гуннэн (Посланцев направлять во все стороны Поднебесной, медиаторская принадлежность и коммуникативные функции) // [Электронный ресурс] URL: <https://www.aisixiang.com/data/142150.html> (Дата обращения: 07.08.2024)
 17. Фу Сяохань. Цун «Синжэнь» дао «Вайцзяогуань» — вайцзяогуань чэнвэй дэ яньбянь (От «Син жэнь» до «Вайцзяогуань» — Эволюция названия дипломата) // [Электронный ресурс] URL: <http://www.aisixiang.com/data/25000.html> (Дата обращения: 07.08.2024)
 18. Ян Сянкуй. «Чжоу ли» дэ нэйжун фэнси цзи ци чэншу шидай (Анализ содержания «Чжоу ли» и эпоха создания книг). 2005 // [Электронный ресурс] URL: <http://www.historychina.net/wszl/xlxh/2005-05-31/28888.shtml> (Дата обращения: 07.08.2024)

19. Сянсин цзыдянь (Словарь пиктограмм)// [Электронный ресурс] URL: <https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?rid=11040> (Дата обращения: 07.08.2024)

References

1. Besedy i suzhdeniya Konfutsiya. – SPb.: OOO «Izdatelstvo Kvartal», 1999. -1120 p. (In Russian)
2. Gabuyev A.T. Semantica poniatii guo i bang v Shijing: k voprosu o formirovanii politicheskoi terminologii v Drevnem Kitaie // Istoriya Kitaya. Materialy kitaevedcheskih konferentsy USAA pri MGU (Sbornik statei) (May 2005 , May 2006 r.) / Moskovskii Gosudarstvenny Universitet im Lomonosova. Institut stran Asii i Afriki; [red.-sost. M.Ю. Ulianov]. — M.: Gumanitarii, 2007. - ISBN 978-5-91367-034. pp. 11-34. (In Russian)
3. Goncharov S.N. Dve traditsii v diplomatii imperatorskogo Kitaya // Goncharov S.N. O Kitaye srednevekovom i sovremennom: Zapiski raznyh let. – Novosibirsk: Nauka. 2006. pp. 113-142. (In Russian)
4. Duman L.I. Uchenie o Sine neba i ego rol vo vneshnei politike Kitaya (s drevnosti do novogo vremeni) // Kitai: traditsii i sovremenost. Sbornik statei. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatelstva «Nauka». 1976. – pp. 28-51 (In Russian)
5. Duhovnaya kultura Kitaya: enciklopedia: v 5 t./ gl. red. M.L. Titarenko; Institut Dalnego Vostoka. – M.: Vost. lit., 2006 -. Filisofiya / red. M.L. Titarenko, A.I. Kobzev, A.Ye. Lukyanov. – 2006. – 727 p. (In Russian)
6. Istoriya Vostoka. T. 1: Vostok v drevnosti. – M.: Izdatelskaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1999. – 688 p.: karty. (In Russian)
7. Kitaiskaya filosofia. Enciklopedicheski slovar. – M: Mysl. 1994. 574 p. (In Russian)
8. Martynov A.S. Status Tibeta v XVII-XVIII vekah v traditsionnoi kitaiskoi sisteme politicheskikh predstavlenii/ M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatelstva «Nauka». 1978. – 284 p. (In Russian)
9. Nepomnin O.Ye. Politicheskaya kultura traditsionnogo Kitaya. Doctrina vneshnei politiki // Duhovnaya kultura Kitaya: [T.4:] Istoricheskaya misl. Politicheskaya I pravovaya kultu/ M.L. Titarenko i dr. Institut Dalnego Vostoka RAN. – M.: Vost. Lit. – 2009. pp.161-168. (In Russian)
10. Shijing: Kniga pesen i gimnov /Per. s kit. A. Shtukina; Podgot. Teksta i vstup. statya N. Fedorenko; Kommentarii A. Shtukina. – M.: Hudozh. lit., 1987. – 351 p. (In Russian)
11. Yi li. Pin li (Kniga ceremonii i etiketa.Etiket visita)// Zhongguo Zhexueshu dianzihua jihua (Plan otsifrivivaniya knig po filosofii Kitaya)// Available at: <https://ctext.org/yili/pin-li/zh> (08.2024)
12. Kong Yingda. Liji zheng yi. (Pravilny smysl Liji)// Pin yi № 48. Juan 63. Zhongguo Zhexueshu dianzihua jihua (Plan otsifrivivaniya knig po filosofii Kitaya)// Available at:..

- <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=237159&remap=gb>
(07.08.2024)
13. Liji. Qiuguan. Sikou (Kniga ritual. Chinovnik Oseni. Ministr po sudebnym delam)// Zhongguo Zhexueshu dianzihua jihua (Plan otsifrivivaniya knig po filosofii Kitaya) // Available at: <https://ctext.org/rites-of-zhou/qiu-guan-si-kou/zhs> (07.08.2024)
 14. Song Yanping. Xi Han tejie zhidu kao (Izucheniye sistemy veritelnyh birok dinastii Zapadnaya Han // Dongfang luntan. № 6. 2017. p.43-53)
 15. Tan Yedan. Chunqiu pinli weitan — yi «Zuozhuan», «Yi li. Pin li » ji «Liji. Pin yi» wei hexin (Izucheniye diplomaticheskogo protokola v period Chunqiu na osnove traktatov Изучение дипломатического протокола в период Чуньцю на основе трактатов «Zuozhuan», «Yi li. Pin li » ji «Liji. Pin yi»)// Shehui kexue qianyan. 2020. 9(5). p. 699-704.
 16. Fan Xianghui. Shiyu sifang, xian Qin «Xingren» de meijie shuxing ji chuanbo gongneng (Poslantsev napravlyat vo vse storony Podnebesnoi, ih mediatorskaya prinadlezhnost i kommunkativnye funktsii) // Available at: <https://www.aisixiang.com/data/142150.html>
(07.08.2024)
 17. Fu Xiaohan. Cong «Xingren» dao «Waijiaoguan» — waijiaoguan chengwei de yanbian (Ot «Xingren» do «Waijiaoguan» — Evolutsiya nazvaniya diplomata) // Available at: <http://www.aisixiang.com/data/25000.html>
(07.08.2024)
 18. Yang Xiangkui. «Zhou li» de neirong fenxi ji qi chengshu shidai (Analiz sodержaniya Анализ содержания «Zhou li» I epoha sozdaniya knig). 2005 // Available at: <http://www.historychina.net/wszi/xlxh/2005-05-31/28888.shtml> (07.08.2024)
 19. Xiangxing zidian (Slovar piktogram)// Available at: <https://www.vividict.com/Public/index/page/details/details.html?rid=11040>
(07.08.2024)

Сведения об авторе

Семенов Александр Владимирович

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой восточных языков
Дипломатической академии МИД России
legatus@bk.ru

Information about the Author

Alexander V. Semenov

PhD (History), Associate Professor,
Head of the Oriental Languages Department,
Diplomatic Academy,
Foreign Ministry of the Russian Federation
legatus@bk.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.10.2024;

Одобрена после рецензирования: 30.10.2024;

Принята к публикации: 03.11.2024.

Information about the article

The article was submitted 25.10.2024;

Approved after reviewing 30.10.2024;

Accepted for publication 03.11.2024.

The formation of Chen Shizeng's artistic theory during the Beijing period

Формирование художественной теории Чэнь Шицзэна в пекинский период

Донченко Анна Ильинична

Центр изучения культуры Китая, Институт
Китая и Современной Азии РАН

Автор, ответственный за переписку:

ann.donchenko@yandex.ru

Anna I. Donchenko

Center for the Study of Chinese Culture, Institute
of China and Modern Asia of the RAS

Corresponding author:

ann.donchenko@yandex.ru

УДК 32.019.51 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2024-143-152](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-143-152)

АННОТАЦИЯ

В начале прошлого века живопись *гохуа* существовала в особой и противоречивой культурной среде. В художественных кругах Китая того времени шел жаркий спор о китайской и западной живописи, а также о возможных путях развития национального искусства. Одной из ключевых фигур, оказавших большое влияние на развитие художественного мышления в XX веке является художник и искусствовед — Чэнь Шицзэн. В течение десяти лет, которые художник провел в Пекине, он всесторонне изучал и осмысливал историю китайской живописи через призму западного искусства, а также активно занимался художественным творчеством и искал правильный путь развития живописи *гохуа* в XX в. В этот отрезок жизни произошло поэтапное формирование живописных идей, которые Чэнь Шицзэн непосред-

ABSTRACT

At the beginning of the last century, the art of *guohua* painting existed in a unique and contradictory cultural environment. In Chinese art circles of that time, there was a heated debate about Chinese and Western painting and the possible paths for the development of national art. One of the key figures who greatly influenced artistic thought in the 20th century was the artist and art historian Chen Shizeng. During the ten years he spent in Beijing, he thoroughly studied and reflected on the history of Chinese painting through the lens of Western art, actively engaged in artistic creation, and sought the right path for the development of *guohua* painting in the 20th century. During this period, Chen Shizeng gradually developed his painting ideas, which he directly connected with the social and cultural transformations of the Republican period in China.

ственно связывал с социальными и культурными трансформациями в период Китайской Республики.

Ключевые слова. Чэнь Шицзэн, китайская живопись, искусство, культура Китая, Китайская Народная Республика, гохуа.

Для цитирования: Донченко А.И. Формирование художественной теории Чэнь Шицзэна в пекинский период. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; 6 (4). С. 143-152 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-143-152>

Чэнь Шицзэн (3.12.1876 – 17.09.1923), художник, искусствовед, каллиграф и педагог, является знаковой фигурой в истории современного китайского искусства. Он был одним из самых влиятельных представителей пекинской школы живописи во времена Китайской Республики. В предложенной теории живописи Чэнь Шицзэн выступал за сохранение национальной идентичности в качестве фундамента живописи *гохуа* для ее дальнейшего развития. Он считал, что заимствование и изучение лучших достижений западного искусства позволить вывести национальную живопись на новый уровень, отвечающий требованиям современного художественного мышления. В начале XX в., когда ценность и значение живописи *гохуа* зачастую подвергались сомнению и критике в художественных кругах, Чэнь Шицзэн выступал в защиту традиционной китайской живописи и в своих работах приводил весомые аргументы, свидетельствующие о прогрессивном характере ее развития.

Keywords. Chen Shizeng, Chinese painting, art, Chinese culture, People's Republic of China, guohua.

For citation: Donchenko A.I. The formation of Chen Shizeng's artistic theory during the Beijing period. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№4). P. 143-152 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-143-152>

После восьми лет обучения естественным наукам и европейской живописи в Японии Чэнь Шицзэн в 1909 г. вернулся в Китай и после нескольких месяцев службы на посту главы департамента образования провинции Цзянси стал преподавателем естествознания в Наньтунском педагогическом училище, а в свободное от работы время занимался живописью и каллиграфией. Во время учебы в Японии он смог получить достаточный объем знаний о западной науке и искусстве, чтобы иметь возможность находить и сопоставлять особенности культур Востока и Запада. Тогда же Чэнь Шицзэн подружился с Ли Шутуном (1880-1942), известным музыкантом, педагогом, театральным деятелем и одним из пионеров новой китайской драматургии. Они часто обсуждали поэзию, каллиграфию, китайскую и западную живопись. Эти дискуссии в дальнейшем во многом повлияли на формирование художественной теории Чэнь Шицзэна.

Во время своего пребывания в Наньтуне он занимался популяризацией живописи и *вэньжэньхуа*, и наряду с этим, стремился использовать научную природу западного изобразительного искусства для улучшения китайской живописи. В 1912 г., через три года после возвращения из Японии, Чэнь Шицзэн опубликовал в «Журнале выпускников Наньтунского педагогического училища» опубликовал перевод статьи японского автора «Современное состояние западной живописи» [1]. В статье был описан процесс развития европейского изобразительного искусства, особенности различных стилей и школ живописи. По мнению автора статьи, живопись — это не только способ отображение существующей реальности, но и возможность для реализации своих способностей. Эмоции и стремление художника к природным объектам отражаются в живописи, поэтому живопись не может быть реалистичной. Он считал, что реалистической живописи пришел конец, а появление импрессионизма, постимпрессионизма и других школ является новым путем развития изобразительного искусства. Чэнь Шицзэн в комментарии к статье был согласен с мнением японского автора, а также добавил, что в мире западной живописи центром является Франция, а в восточном искусстве главная роль принадлежит Китаю. Несмотря на то, что живопись Востока и Запада далеки друг от друга и используют разные системы и методы, их объединяет общая цель — пробуждение чувства прекрасного и стремления к высоким идеалам.

В конце 1913 г. по приглашению Министерства образования Чэнь Шицзэн переехал в Пекин, где занимался редактированием и ре-

цензированием книг. Все свободное от государственных дел время он посвящал литературной и художественной деятельности: участвовал в создании поэтических клубов и художественных обществ, активно продвигал *вэньжэньхуа* среди художников традиционной китайской живописи, а также занимался педагогической деятельностью в новых школах, используя полученные в Японии знания и опыт.

В марте 1918 г. Чэнь Шицзэн принял участие в создании Общества исследования живописи Пекинского университета и стал там одним из первых преподавателей, в том же году он начал вести уроки живописи в недавно созданном Бейпинском государственном художественном училище.

В мае 1920 года Чэнь Шицзэн вместе с Цзинь Чэном 金城 (1878-1926) и Чжоу Чжаосяном 周肇祥 (1880 – 1954) основали Общество исследования китайской традиционной живописи, в котором он выступил в качестве рецензента живописи, а также давал рекомендации по преподаванию и стал заниматься организацией совместных выставок китайской и японской живописи. В 1922 г. в Японии прошла вторая китайско-японская выставка, организованная под руководством Чэнь Шицзэна и Цзинь Чэна, ставшая, как считают исследователи, знаковым событием в творческой карьере Ци Байши. В 1923 г. Чэнь Шицзэн, которому было всего 48 лет, умер от болезни в Нанкине.

Десять лет, которые художник провел в Пекине, стали пиком его творческой и исследовательской карьеры. В этот период он всесторонне изучал и осмысливал историю

китайской живописи и активно занимался художественным творчеством, это способствовало поэтапному формированию его живописных идей, непосредственно связанных с социальными и культурными тенденциями Китайской Республики.

Глубина и широта художественного мышления Чэнь Шицзэна зачастую намного опережали свое время. Разнообразные аспекты его живописных идей включали в себя не только его представления о новом пути развития традиционного искусства и роли национального самосознания, но, в том числе, и диалектическое истолкование различий между художественными функциями и формами. Три понятия - литература», «искусство» и «рисунки» в настоящее время четко отражают различия между видами творчества и ясность художественных функций. В начале XX в. это были весьма расплывчатые определения.

Например, в 1907 г. Лу Синь, который учился в Японии одновременно с Чэнь Шицзэном, опубликовал статьи «Сила сатанинской поэзии» и «История преподавания науки», в которых обсуждались проблемы искусства. Он писал, что с чисто литературной точки зрения суть всякого искусства заключается в том, чтобы зритель почувствовал себя счастливым. Литература также является одним из искусств и под этим «искусством» можно понимать определение, близкое сегодняшнему понятию «литературное искусство» и не относящееся конкретно к пластическим искусствам. Такой широкий взгляд на искусство был довольно популярен в то время. Другим примером может

служить создание в 1920 г. Ли Шутунем (1880 - 1942) Литературно-художественного общества, целью которого было изучения литературы и искусства. И в этом случае понятие «искусство» неоднозначно и охватывает самые разные виды.

Чэнь Шицзэн в своих рассуждениях о понятии «искусство» ясно указывал на пластические искусства, также акцентируя внимание на связи искусства с национальной культурой и идентичностью автора. Он говорил, что личность художника представляет собой воплощение особенностей людей той страны, откуда он родом, и это способствует проявлению национального духа в творчестве. Наряду с этим, художник, как субъект, реализует внутренние духовные потребности отдельно взятого индивида. Чэнь Шицзэн говорил, что искусство – это предмет, который трогает людей и находит отклик в душе.

Даже после проведения реформы в сфере образования и опубликования регламентирующих документов «Системы образования Жэньинь» (другое название «Высочайше утвержденный школьный устав») в 1902 г. и «Системы образования Гуймао» в 1904 г. как в начальных, так и в средних школах в качестве основного курса «искусства» проводились уроки рисования, и главной задачей данного курса по-прежнему оставалась подготовка учащегося к тому, что в будущем он будет рисовать карты и схемы машин, чтобы заложить основу для различных отраслей промышленности.

В 1906 г. в Лянцзянском высшем педагогическом училище было создано отделение

рисования и рукоделия и вначале предпочтительнее в обучении отдавалось практической направленности. Такая ситуация продолжалась до первых лет существования Китайской Республики. И только после появления специализированных художественных школ понятие «рисунок» постепенно влилось в более широкую художественную дисциплину. Когда Чэнь Шицзэн начал преподавать живопись в Пекинском педагогическом университете, то он пытался провести более детальное различие между «рисунком» и «живописью». Свое понимание этого художник изложил в адресованных членам Общества исследования живописи Пекинского университета статьях «Замечания относительно общепринятых методов преподавания рисунка» и «Живопись берет начало из практической теории» [2]. В этих текстах помимо рассуждений об искусстве и методах художественного воспитания, автор особый акцент делал на выражение национальных особенностей искусства.

В 1925 г. была опубликована «История китайской живописи», которая являлась отредактированной Юй Цзяньхуа стенограммой записи лекций Чэнь Шицзэна. Наряду с рассказом общей истории и хронологии китайской живописи, а также детальным разбором творчества мастеров прошедших династий, в этой книге была представлена теоретическая основа, на базе которой Чэнь Шицзэн развивал свою собственную живописную практику. Он связывал развитие живописи с политическими и социальными процессами, а также с литературой. Можно сказать, что горизонтальные связи в общей исторической структуре составляли

ядро его рассуждений. Также в этих лекциях нашел отражение новый взгляд художника на историю китайской живописи через призму знаний западной культуры.

Чэнь Шицзэн говорил о том, что развитие и прогресс естественным образом происходят в изменениях. В статьях «Изменения в жанре *жэньхуа*» и «Китайская живопись прогрессивна», основываясь на исторической эволюции живописи *жэньхуа*, он опровергал часто звучавшее в то время мнение, что западная живопись прогрессивна, а китайская — нет. Художник говорил, что от эпохи Хань до династий Суй и Тан прогресс шел высокими темпами, но в дальнейшем китайская живопись практически не менялась. Однако он считал, что нельзя говорить о том, что китайская живопись не является прогрессивной только потому, что она остановилась на сотни лет от эпохи Сун до наших дней.

Интересно то, что этот взгляд на исторический прогресс автор подтверждал эволюционной теорией, говоря о том, что принцип прогресса заключается в движении от простого к сложному, от смешения к разделению. Размножение животных и растений, развитие человеческой культуры и различных учений — все следует по одному пути и проходит по общим этапам, и эволюция китайской живописи — не исключение. Использование эволюционного взгляда на историю для подтверждения прогрессивного характера собственного развития китайской живописи было общей тенденцией того времени. Почти все, о чем говорится в статьях, было основано на сравнительном анализе, базирующемся на академическое

мышлении и знаниях западного искусства Чэнь Шицзэна.

Социальное развитие и идеологическую эволюцию периода ранней Китайской Республики можно охарактеризовать как меняющиеся с каждым днем. Более того, большинство идей, выдвигаемых представителями интеллигенции, представляли собой смесь старых и новых взглядов, а также были неоднозначными и противоречивыми. Катализатором такого противоречия между старым и новым послужили контакты с Западом, которые вступили во всеобъемлющий и ускоренный период после первой Опиумной войны (1840–1842 гг.). Через артефакты и институты они, наконец, достигли прямого столкновения на культурном и идеологическом уровне в период ранней Китайской Республики. Это привело к большому потрясению в мире живописи, в 1917 г. Кан Ювэй в «Предисловии к каталогу картин из соломенной хижины Ванму» [3] исходя из позиций западного научного реализма, утверждал, что современная живопись Китая находится в крайнем упадке и критиковали литераторов, использовавших лапидарную манеру письма в живописи и каллиграфии.

Чэнь Шицзэну была понятна роль науки в эволюции и продвижении западного искусства. С одной стороны, он считал, что это приводит к возникновению крайнего реализма, вызванного научным подходом в изучении природы. С другой стороны, художник отмечал, что тенденция развития западного искусства состоит в том, чтобы избавиться от реалистической живописи, пропагандируемой наукой.

Импрессионизм — это разновидность реалистической живописи, но его также можно назвать реалистической картиной разрушения.

На учредительном собрании Общества исследований живописи Цай Юаньпэй (1868 - 1940) сказал, что наука и искусство являются основами нового образования, поэтому необходимо сосредоточиться на изучение искусства в научном духе. Чэнь Шицзэн поддерживал эту идею, это было его основным подходом к исследованию истории и теории живописи. Учебный процесс был разделен на две части — китайскую и западную, в каждой из которых преподавание осуществлялось по своим правилам: традиционная китайская модель обучения «мастер-ученик» и современная концепция преподавания. Позднее Цай Юаньпэй предложил внедрить научные методы западной живописи в китайскую живопись. Согласно этой идее для того, чтобы изучить китайскую живопись, необходимо было только следовать научному духу, но и уделять особое внимание практической интерпретации научных методов. Благодаря росту влияния «Движения четвертого мая» реализм в искусстве, основанный на научных принципах, также стал считаться действенным средством борьбы с упадком китайской живописи. Противостояние китайской и западной живописи и все возрастающее влияние реализма в искусстве, по мнению Чэнь Шицзэна, грозило разрушить ядро китайской живописи.

Несмотря на то, что Общество исследований живописи Пекинского университета было, по сути, художественным клубом и достаточно

быстро прекратило свое существование, как первая художественная организация, перешедшая от традиции к современности, оно оказало глубокое влияние на пекинскую школу живописи в период ранней Китайской Республики.

Чэнь Шицзэн участвовал в Обществе исследований живописи всего один семестр, с ноября 1917 г. по октябрь 1918 г. [4]. Вероятно, что несогласие с проводимым обществом курсом на вестернизацию китайской живописи приводит к тому, что Чэнь Шицзэн отказывается от преподавания и покидает общество уже после первого семестра.

В ноябре 1921 г. в третьем номере «Художественного журнала» Пекинского университета была опубликована статья «Китайская живопись прогрессивна», в которой Чэнь Шицзэн четко выразил свои взгляды на проблему упадка китайской живописи. Он отмечал, что многочисленные высказывания о несостоятельности и неактуальности живописи *гохуа*, а также теория регресса, могут привести к крайне негативным последствиям. Поэтому, когда на карту поставлено выживание китайской живописи, у него нет другого выхода кроме как бороться за нее. Объяснение теории прогресса с помощью биологической эволюции стало весомым научным аргументом художника в полемике того периода. Именно на основе исследования эволюции национальной культуры Чэнь Шицзэн опроверг теорию регресса, проведя простую аналогию между китайской и западной наукой о материале.

Следует отметить, что различные дебаты, возникавшие в результате столкновения ки-

тайской и западной живописи, представляли собой лишь малую часть общей дискуссии между восточной и западной культурами до и после «Движения четвертого мая». В этот период между Чэнь Дусю и Ли Дачжао, главными редакторами журнала «Новая молодежь» и Ду Яцюанем, главным редактором «Восточного журнала», шли дебаты о сходствах, различиях и преимуществах Востока и Запада. Также шли споры о гармонии или тотальной вестернизации, а после окончания Первой мировой войны снова полемика вокруг вопроса о том, какую культуру и путь следует принять Китаю. Основываясь на своем понимании развития восточного и западного искусства Чэнь Шицзэн представил новые художественные идеи, направленные на сохранение традиций в китайской живописи в тот момент, когда эта значительная часть национальной культуры оказалась под угрозой.

В 1920 г. было учреждено Общество исследования китайской живописи, Чэнь Шицзэн был одним из его основателей и выступал в качестве рецензента. Первоначальной задачей создания общества было изучение лучших достижений в области китайского искусства прошлых эпох, чтобы составить конкуренцию зарубежной живописи, а также продвижение и сохранение национальной самобытности, чтобы противодействовать влиянию западной культуры.

Если в основе деятельности Общества исследования живописи Пекинского университета, возглавляемого Цай Юаньпеем, было сочетание практического научного духа и изобразительного искусства, то Общество исследования

китайской живописи преследовало цель интенсивного изучения древних методов и обширное приобретение новых знаний. Переход Чэнь Шицзэна из одного общества в другое отразил его сознательное стремление к сохранению национальной культуры в исторический момент.

Помимо того, что Чэнь Шицзэн говорил о прогрессивности китайской живописи он также считал, что живопись *вэньжэньхуа* обладает особой ценностью и является квинтэссенцией китайской живописи. Ответом на реформаторские и революционные идеи в области традиционного искусства стала статья «Ценность живописи *вэньжэньхуа*», опубликованная в «Журнале живописи» в 1921 г. В статье он говорил о внутренней духовной ценности картины в стиле *вэньжэньхуа*, сохраняющейся на протяжении тысячелетий. Ее внешняя форма — это выражение свободной живописи, а внутренняя направленность — самосовершенствование личности. Художник сделал акцент на внутреннюю духовность творческого субъекта и воплотил ее в «четыре элемента» — характер, знания, талант и мысль, полагая, что суть искусства кроется в личности. Он считал, что совершенство и духовная направленность произведения создают внутреннюю связь между творцом и зрителем посредством эмоционального переноса. Живопись *вэньжэньхуа* является историческим понятием, это картины, которые создавались представителями определенного социального класса, образованными людьми — *вэньжэнь*. После отмены императорской системы экзаменов в конце династии Цин настоящий класс *вэньжэнь* постепенно распался и в итоге был полностью устранен и заменен

новыми «новыми интеллектуалами». [5] Однако в конце династии Цин и в начале Китайской Республики, когда старая и новая идентичность менялись, большинство «новых интеллектуалов» все еще находились под влиянием традиционной культуры, типичным примером которой был Чэнь Шицзэн. Поэтому он считал, что хотя живопись *вэньжэньхуа* стала историей, ее «интеллектуальный» дух и суть могут и должны быть унаследованы.

В 1922 г. Чэнь Шицзэн опубликовал в японском журнале «Япония» статью «О южной школе живописи», в которой выразил явные сомнения по поводу интеграция Востока и Запада. Он писал, что восточное и западное искусство в конечном итоге будут независимы, у них есть свои собственные системы, своя история и обычаи.

Наблюдая за развитием истории китайской живописи с точки зрения эволюционной истории, Чэнь Шицзэн считал, что живопись *гохуа* находится в процессе непрерывного развития и эволюции, находится в состоянии прогресса, а не застоя. Особенно важно, что в этот период в ответ на все возрастающее влияние реалистической живописи он обратился от теории прогресса к живописи *вэньжэньхуа* в ее новом прочтении, сделав акцент на духовности творческого субъекта и его национальной принадлежности. Эта корректировка не только показала интеграцию Чэнь Шицзэном внутреннего духовного выражения восточного и западного искусства, но также продемонстрировала его стратегическое осознание изменений и свою укорененность в предмете национальной культуры. Можно сказать, что эта стратегическая

корректировка и сдвиг, произошедшие в ответ на изменение ситуации, являются ключом к более всестороннему и глубокому пониманию художественной теории Чэнь Шицзэна. Суть данной теории заключается в сознательном преобразовании, основанном на его понимании Востока и Запада, древнего и современного, осознании ценности свободного выражения духа субъекта, а также в полном понимании того, что идеологическая трансформация и поиск инноваций имеют большое значение для развития китайской живописи. В своей исследовательской деятельности Чэнь Шицзэн искал правильный путь развития традиционной китайской живописи в XX в. Он не следовал старой традиции и не опирался на интеграцию восточного и западного искусства, а надеялся найти самостоятельный путь развития живописи *гохуа*. Художественная теория Чэнь Шицзэна — это не одномерное возвращение к традиции, а культурное сознание, отраженное в «коммуникации» и «адаптации», которые он применяет в своей художественной практике и исследованиях.

Список литературы

1. Ли Чжаоянь. (李兆葵) Проводник искусства Чэнь Шицзэн — на примере распространения стиля цзиньшихуа северной школы живописи и создания общества каллиграфии и живописи. (艺术传播者陈师曾——以促成金石画风北渐和发起、创建书画社团为例) 2018. URL: // <https://www.cafamuseum.org/exhibit/newsdetail/2441> (Дата обращения: 15.09.2024) (на кит.яз)

2. Чжоу Жун. (周蓉) Записки о живописи (读画品录) Издательство Просвещение провинции Хэбэй (河北教育出版社), 2023 (на кит.яз)
3. Мэй Мошэн. (梅墨生) Исследование изменений в каллиграфии Кан Ювэя на основе «Коллекции произведений Ваньму цаотан» (从《万木草堂藏画目》看康有为书法之所“变”) Литературно-художественные исследования. Хэйлунцзянский университет, 1998, выпуск 5, 1998 г. (на кит.яз)
4. Сюй Баохуан. (徐宝璜) Выступление профессора Сюй Баохуана в Обществе журналистских исследований (徐宝璜教授在新闻研究会之演说) Журнал Пекинского университета, 1918, Выпуск 3 октября URL: // <https://news.pku.edu.cn/xwzh/129-120891.htm> (Дата обращения: 17.09.2024) (на кит.яз)
5. Ху Цзянь. (胡健) Бессмертный: О Чэнь Шицзэне и культурном консерватизме в мире живописи поздней династии Цин и ранней Китайской Республики (朽者不朽 — 论陈师曾与清末民初画坛的文化保守主义), Издательство Пекинского университета, 2012 (на кит.яз)

References

1. Li Zhaoyan. Art Guide Chen Shizen — using the example of the spread of the Jinshihua style of the Northern School of Painting and the creation of a calligraphy and painting society. 2018. URL: // <https://www.cafamuseum.org/exhibit/>

- newsdetail/2441 (accessed:: 15.09.2024) (In Chinese)
2. Zhou Rong. Notes on painting. Hebei Provincial Enlightenment Publishing House, 2023. (In Chinese)
 3. Mei Mosheng. A Study on the Changes in Kang Youwei's Calligraphy Based on the "Collection of Wanmu Caotang Works". Literary and artistic research. Heilongjiang University, 1998, N 5, 1998 . (In Chinese)
 4. Xu Baohuang. Professor Xu Baohuang's Speech at the Society for Journalism Studies Journal of Peking University, 1918 N3. URL: // <https://news.pku.edu.cn/xwzh/129-120891.htm> (accessed:: 17.09.2024) (In Chinese)
 5. Hu Jian. Immortal: On Chen Shizen and Cultural Conservatism in the Painting World of the Late Qing Dynasty and Early Republic of China. Peking University Press, 2012. (In Chinese)

Сведения об авторе

Донченко Анна Ильинична

научный сотрудник

Центр изучения культуры Китая

Институт Китая и Современной Азии РАН

ann.donchenko@yandex.ru

Information about the Author

Donchenko Anna Ilinichna

researcher

Center for the Study of Chinese Culture

Institute of China and Modern Asia RAS

ann.donchenko@yandex.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.10.2024;

Одобрена после рецензирования: 30.10.2024;

Принята к публикации: 03.11.2024.

Information about the article

The article was submitted 25.10.2024;

Approved after reviewing 30.10.2024;

Accepted for publication 03.11.2024.

The concept of “ritual” in the Chinese philosophical
and mythological value system

Понятие «ритуал» в китайской философско-мифологической
системе ценностей

Яковлева Валерия Владимировна

*Луганская государственная академия культуры
и искусств имени М. Матусовского,
г.о. Луганский, Луганск, Россия
Автор, ответственный за переписку:
leila_laoshi@mail.ru*

Valeriia V. Yakovleva,

*Lugansk State Academy of Culture and Arts
named after M. Matusovsky
7 Red Square, Lugansk,
Lugansk People's Republic, Russia, 291001
Correspondung author: leila_laoshi@mail.ru*

УДК 130.2:18:398 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2024-153-168](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-153-168)

АННОТАЦИЯ

Ритуалы являются важной составляющей культурной традиции Китая, отражая их историческое и мифологическое наследие, ценности и верования. Цель данной статьи заключается в определении феномена ритуала как междисциплинарной проблемы. Опираясь на понимание ритуала как одну из форм символического действия, выражающую связь субъекта с системой социальных отношений и ценностей и лишенной утилитарного или самоценного значения, осуществлена аналитика некоторых особенностей специфики китайских ритуалов и их философского осмысления. Особое внимание уделено соотношению понятий ритуал, традиция, обычай, обряд.

Ключевые слова: ритуал, внутренний ритуал, традиция, обычай, обряд.

ABSTRACT

Rituals are an important component of Chinese cultural tradition, reflecting their historical and mythological heritage, values and beliefs. The purpose of this article is to define the phenomenon of ritual as an interdisciplinary problem. Based on the understanding of ritual as one of the forms of symbolic action, expressing the subject's connection with the system of social relations and values and devoid of utilitarian or self-valuable meaning, we analyze some features of the specificity of Chinese rituals and their philosophical understanding. Particular attention is paid to the correlation between the concepts of ritual, tradition, custom, and ritual.

Keywords: ritual, internal ritual, tradition, custom, rite.

Для цитирования: Яковлева В.В. Понятие «ритуал» в китайской философско-мифологической системе ценностей. *Современные востоковедческие исследования*. 2024; 6 (4). С. 153-168 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-153-168>

За время своего становления Китайская и Европейская цивилизации развивались относительно независимо друг от друга и сформировали совершенно различные подходы к пониманию материального мира и философских категорий. Безусловно, изучение отличных точек зрения позволяет современному человеку сместить привычное восприятие, увидеть мир под другим углом, а значит расширить горизонт понимания себя, своей роли в этом мире.

Наиболее информативным и любопытным в этой связи является изучение китайского философского трактата, искусства, оздоровительной гимнастики, медитации, в которых одним из самых мощных объединяющих основ понимания выступает ритуал.

В данной статье представлены два вектора исследования заявленной проблематики. Во-первых, это обозначение феномена ритуала как междисциплинарной проблемы в русле философии, лингвистики, социологии, культурологии, религиоведения, эстетики, психологии. Во-вторых, это описание некоторых особенностей специфики китайских ритуалов.

Итак, ритуал — древний феномен в культуры, который определяется культурной традицией и часто используется для социальной регуляции, поддержания общественного по-

For citation: Yakovleva V.V. The concept of “ritual” in the Chinese philosophical and mythological value system. *Modern Oriental Studies*. 2024; Volume 6 (№4). P. 153-168 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2024-153-168>

рядка, установления связи с высшими силами и отчисления различных переходов в жизни человека. Ритуалы играют важную роль в культуре и философии, пронизывая многие аспекты жизни, от повседневных дел до важных мероприятий, отражая важность традиций и культуры того или иного народа. На протяжении многих тысячелетий, ритуалы были неотъемлемой частью древних сообществ, и сегодня они продолжают сохранять свое значение в различных формах в современном обществе. Антропология ритуалов отмечается тем, что человечество ментально живет в мире явлений и планирует свои действия под влиянием сверхсознательных планов, которые проявляются через природу человека, а ритуалы имеют способность изменять человеческую сущность благодаря своей священной природе.

Обобщение вышеперечисленных тезисов находим в Новой философской энциклопедии: ритуал (от лат. ritus — религиозный обряд, торжественная церемония) — одна из форм символического действия, выражающая связь субъекта с системой социальных отношений и ценностей и лишенная утилитарного или самоценного значения. (Степин 2001, 458)

Ритуал изначально относился к сакрально-значимой группе культурных феноменов,

был окружен ореолом священности и таинственности. Постепенно под воздействием секуляризации общественных отношений и норм данный феномен превращается в социальную условность. В качестве примера приведем официально-государственные церемонии (встречи, парады, инаугурации), торжественные оформления событий, связанных с переменной гражданского статуса и др.

Очевидно, что ритуал носит символический, знаковый (означающий) характер, однако между данными понятиями (ритуал, знак, символ) есть принципиальное различие. Нам близка позиция исследователя А. А. Артемьевой, которая, определяя происхождение слова «ритуал», выводит его из санскрита «рита», что означает «приводить в движение» или «двигаться». Таким образом, изначально оно может быть использовано как существительное, обозначающее закон круговращения Вселенной, порядок, истину, священный обряд и жертвоприношение, а также как прилагательное, означающее соответствующий, подходящий, правильный и праведный. Другими словами, ритуал есть действие, которое подчинено правилу и приводит к порядку (Артемьева 2010, 74).

Действительно, одной из важнейших функций ритуала, как следует из его этимологии, была и остается упорядочивающая функция. Первобытные люди, жившие в неопределенном и опасном мире, пытались найти способ упорядочить его и создать гармонию в пространстве хаоса именно посредством ритуала. Как подмечает советский востоковед

И. М. Дьяконов, человек всегда осознавал некоторую упорядоченность и переходность жизненных процессов. Первобытный человек замечал повторение дня и ночи, смену времен года, необходимость повторения трудового процесса, человеческого сердцебиения, вдохов и выдохов, а также другие функции организма. Все эти ритмичные процессы воспринимались как порядок. В древности человек смотрел на мир как на определенный порядок всего сущего, выражающийся в повторяющихся природных явлениях. Ритуалы помогали закрепить этот порядок и формировали мировоззрение, которое не было самостоятельным, а продолжалось через повторение примера прадедства.

Помимо упорядочивающей функции, через ритуал передается опыт, традиции, ценности из поколения в поколение. В этом контексте уместна цитата: «В проявлениях своего сознательного поведения «первобытный», архаичный человек не знает действия, которое не было бы произведено и пережито ранее кем-то другим, и притом не человеком. То, что он делает, уже делалось. Его жизнь — непрерывное повторение действий, открытых другими» (Элиаде 1987, 33).

Ритуалы несут также эстетическую нагрузку. Они могут рассматриваться как произведения искусства, которые влияют на эмоциональное состояние участников и зрителей: вызывают чувство благоговения, погружают в созерцание и медитацию, пробуждают восторг и интерес. Эстетическая функция ритуалов заключается, прежде всего, в создании символического понимания мира и философского

озарения. Ритуалы в эстетике являются одним из способов трансформации человеческого опыта в форму художественного выражения. Они способствуют развитию чувственности и принимаются как средство для достижения внутренней гармонии и совершенства.

Бесспорно, ритуалы есть особый вид коммуникации, который имеет свои собственные правила и структуры. Они могут быть использованы для передачи информации, укрепления социальных связей и демонстрации социального статуса. Ритуалы как форма языковой деятельности является предметной области лингвистики.

С точки зрения психологической науки смысл ритуала заключается в особом воздействии на участников. Ритуал воспринимается как фасцинационное действие (фасцинация — от лат. *fascination* — околдовывание, заволашевание, очаровывание) и создает особое психическое состояние. Он может привести к отчуждению от собственной личности и к ощущению божественного присутствия, сил мирового порядка или приобщению к миру предков, обществу или человеческой расе. С другой стороны, ритуал нивелирует чувство беспокойства, тревожности, напряжения путем включения в жизнь конкретного человека некоторой размеренности через выполнение стабилизирующих, общепринятых, привычных действий.

В целом, понятие «ритуал» имеет различные интерпретации в различных науках, но все они подчеркивают важность ритуалов в жизни людей и их роли в формировании социальных связей и культурных ценностей.

По мнению В. Буркерта ритуалы с одной стороны превращают нематериальную идею в конкретное явление, которое позволяет передать ее из поколения в поколение и сохранить соответствующее ей общество, а с другой упрощают поведение человека, стандартизируют его и стабилизируют общество, сохраняя его существование (Буркерт 2000, 418).

После прояснения феномена ритуала в междисциплинарном экскурсе, перейдем к решению второй задачи статьи — пониманию специфики ритуала в китайской философии и культуре.

В китайском языке «ритуал» называют «Ли» (кит. традиционное написание 禮, упрощенное 礼, lǐ). В современном китайском языке «Ли» имеет множество значений: уважение, этикет, ритуал, подарок, вежливость, церемония, норма поведения, благопристойность, традиция, обычай, правило, обряд. Этот иероглиф можно встретить в таких китайских словах как 礼物 (lǐ wù, русск. подарок), 礼貌 (lǐ mào, русск. вежливость), 礼仪 (lǐ yí, русск. этикет) и т.д. Иероглифу 禮 более трех с половиной тысяч лет. Впервые его можно встретить на черепаших панцирях, хотя изначально он выглядел несколько иначе (Рис.1).

Рис.1. Первый вариант написания иероглифа «Ли»

Fig.1. The first way of writing the character "Li"

Первый вариант написания иероглифа «Ли» изображал ритуальную чашу, сосуд. Снизу можно увидеть ключ 豆 (dòu), который указывал, что это сосуд на длинной ножке. Сверху можно увидеть два яшмовых украшения 王 (wáng), которые находятся в ритуальной чаше. Таким образом, первое изображение иероглифа «Ли» можно трактовать как чашу для жертвоприношений.

В эпоху надписей на бронзовых триножниках Цзиньвэнь (кит. 金文, jīn wén), иероглиф немного меняет форму, но суть остается та же. Ритуал жертвоприношения был самым главным, что отображается в исходном написании иероглифа, поэтому в процессе эволюции в иероглифе «Ли» появляется ключ «алтарь» (кит. 示, shì), который в левой части сложного иероглифа изображается как 礻, и который символизирует жертвоприношение. Таким образом, сформировался традиционный китайский иероглиф. В процессе эволюции китайских иероглифов правый элемент был заменен. Вместо чаши с яшмами появляется 曲 (qū, русск. песня, мелодия), однако, это не меняет существенный смысл иероглифа, а наоборот дополняет его. В итоге, в традиционном варианте иероглиф «Ли» состоит из трех элементов: жертвоприношение, мелодия, сосуд на длинной ножке (рис.2).

Китайский ученый Ван Говей утверждает, что смысл иероглифа 禮 был следующим: «положить яшмы в посуду, чтобы принести жертву божествам». Постепенно этот иероглиф стал ассоциироваться с жертвоприношениями богам с помощью алкоголя и, наконец, стал общим термином для обозначения ритуальных

Рис.1. Первый вариант написания иероглифа «Ли»

Fig.1. The first way of writing the character "Li"

предметов (Ван Говей 1959, 291). Размышления и анализ различных аспектов китайской культуры Ван Говей, включая ритуалы, отображены в произведении «Цзягувэнь» (или «Цзягуанские заметки» или «Записи о каменных останках»). Он считал ритуалы важными для формирования и поддержания культурных и нравственных ценностей. Автор также видел в них инструмент для формирования добродетелей и правильного поведения. Ван Говей отметил необходимость сохранения китайских ритуалов как части культурного наследия и традиции, считая, что они отражают богатство китайской культуры и должны быть уважаемыми и передаваемыми поколениям. В своих записях Ван Говей также обсуждал взаимосвязь ритуалов и нравственности. Он предполагал, что ритуалы могут служить средством для развития моральных качеств и формирования добрых манер (Ван Говей 1910, 35).

В упрощенном языке 禮 трансформировался в 礼, сохранив свое этимологическое значение. В китайской культуре существует как минимум пять основных типов ритуала: 吉礼 (jílǐ, русск. жертвоприношение), 凶礼 (xiōnglǐ,

русс. траурный ритуал), 宾礼 (bīnlǐ, русск. ритуал по встрече гостей), 军礼 (jūnlǐ, русск. воинский ритуал) и 嘉礼 (jiālǐ, русск. ритуал, после праздничных событий).

Здесь сделаем небольшое отступление от общей направленности риторики. Отметим, что научные исследования, посвященные проблематике ритуалов, как правило включают дифференциацию таких понятий, как ритуал, обряд, обычай, традиция. Как мы понимаем ритуал, было обозначено выше. «Обычай» — более широкая категория, чем обряд, представляет собой унаследованный стереотип поведения, присущий определенному обществу или социальной группе. Обряд является лишь одним из аспектов обычая — это традиционные действия, сопровождающие важные моменты жизни коллектива. «Традиция» же охватывает более широкий круг явлений, присущих всем сферам социальной жизни и культурам, в то время как обычаи ограничены определенными обществами или областями жизни. Ритуал же, как строго регламентируемое последовательное действие актуализирует обычаи, традиции и обряды. К примеру, свадьба — это традиция, похищение невесты — обычай, а обмен кольцами — ритуал.

Так вот, китайский филолог Сунь Ижан из династии Цин, указывая на принципиальное различие между «ритуалом» и «обычаем», подчеркивал, что ритуал — это система правил и законов, связанных с праздниками и трауром, а обычай — это нравы и традиции, связанные с местностью и обыденной жизнью (Сунь Ижан 1987, 71). По мнению Сунь Ижан эти два понятия могут использоваться как отдельно, так

и могут быть объединены под общим термином «Ли Су» (кит. 礼俗, lǐsú), что можно перевести на русский язык как «этикет». То есть, под «Ли Су» подразумевались ритуалы и обычаи, установленные семьей и обществом на важных этапах человеческой жизни.

Китайский ученый Ли Аньчжай считает, что «礼» включает в себя как материальные, так и духовные аспекты и представляет собой целостную культуру в антропологическом понимании. Народные нравы, обычаи, воля народа, система, обряды, указы и другие элементы относятся к ритуалу (Ли Аньчжай 2005, 5).

Китайская культура имеет длительную историю, и многие ритуалы имеют свои корни в традиционных верованиях и философиях, таких как конфуцианство, даосизм и буддизм. История осмысления ритуала в Китае началась примерно в XXI веке до нашей эры, а первые ритуалы в Китае появились в эпоху неолита, когда люди начали поклоняться своим предкам и богам природы. Эти ритуалы были связаны с верой в то, что души предков и богов могут влиять на жизнь людей и приносить им удачу и благосостояние. Ритуалы поклонения предкам помогали установить связь с ушедшими, сделать что-то в их честь и, в идеале, получить благосклонность и помощь от предков. В ходе таких ритуалов использовались жертвоприношения, молитвы и другие обряды.

Древнекитайский ритуал выполнялся как одним человеком, так и группой людей, повторяя сакральный акт из мифологического сюжета, отражая глубокое космическое значение. Человек, путем выполнения ритуала, чувствует

свою близость и связь со всей природой и Вселенной. В традиционном китайском обществе, особенно в первобытном, большинство ритуалов предоставляли человеку возможность почувствовать свою истинную связь с обществом и природой. Календарные ритуалы, а также ритуалы поклонения солнцу, луне и звездам, в особенности в моменты их особого положения (солнцестояние, солнцеворот, солнечное затмение, новолуние), занимали большое место в мифологическом сознании древних людей, которые сверяли свой жизненный ритм с космическими событиями, что придавало ритуалам космическое измерение и вселенский смысл (Ежов 2004, 19).

Во всех китайских религиях, ритуал становится частью обыденной веры. Он так глубоко проникает в национальные культуры и сознание людей, что многие ранее закрытые ритуалы становятся частью повседневной практики. Более того, в современном Китае смешение ритуалов и обрядов различных религий в системе верований отдельного человека или семьи является распространенным явлением. Китаец может быть буддистом, сознательно придерживаясь этой религии, и в то же время участвовать в даосских и конфуцианских ритуалах, которые входят в его повседневную жизнь, поэтому четкой грани между ритуалами нет.

Для большинства восточных культур религиозные обряды и ритуалы являются неотъемлемой частью повседневной жизни человека, а различные традиции, обычаи и обряды тесно переплетены. Изучение исторического развития и содержания китайской культуры ритуалов

и обычаев стало необходимым средством исследования традиционной китайской культуры. Ритуалы в китайской культуре являются средством выражения идентичности и национальной гордости, они помогают сохранить традиции и ценности, передаваемые из поколения в поколение. Культура традиционных китайских ритуалов представляет собой совокупность этикета, обрядов, норм поведения и привычек, которые передаются из поколения в поколение на протяжении долгого исторического периода и не исчезают со временем. Их долговечность и наследование обусловлены их корнями в обществе и культуре. И хотя некоторые ритуалы могут временно исчезать под влиянием политики и обстоятельств, они возрождаются, когда находят подходящую почву. Ритуалы постоянно эволюционируют и наполняются новым содержанием вместе с развитием общества и жизни людей. Например, драконова лодка, возникшая из древних тотемных верований, была трансформирована в символическую форму памяти о Цюй Юане, первом китайском лирическом поэте. В современном Китае понятие «ритуал» относится к официальным национальным ритуалам, которые представляют собой нормативные акты и систему, используемую для регулирования поведения людей. Сохранение ритуалов в Китае сегодня является важной задачей государства, поскольку они помогают сохранить культурное наследие и укрепляют ценности, которые передаются из поколения в поколение. При этом большинство традиционных ритуалов не забыты и помогают сохранить культурную целостность нации.

Таким образом, Китай не случайно называют «государством ритуала» или «страной церемоний». На протяжении всей истории Китая ритуал играл важнейшую роль в сложном механизме сохранения и воспроизводства социального поведения, являясь регулятором стабильной жизни в Китае, а также в сохранении религиозных обычаев в массовом сознании. Всей истории существования и развития Китая характерна концепция «вечного возвращения» и цикличности мироздания. В сознании китайцев настоящее — повторение архетипов, пребывание «внутри мифа», возвращение в момент сотворения мира (Королев 2007, 102).

Обратимся к анализу эволюции развития термина «ритуал». В период Древней Китайской династии Шань ритуалы использовались для подтверждения власти императора и установления связи между богами и правительством. В это время начали появляться первые письменные записи о ритуалах, но изначально понимание ритуала различалось у разных авторов, и его содержание было предметом исследования в различных древних философских трактатах, таких как «Чжоули», «Гоюй», «И цзин», «Цзочжуань», «Луньюй», «Лицзи», «Сюньцзы» и «Гуанюнь».

В «Чжоули» описаны различные официальные церемонии, которые попадают под понятие ритуала «Ли», включая свадьбы, жертвоприношения, прием гостей, военные и траурные церемонии. В эпоху Чжоу «Ли» стал инструментом укрепления порядка в обществе и закрепления власти правящей элиты, а также функционировал как средство регулирования

нравственного сознания человека через соблюдение обрядовых норм поведения. Церемонии представляют собой набор нравственных и поведенческих норм, которым люди должны следовать в своей повседневной жизни и производственной деятельности.

В книгах «Гоюй», «Цзочжуань», «Луньюй», «Сюньцзы», ритуал «Ли» продолжал пониматься как основная программа управления государством. В этих произведениях описываются ритуалы, связанные с иерархическими отношениями в рабовладельческом и феодальном обществе. Ритуал «Ли» рассматривался как воплощение законности и порядка, объединяющее Небо, Землю и человека. Соблюдение норм ритуала «Ли» для правителя считалось способностью правильно управлять государством, а для простых людей — исполнением своего долга перед правителем. В то время ритуал «Ли» был широким понятием, охватывающим политику, государственное управление, законы и другие аспекты.

В древних классических произведениях, таких как «И цзин» и «Лицзи» представлены разные новые точки зрения на содержание ритуала «Ли». Авторы этих работ считали, что человеческие желания и потребности определяют его поведение. Однако, для регулирования этих желаний необходим ритуал «Ли», то есть тщательная регламентация возможностей удовлетворения потребностей (Гэ Чэньхун 2001, 21).

В произведениях «Лицзи — Чжунняньцзюй», «Лицзи — Юецзи», «Гуанюнь» ритуал рассматривался как воплощение социальной справедливости, неотъемлемая истина,

разумный принцип Неба и Земли. Отсюда еще одно значение современного иероглифа «禮» — справедливость.

Книги «Лицзи – Юемин» и «Люй-ши Чунь-цю» рассматривают ритуал «Ли» в контексте правил и норм этикета. «Ли» описывает светский этикет, употребляется в значении «уважение» при обсуждении почитания мудрых людей, включая уважение к мудрым людям (поэтому «禮» — это этикет, уважение). В «Лицзи-Бяоцзи» и «Лицзи-Цзацзи» упоминается, что люди не должны навещать друг друга без подарков, и взаимность в подарках ценится. Эта традиция возникла в древности, и здесь «禮» имеет значение «подарок». В современном китайском языке «подарок» состоит из двух частей, обозначается иероглифом 礼物 (lǐwù), первая часть и есть то самое «Ли» (Васильев 1988, 173).

Таким образом, ритуал «Ли» в китайской культуре и литературе охватывает различные аспекты, включая этикет, обряды, уважение, подарки и другие социальные нормы. Не смотря на множество интерпретаций и значений, он всегда играл важную роль в регулировании общественной жизни и развитии нравственности, сопровождая китайцев на каждом этапе жизни, начиная с рождения и до смерти.

Ритуал — элемент космологической модели Древнего Китая, основан на тех же принципах, что и принципы соразмерности частей, ритма и гармонии космоса, общества и мира в целом. Всеобщая китайская модель мира предполагает существование двух миров: внутреннего и внешнего, и в соответствии с тради-

цией внутреннее всегда является истинным и вечным, господствующим над внешним, которое по своей природе хрупкое и временное. В китайской философии понятиям «внутреннее» и «внешнее» присущи такие синонимы, как «бытие» и «небытие». Однако, в древнекитайском языке не было глагола «быть», его замещал глагол «иметься». Таким образом, речь также шла о наличии либо отсутствии. «Не имение» в китайском языке обозначается термином «у» (кит. 无, wú), который является одной из ведущих категорий даосизма. Ван Фусы, сторонник конфуцианства на вопрос: «Если «у» лежит в основе всех вещей, почему Конфуций не говорил об этом, тогда как Лао-цзы говорил об этом безостановочно?» ответил: «Совершенномудрый Конфуций отождествил себя с «у» (отсутствием) и понял, что этому нельзя обучить, поэтому он вынужден был говорить о «ю» (кит. 有, yǒu; русск. наличие) (Фэн Ю-лань 1998, 242).

Данный диалог очень важен для понимания философии ритуала древнекитайскими философами. Мыслители считали, что каждая вещь обладает внутренней и внешней сторонами, и внутренняя часть преобладает над внешней. Поэтому особенностью китайской философии и культуры можно выделить то, что признана необходимость «внутреннего ритуала», который совершается в самой глубине души, уделяя приоритет содержанию перед формой. Но внутренний потенциал способен проявляться во внешнем мире, только при определенных условиях. Таким образом, возникает круговорот, где верхняя точка задает ритм мирового развития и если круговорот будет следовать

этому ритму, то в конечном итоге невидимая нижняя точка окажется в верхней позиции. Целостность всего мироздания отражается в проявлениях внешнего мира, который является элементом этого круговорота. Следовательно, вся внутренняя сторона вещей предполагает сопричастие внешней стороны (Пэн Линь 2004, 3).

Справедлива позиция исследователя китайской культуры В.В. Малявина, который утверждает, что ритуал является каналом для проявления силы бытия. Ритуал становится универсальной средой для сущего, наполненностью всеобъемлющей пустоты «сюй» (кит. 虛, xū), центром среды «цзянь» (кит. 间, jiān) (Роули 1989, 127). Из-за этого китайская философия обладает типичными чертами, которые являются результатом ритуализированного восприятия мира.

Любопытно, что в китайской философии не возникали вопросы эпистемологии. Китайские философы не интересовались тем, является ли стол, который мы видим, реальным или иллюзорным, является ли он идеей нашего разума или занимает объективное место в пространстве. Мышление воспринималось как реальное явление. В результате отсутствовали проблемы, связанные с основаниями познания, что является характерной чертой ритуалистического восприятия факта познания. Поэтому в китайской философии значительное место занимают такие две категории духовной культуры как «покой» и «пустота». Покой как форма существования внутреннего (靜, цзин) указывает на полное отсутствие движения и измене-

ний, на пребывание в точке «Великого Предела». Все находится в спокойном состоянии, представляя потенциальную фазу нового рождения на более высоком уровне, ведущую к совершенному порядку. Покой предшествует движению в противоположном направлении, где внешние проявления сущности становятся очевидными. Другой формой внутреннего является пустота (虛, сюй). Пустота не связана с отсутствием вещей внутри пространства. В китайском традиционном понимании пустота присутствует в каждой вещи, но она сама по себе не является пустой, потому что всегда «пустое полно». Здесь находится истинная наполненность и неисчерпаемость. Эти слова подтверждены цитатой из трактата Дао-де-цзин: «道冲而用之或不盈 (Dào chōng ér yòng zhī huò bù yíng)», что в переводе обозначает: «Дао пусто, но в применении неисчерпаемо» (Васильев 1988, 213).

Пустота всегда динамична и изменчива, она проникает повсюду. Во внутренней главе «Человек в мире людей» мудрец наставляет ученика о том, как «поститься сердцем»:

若一志，无听之以耳而听之以心，无听之以心而听之以气。听止于耳，心止于符。气也者，虚而待物者也。唯道集虚。虚者，心斋也 (Ruò yīzhì, wú tīng zhī yǐ ěr ér tīng zhī yǐ xīn, wú tīng zhī yǐ xīn ér tīng zhī yǐ qì. Tīng zhǐ yú ěr, xīn zhǐ yú fú. Qì yě zhě, xū ér dài wù zhě yě. Wéi dào jí xū. Xū zhě, xīn zhāi yě), что в переводе на русский язык звучит как «Пусть твоя воля станет единой. Слушай не ушами, но Сердцем. Слушай не Сердцем, но с помощью Ци (духовные токи). Слушание останавливается в ушах, Сердце

останавливается в согласии. Ци есть Пустота и ожидание Вещи. Лишь Дао собирает Пустоту. Пустота — это пост Сердца» (Малявин 1995,14).

Такое соотношение и есть сущность внутреннего ритуала в китайской философии. Эти понятия позволяют китайской культуре воспринимать и понимать мир с глубоким уважением к внутреннему потенциалу и пустоте, которые пронизывают все сущее. Яркий пример, сосуд, который может быть полезен благодаря своей пустоте, а не только благодаря глине, из которой он вылеплен. Взаимодействие между внешней стороной ритуала и его внутренней пустотой является сложным и взаимозависимым процессом. Внешняя сторона ритуала нуждается в существовании внутренней пустотной формы, а внутренняя пустота требует внешней формы для своего проявления (Цзоу Чанлинь 2000, 15).

Ван Говей в своем эссе «Наука о ритуалах» (《礼学》) настоял на важности практической ценности ритуалов, отмечая, что они призваны помогать в укреплении общества. Он подчеркивал, что ритуалы не должны быть пустой формой, а должны выполнять свою непосредственную смысловую и социальную функции. Автор отмечал, что они должны быть направлены на реальные потребности общества и не должны стоять на пути социального и экономического развития, критикуя бюрократический формализм и надменное следование ритуалам, которые не имели никакой реальной ценности. В тоже время, автор призвал сохранять и уважать китайские традиции и ритуалы, так как они олицетворяют культур-

ное наследие и историю народа. Он считал, что ритуалы должны быть адаптированы к современным обстоятельствам и служить полезным целям для общества (Ван Говей, 1913). Ван Говей, таким образом, попытался найти баланс между сохранением культурных корней Китая и потребностью в адаптации к новым условиям и вызовам, с которыми столкнулась страна в период модернизации.

Отдельное внимание заслуживает особое отношение и оригинальная трактовка ритуала Конфуцием. В литературных источниках встречается высказывание о том, что Китай является «государством конфуцианского ритуала». Конфуций придавал ритуалам большое значение и включал его в «шесть искусств», которыми должен был овладеть «благородный муж»: ритуал, музыка, стрельба из лука, управление колесницей, каллиграфия и математика. Философ видел в ритуале не только обрядовые действия, он также связывал ритуал с сакральным состоянием человека, ритуалы придавали священность самым обыденным поступкам. Ритуал требует от участников «особое мышление», связанное с определенным состоянием сознания, чтобы установить гармоничные отношения с Небом, то есть достичь высшей формы общественного поведения. Тот, кто полностью осознает и следует ритуалу, может преобразиться из «маленького человека» в «благородного мужа». Следовательно, чем ниже человек находится на социальной лестнице, тем меньше ритуализирована его жизнь (Ежов 2004, 155).

Российский китаевед А.А. Маслов, подчеркивая глубинную мистическую основу любого

ритуала, говорит о связанном с ним особом переживании, которое позволяет человеку перейти из одного состояния в другое: «По сути вся конфуцианская идеология говорит о тщательном соблюдении того, что в современной науке именуется «ритуалом перемены статуса» (Маслов 2005, 64).

Ритуалы в Древнем Китае безусловно были мистифицированы, а правители и мудрецы выступали в роли медиумов. Магия (мистика) тесно связана с примитивными аграрными, скотоводческими и промысловыми техниками, а также с устойчивыми общинными, родовыми и патриархальными отношениями. Конфуций и Лао-цзы стремились адаптировать древние мистические представления под потребности государственного управления, стремясь объединить роль правителя и мудреца. Ритуал, в некоторой степени, лишает человека самостоятельности в суждениях и действиях, вводя его в область «межчеловеческого». Древнекитайский ритуал очищает общественную жизнь от случайности и является фундаментом всей человеческой деятельности, поскольку общество, которое не соблюдает предписанные нормы и правила, не может существовать и успешно развиваться. Нормы и правила жизни в Китае были установлены как отражение воли Небес. Нарушение ритуала означает разрыв связи и нарушение коммуникации между мирами, что приводило к нарушению баланса во всем мире. Конфуций считал, что если при правителе происходил разрыв связи между Небом и землей, то единственным правильным решением был сменить власть. Так как идеальный правитель, тот, кто всегда держит в гармонии

Небо и Землю, при помощи ритуалов. Таким образом, еще одно ведущее значение ритуала заключается в гармонизации духовных энергий мира и объединении всего сущего (Маслов 2005, 32).

Сторонники конфуцианства связали понятие «гармония» с музыкой, которая через ритуал связывает человека с духами и природой. Однако, ритуал того времени постепенно перестал быть средством общения с богами и стал самоцелью. В этот период ритуальные действия приобретали те черты, которые определяют современное понимание ритуала: сложная стилизованная система действий, жестов и слов, выражающая определенные культурные ценности. Ритуал остался основой мировоззрения древних обществ, но расстояние между священным миром и миром обычного человека неуклонно увеличивалось.

Мысли еще одного китайского ученого и философа, которые в большей мере соответствовали конфуцианской традиции, принадлежат уже ранее упомянутому Сунь Ижану. Он внес свой вклад в исследование классических китайских текстов, включая «Мо-цзы». В его комментариях к «Мо-цзы» можно проследить его собственные ключевые идеи и высказывания о ритуалах. Таким образом, Сунь Ижан подчеркивал важность ритуалов в формировании и поддержании нравственности и порядка в обществе. Он считал, что ритуалы помогают укрепить человеческие добродетели и создать гармонию в обществе. Он утверждал, что правительство должно играть активную роль в поддержании и соблюдении ритуалов, так как это способствует стабильности и моральному

лидерству в обществе. Ритуалы также помогают установить стандарты для правительства. Сунь Ижан видел в ритуалах инструмент для развития моральных качеств у людей. Он считал, что через участие в ритуалах люди могут обогатить свой духовный мир и развить добродетели. Философ подчеркивал важность соблюдения умеренности и избегания излишеств в ритуалах. Он считал, что избыточная роскошь и экстравагантность могут отвлечь от истинной сути ритуала (Сунь Ижан, 1905).

Рассматривая развитие ритуала в историческом контексте, можно выделить периоды правления следующих династий: Западная Хань, Юань, Мин, Цинь, Хань, Тан, Сун, Мин, Цин и современный Китай. Период Западной Ханьской династии (206 г. до н.э. - 24 г. н.э.) считается «золотым веком» китайского ритуала. Дун Чжуншу предложил отказаться от всех прочих идеологий в пользу конфуцианства, которое в тот период стало господствующей идеологией. В это время разработались общенациональные ритуалы, включая церемонии поклонения богам, предкам и правительству. Кроме того, были разработаны детальные инструкции по проведению ритуалов, а также созданы специальные учебники для обучения ритуалам.

Дун Чжуншу расширил понятие «Ли» и включил в него три этические нормы: абсолютную власть государя над подданными, власть отца над сыном и власть мужа над женой. Эти нормы представляли собой основу старой китайской этики. Кроме того, Дун Чжуншу выделил «пять добродетелей», которые включают гуманность, чувство долга, обряды и це-

ремонии, мудрость и доверие. Эти добродетели определяли этические принципы взаимоотношений между людьми.

В эпоху Юань ритуалы претерпели значительные изменения в связи с изменениями в обществе и культуре Китая. Некоторые ритуалы были упрощены или полностью забыты, конфуцианская идеология была нарушена. Династия Мин вернула «Ли» свое исходное значение. В период правления династии Цинь (221-206 гг. до н.э.) и в начале династии Хань (206 г. до н.э. - 220 г. н.э.) «Ли» продолжало возрождаться, но ритуалы были жестко регламентированы и строго контролировались правительством. Например, правительство Цинь установило официальную форму брачных церемоний и заставляло всех женщин носить одну и ту же прическу. Также были установлены жесткие наказания за нарушение ритуалов. «Ли» воспринимался как воплощение законности и порядка, объединяющее Небо, Землю и человека.

В эпоху Тан (618-907 н.э.) и Сун (960-1279 н.э.) феодальное общество достигло расцвета, и императоры этой династии активно способствовали развитию ритуалов, церемоний и музыки, рассматривая их как неотъемлемые атрибуты цивилизованного государства. Но ритуалы начали претерпевать изменения в связи с распространением буддизма и даосизма. Некоторые ритуалы были модифицированы, чтобы соответствовать новым верованиям. Например, традиционный конфуцианский ритуал поклонения предкам был объединен с ритуалами буддизма и даосизма, чтобы создать новый ритуал поклонения предкам, который был более

универсальным и мог использоваться всеми тремя верованиями. В этот период понятие «Ли» стало иметь системообразующий характер и стало связано с сакрализацией государственной власти.

В период Мин (1368-1644 н.э.) и Цин (1644-1912 н.э.) ритуалы продолжали изменяться. Некоторые ритуалы были упразднены или забыты, а другие стали более популярными. Например, ритуал поклонения предкам был частично заменен на другие ритуалы, такие как церемония установления свадебного алтаря или церемония поклонения великим поэтам.

В целом китайская философия в большей степени возникала из ритуального утверждения, а не из вопросов, конфликтов или проблем. Кроме того, следует отметить особую внушаемость китайского искусства и стиля выражения китайских философов. Высказывания и тексты китайских философов часто не были ясно сформулированы, их суггестивность была почти безграничной, что естественно для ритуала, где суть передается через внушение, а не явную артикуляцию.

Таким образом, изучение истории возникновения и распространения китайского ритуала имеет важное значение для понимания характера развития китайской культуры. В Древнем Китае ритуалы были связаны с различными церемониями и формализовали философско-культурологическое содержание поведения и сознания человека, выраженное в нормах поведения.

Список литературы

1. Степин В.С. Новая философская энциклопедия в 4 т.т. М.: Мысль, 2001.
2. Артемьева А.А. К вопросу о ритуале: этимология и понятия термина. Вестник Московского университета МВД России. Сер. Юридические науки. 2010; №7. С. 74-77. <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-rituale-etimologiya-i-ponyatie-termina/viewer> (дата обращения: 16.06.2023 г.)
3. Элиаде М. Космос и история. М.: Прогресс, 1987.
4. Маслов А.А. Китай: колокольца в пыли странствия мага и интеллектуала. М.: Алетейа, 2005.
5. Буркерт В. Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М.: Языки русской культуры, 2000.
6. Ван Говей. (王国维) Гуаньтан Цзилинь. (观堂集林) Пекин: Книжная компания Чжунхуа. 1959. (на кит. яз.)
7. Ван Говей. (王国维) Цзягувэнь. (甲骨文) Пекин: Книжная компания Чжунхуа. 1910. (на кит. яз.)
8. Сунь Ижан. (孙诒让) Чжоу Личжэн. (周礼正义). Пекин: Книжная компания Чжунхуа. 1987. (на кит. яз.)
9. Ли Аньчжай. (李安宅) Социологическое исследование «Или» и «Книги обрядов». («仪礼» 与«礼记» 之社会学的研究).

- Шанхай: Шанхайское народное издательство. 2005. (на кит. яз.)
10. Ежов В.В. Мифы древнего Китая. Москва: Астель, АСТ. 2004.
 11. Королев К. Китайская Мифология. Мидгард: Эксмо. 2007.
 12. Гэ Чэньхун. Китайская культура этикета. Пекин: Экономическая наука, 2001.
 13. Васильев Л.С. Этика и ритуал в трактате «Ли цзи». Этика и ритуал в традиционном Китае. Сборник статей. М.: Главная редакция восточной литературы «Наука». 1988; С. 173-201.
 14. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии. СПб.: Евразия, 1998.
 15. Пэн Линь. Древняя китайская культура этикета. Пекин: Изд-во Чжунхуа Шуцзюй, 2004.
 16. Роули Дж. Принципы китайской живописи. М.: Наука, 1989.
 17. Малявин В.В. Чжуан-цзы. Ле-цзы. М.: Мысль, 1995.
 18. Цзоу Чанлинь. Китайская культура этикета. Пекин: Социальные науки, 2000.
 19. Ван Говей. (王国维) Наука о ритуалах. (礼学). 1913. (на кит.яз.)
 20. Сунь Ижан. (孙诒让) Комментарии к Мо-цзы. (墨子间诂). 1905. (на кит.яз.)

References

1. Stepin V.S. New Philosophical Encyclopedia in 4 Volumes. Moscow: Mysl, 2001.
2. Artemyeva A.A. On the Question of Ritual: Etymology and Concept of the Term. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Series: Legal Sciences. 2010; No.7. pp. 74-77. Link (Accessed: June 16, 2023).
3. Eliade M. Cosmos and History. Moscow: Progress, 1987.
4. Maslov A.A. China: Bells in the Dust of the Wanderings of a Magus and Intellectual. Moscow: Aleteya, 2005.
5. Burkert W. Sacrifice: Ritual in Culture and Art from Antiquity to the Present Day. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000.
6. Wang Guowei (王国维) Guāntáng Jílín (观堂集林). Beijing: Zhunghua Book Company, 1959. (In Chinese)
7. Wang Guowei (王国维) Jiǎgǔwén (甲骨文). Beijing: Zhunghua Book Company, 1910. (In Chinese)
8. Sun Yizhan (孙诒让) Zhōu Lǐzhèngyì (周礼正义). Beijing: Zhunghua Book Company, 1987. (In Chinese)
9. Li Anzhai (李安宅) Sociological Study of "Yili" and "Liji" («仪礼» 与«礼记» 之社会学的研究). Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2005. (In Chinese)

10. Yezhov V.V. Myths of Ancient China. Moscow: Astel, AST, 2004.
11. Korolev K. Chinese Mythology. Midgard: Eksmo, 2007.
12. Ge Chenghun. Chinese Culture of Etiquette. Beijing: Economic Science, 2001.
13. Vasiliev L.S. Ethics and Ritual in the "Li Ji" Treatise. Ethics and Ritual in Traditional China. Collection of Articles. Moscow: Main Editorial Office of Eastern Literature "Nauka," 1988. pp. 173-201.
14. Feng Youlan. A Short History of Chinese Philosophy. St. Petersburg: Eurasia, 1998.
15. Peng Lin. Ancient Chinese Etiquette Culture. Beijing: Zhunghua Shuzuyi Publishing, 2004.
16. Rowley J. Principles of Chinese Painting. Moscow: Nauka, 1989.
17. Malyavin V.V. Zhuangzi. Laozi. Moscow: Mysl, 1995.
18. Zhou Changlin. Chinese Culture of Etiquette. Beijing: Social Sciences, 2000.
19. Wang Guowei (王国维). The Science of Rituals (礼学). 1913. (In Chinese)
20. Sun Yirang (孙诒让). «Commentaries on Mozi» (墨子间诂).1905. (In Chinese)

Сведения об авторе

Яковлева Валерия Владимировна,

Луганская государственная академия культуры и искусств им. М.Матусовского
291001, Россия, Луганская Народная Республика, г.о. Луганский, г. Луганск, пл. Красная, д. 7

leila_laoshi@mail.ru

Information about the Author

Valeriia V. Yakovleva,

Lugansk State Academy of Culture and Arts
named after M. Matusovsky

7 Red Square, Lugansk, Lugansk People's Republic, Russia, 291001

leila_laoshi@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.10.2024;

Одобрена после рецензирования: 30.10.2024;

Принята к публикации: 03.11.2024.

Information about the article

The article was submitted 25.10.2024;

Approved after reviewing 30.10.2024;

Accepted for publication 03.11.2024.

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас опубликовать результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES»

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнитель-

но-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

1. Тип рукописи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

2. УДК шифр (обязательно).

3. Заглавие рукописи. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

В качестве заглавия рецензии может быть приведена библиографическая запись на рецензируемый ресурс. При публикации статьи частями в нескольких выпусках издания части должны быть пронумерованы, и у всех частей следует указывать общее заглавие статьи. Если части имеют, помимо общего, частное заглавие, то его приводят после обозначения и номера части.

4. Автор/ авторы статьи. Данные указываются полностью, в точной последовательности: имя, отчество, фамилия. Расположение по ширине, шрифт полужирный. В случае, если у статьи несколько авторов, их данные указываются в выбранном авторами порядке, через запятую.

5. Название учреждения. Необходимо привести официальное название учреждения (в соответствии с наименованием,

указанным в уставных документах организации, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре (¹) после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

6. Каждому автору необходимо указать свой **e-mail** и **идентификационный номер ORCID**. В конце ORCID точка НЕ ставится. Возможно приведение электронного адреса только одного автора, с которым планируется переписка, или отдельное указание автора для корреспонденции по форме: «Автор, ответственный за переписку:» (“Corresponding author:”).

7. Аннотация должна содержать данные об актуальности, цели, материалах и методах, результатах и выводах исследования. Объем аннотации 100-250 слов.

8. Ключевые слова (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости

каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

9. Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

10. Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования.*

11. Тип рукописи на английском языке: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

12. Название статьи на английском языке. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

13. Автор / авторы статьи на английском языке. Данные необходимо указывать в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях. *Пример: Ivan P. Ivanov*

14. Название учреждения на английском языке. Необходимо указать официальное англоязычное название учреждения без сокращений и указания организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

15. Abstract. Содержание аннотации на английском языке должно соответствовать русскоязычному тексту.

16. Keywords (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

17. Размещение дополнительной информации на английском языке: о финансировании (funding / financial support), благодарностей (acknowledgements) — по желанию автора / авторов, в соответствии с русскоязычным текстом.

18. For citation. Фамилия И.О. (на английском языке, в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях) Название статьи на английском языке. *Modern oriental science.*

19. Полный текст (на русском или английском языках) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований,

должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение (актуальность), цель и задачи, материалы и методы, результаты, выводы, а также — по желанию автора — тематические подразделы.

20. Сведения о продолжении или окончании статьи указывают при её публикации частями в нескольких выпусках издания в конце каждой части, кроме последней, по форме: «Продолжение (окончание) следует». На странице с началом каждой последующей части статьи в подстрочном примечании или перед текстом ставят пометку «Продолжение (окончание)» и указывают номер (номера) выпуска (выпусков) издания, в котором (которых) были напечатаны предыдущие части статьи.

21. В статье могут быть внутритекстовые, подстрочные и затекстовые примечания. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи. Затекстовые примечания помещают после основного текста статьи перед «Списком источников» с предшествующим словом «Примечания».

22. Таблицы должны быть помещены в текст статьи и пронумерованы (Таблица 1 — Tabl. 1), иметь четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Названия следует давать курсивом на русском и английском языках. Данные таблицы должны соответствовать цифрам

в тексте, однако не должны дублировать представленную в нём информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

23. Рисунки (графики, диаграммы, схемы, чертежи и другие иллюстрации, рисованные средствами MS Office) должны быть контрастными и четкими. Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен быть помещен в текст и сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью курсивом на русском и английском языках (Рис. 1 – Fig. 1). Должен быть указан источник рисунка (например: издание, сайт, музей, фото автора). Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

25. Ссылки в тексте — затекстовые. В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

⇒ Перечень затекстовых библиографических ссылок на русском языке помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников».

⇒ Библиографические ссылки на монографии оформляются по примеру: Фамилия И.О. *Название монографии*. Город: издательство; год. Количество страниц в монографии.

⇒ Библиографические ссылки на статьи оформляются по примеру: Фамилия И.О. *Название статьи*. *Название журнала, где была издана статья*. Город: издательство; год. С. (страницы, на которых разме-

щена искомая статья).

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных приводится <https://> (дата обращения:)

⇒ Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

26. References. Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице согласно выбранному стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок ***Chicago***, принятому в зарубежных изданиях.

⇒ Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация.

⇒ Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык. Например: Roerich Yu. N. *Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. Philology and History of the Mongolian Peoples.* Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных при-

водится <https://> (accessed:)

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

27. Сведения об авторе / авторах. Указывается в статье после списка источников.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

28. Information about the author / authors. Указывается в статье после списка источников.

Имя Отчество (сокращённо) Фамилия

Пример: Ivan P. Ivanov

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

29. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «**Вклад авторов:**» (“**Contribution of the authors:**”).

После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

30. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализацию такого конфликта в случае его наличия приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Если в статье приводят данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указывают после них.

Например:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

31. Сведения о дате поступления рукописи в редакцию издания, **дате одобрения** после рецензирования и **дате принятия** статьи к опубликованию приводят в конце статьи после всех других сведений.

Например:

Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 08.12.2021;
принята к публикации 14.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021;
approved after reviewing 08.12.2021;
accepted for publication 14.12.2021.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ARTICLE FORMATTING SAMPLE

Научная статья/другое

Исторические/другие науки

УДК _____

<https://doi.org/>_____

Название статьи

Федоров Антон Витальевич¹, Антонов Виталий Федорович²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Автор, ответственный за переписку: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____ (точка в конце не ставится)

Аннотация: Аннотация статьи должна содержать: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, выводы; полностью соответствовать содержанию работы. **Объем текста 100-300 слов.**

Ключевые слова: (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится

Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

Для цитирования: Федоров А.В., Антонов В.Ф. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования*. Год; Том (номер). С. <https://doi.org/>_____

Original article/*other*

History/*other* studies

<https://doi.org/>_____

The article title

Fyodorov A.V.¹, Antonov V.F.²

¹*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

²*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

Corresponding author: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____

Abstract: Abstract of the article is required to contain: relevance, purpose, materials and methods, results, conclusions; it should be fully consistent with the content of the work. **The volume of an abstract is 100-300 words.**

Keywords: Up to 10 keywords, starting with the most significant ones. When listing them, a comma is put, at the end of the listing, a dot is NOT put

funding / financial support/ acknowledgements: up to the author request

For citation: Fyodorov A.V., Antonov V.F. The article title *Modern Oriental Studies*. Year; Volume (№). P. (In Russ. / *other*) <https://doi.org/>

Текст работы /Full text:

Табл.1. Название таблицы.

Table 1. Table's name.

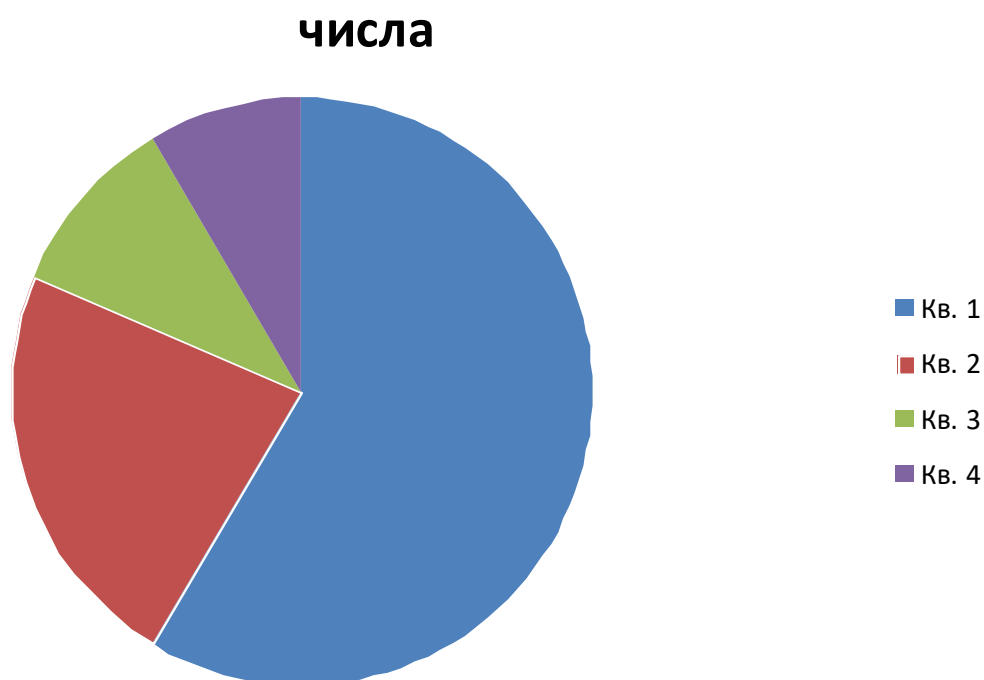

Рис.1. Название рисунка.

Fig. 1. Figure's name.

Список литературы / References:

Список литературы оформляется в соответствии с Чикагским стилем цитирования.

!В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

Внутритекстовые ссылки: текст [Фамилия автора/авторов, год, № страницы]. Пример:
текст [Мартынов, 2021, 56].

Примеры оформления ссылок для списка литературы:

Книги:

Фишер Р.Е. *Искусство буддизма*. Москва: СЛОВО, 2001.

Периодические печатные издания:

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486.

Электронный ресурс:

В случае обращения к электронному ресурсу, после вышеуказанных данных прибавляется

<https://> (дата обращения:)

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486. <https://> (дата обращения 31.10.2021)

Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

Лю Жомэй. (柳若梅) Исследование хранящейся в России копии «Истории государства Российского», переведенной при династии Цин. (俄藏中国清代稿抄本«罗西亚国史»研究) *Россия-Китай: история и культура*. 2022. С. 164-174 (на кит.яз.)

Список «**References**» формируется в том же порядке, что и список литературы.

Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация

Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык:

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochaya literatura, 1958, pp. 333–346. <https://> (accessed:31.10.2021) (In Russ.)

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

Сведения об авторе / авторах.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты

Information about the author / authors.

(Указывается в статье после списка источников)

Name

Degree, position

Organization

Mailing address

e-mail

Информация о статье

Поступила в редакцию: _____.

Одобрена после рецензирования: _____.

Принята к публикации: _____.

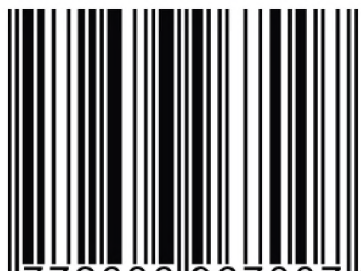
Information about the article

The article was submitted _____;

Approved after reviewing _____;

Accepted for publication _____.

ISSN 2686-9675

9 772686 967007 >